

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2020 г., том 27, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ

Майничева А.Ю. Современные исследования роли символов и знаков в мировоззрении русских в Сибири конца XVI – начала XVIII в.	5
Прищепа Е.В. История жилища <i>ат-уб</i> у хакасов	13
Фурсова Е.Ф. Этнокультурная идентичность сибирских украинцев в автобиографических текстах Ф.Е. Токаренко	20
Шитова Н.И. Особенности орнаментации рукоделий русских крестьянок Горного Алтая	26
Бадмаев А.А. Образ и символика коня в мифологических воззрениях и обрядности бурят	33
Бурнаков В.А. Образы мыши и крота в фольклоре и верованиях хакасов (конец XIX – середина XX в.)	40

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Родигина Н.Н. Образы Первой русской революции в журнале «Божия нива» 1905–1907 гг.	46
Плотникова Е.В. Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг.	54
Килин А.П. Частное торговое предпринимательство в годы нэпа: историография 1990–2000-х гг.	62
Запорожченко Г.М. Потребительская кооперация как актор формирования гражданского самоуправления в Сибири начала XX в.	69
Шереметьева Д.Л. Городские выборы в условиях военной диктатуры А.В. Колчака	77
Лапердин В.Б. «Чистки» в колхозах Западно-Сибирского края в 1930-е гг.	86
Дмитриева А.И. Городская среда крупного промышленного центра (г. Свердловск) в фотодокументах советской эпохи	93

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ

Виерегг Хильдегард К., Труевцева О.Н. Материальное и нематериальное наследие древнего Шелкового пути	100
Комлева Е.В. Освоение Северной Азии как сфера реализации социокультурных практик сибирского купечества	107
Жетпысбаев С.К. Великий Шелковый путь: из истории в будущее Казахстана	113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Маслюженко Д.Н. «Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки»: Всероссийская научная конференция в Курганском государственном университете (20–21 марта 2020 г.)	117
---	-----

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд.ист.наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист.наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *В. Линн* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист.наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н.Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И.Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н.Разгон*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, д-р ист.наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н.Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 29.06.20. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 53.

А д р е с и з д а т е л ь с т в а и т и п о г р а ф и и:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2020, vol. 27, N 2

CONTENTS

ETHNOGRAPHY

Mainicheva A.Yu. Modern research of the role of symbols and signs in the worldview of Russians in Siberia at the end of the 16 th – beginning of the 18 th centuries	5
Prishchepa Y.V. History of “at ib” housings of the khakass	13
Fursova E.F. Ethnocultural identity of Siberian Ukrainians in autobiographical texts F.E. Tokarenko	20
Schitova N.I. Features of Russian needlework ornamentation peasants of the Altai Mountains	26
Badmaev A.A. The image and symbolism of the horse in the mythological views and rituals of the Buryats	33
Burnakov V.A. Images of mice and moles in folklore and khakas beliefs (late XIX – mid XX centuries)	40

NATIONAL HISTORY

Rodigina N.N. Images of the First Russian revolution in the magazine “Bozhiya niva” in 1905–1907	46
Plotnikova E.V. Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904–1907	54
Kilin A.P. Private trading entrepreneurship in the years of the NEP: historiography of the 1990–2000s	62
Zaporozhchenko G.M. Consumer cooperation as a factor in the formation of civil self-government in Siberia at the beginning of the XX century	69
Sheremetyeva D.L. City elections under the conditions of the military dictatorship of A.V. Kolchak	77
Laperdin V.B. Purge in Collective Farms of West Siberian Region in 1930s	86
Dmitrieva A.I. Urban environment of the large industrial center (Sverdlovsk) in the photo documents of the Soviet period	93

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF EURASIA

Hildegard K. Viereg, Truevtseva O.N. Tangible and Intangible Heritage Along the Ancient Silk roads	100
Komleva E.V. The Development of the Northern Asia as a Sphere of Realization of Siberian Merchantry’s Social and Cultural Practices ..	107
Zhetpysbaev S.K. The Great Silk Road: From History to the Future of Kazakhstan	113

ACADEMIC LIFE

Maslyuzhenko D.N. The Role of Material Sources in the Informational Support of Historical Science: All-Russian Scientific Conference at the Kurgan State University (March, 20–21, 2020)	117
---	-----

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *Viola Lynne* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200201
УДК 39+303.01(571)"15/17"

А.Ю. МАЙНИЧЕВА

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РУССКИХ В СИБИРИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII в.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

В статье дан обзор современных отечественных и зарубежных исследований, выполненных в рамках различных гуманитарных дисциплин, осуществлен анализ роли символов и знаков в мировоззрении переселенцев из европейской части страны в Сибирь. Исследования отечественных ученых проводились с использованием подходов истории, археологии, исторической этнографии, искусствоведения, архитектуры. Объектом изучения выступали преимущественно конкретные аутентичные и заимствованные символы и знаки, включая знаки социального статуса, обережные и магические символы и знаки, символы исторических реалий, архитектурных православных символов, иконографии, включая символы, связанные с православием и утверждением роли государства. Рассмотрены теоретические работы отечественных и зарубежных исследователей в области социологии и психологии. Они могут быть методологической основой для изучения указанных символов и знаков. Специальные теоретико-методологические работы, которые базировались бы на сибирских материалах конца XVI – начала XVIII в., отсутствуют, как и обобщающие исследования, в которых рассматривались закономерности динамики символично-знаковой сферы миграционного сообщества на примере русских в Сибири.

Ключевые слова: символы, знаки, мировоззрение, русские, православие, архитектура, иконография, Сибирь

A.YU. MAINICHEVA

MODERN RESEARCH OF THE ROLE OF SYMBOLS AND SIGNS IN THE WORLDVIEW OF RUSSIANS IN SIBERIA AT THE END OF THE 16th – BEGINNING OF THE 18th CENTURIES

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

An active Russian colonization of Siberian lands took place in the late XVI – early XVII centuries. The processes of adaptation to new conditions at various levels, including the level of the worldview, occurred. In order to understand the role of symbols and signs in the worldview of immigrants who came from the European part of the country to Siberia, the author sets a goal to identify and analyze the work of modern researchers in various humanitarian disciplines studying this topic. To achieve the goal, the author studied foreign and domestic publications of the XX-XXI centuries, having undertaken a continuous review of publications. The depth of the historiographic survey covered the first half of the 1950s with single excursions to the earlier period. The author revealed more than two thousand works written by more than two hundred and fifty researchers, the closest of which to the study are considered in the article.

The analysis showed that studies on the role of symbols and signs in Siberia during the XVI-XVIII centuries in the framework of historical disciplines, art criticism, history of architecture were carried on by domestic scientists. They researched specific symbols and signs, both authentic

Анна Юрьевна Майничева – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: annmaini@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0784-4252>

Anna Yu. Mainicheva – Doctor of Historical Sciences, Leading Research, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

and borrowed, including signs of social status, charms and magic symbols and signs, symbols of historical realities, architectural Orthodox symbols, iconography, and symbols associated with Orthodoxy and the affirmation of the role of state and government. In studying the role of symbols and signs in the worldview of established communities and immigrants, the theoretical works of domestic and foreign researchers in the field of sociology and psychology stand apart. They are indirectly related to investigating the role of symbols and signs in Siberia, but can be used as a methodological basis. There are no special theoretical and methodological works based on Siberian materials from the late XVI – early XVIII centuries, as well as there is no comprehensive generalizing study of dynamics in the symbolic sphere of the migration community evidently for Russians in Siberia.

Key words: symbols, signs, worldview, Russians, Orthodoxy, architecture, iconography, Siberia

ВВЕДЕНИЕ

В конце XVI – начале XVIII в. происходила активная русская колонизация сибирских земель, осуществлялись процессы адаптации к новым условиям на различных уровнях, включая мировоззренческий. Для понимания роли символов и знаков в мировосприятии переселенцев из европейской части страны в Сибирь необходим анализ работ современных исследователей, работающих в рамках различных гуманитарных дисциплин по указанной теме. Для достижения указанной цели рассматривались зарубежные и отечественные публикации XX–XXI вв. Был предпринят сплошной просмотр работ. Технология поиска включала создание перечня исследователей, в трудах которых могла затрагиваться тема символа и знака. Список исследователей был составлен путем экспертных бесед, анализа списков участников двенадцати конгрессов антропологов и этнологов России, девяти конференций «Этнография Алтая и сопредельных территорий», страниц с библиографиями сотрудников на сайтах научных и учебных учреждений. Глубина историографического обзора охватывала первую половину 1950-х гг. (с единичными углублениями в более ранний период). Выявлено более 2 тыс. работ, принадлежащих перу свыше 250 исследователей. Наиболее близкие к теме нашего исследования рассмотрены в настоящей статье. Обзор касается избранных значимых работ, поэтому намеренно был выпущен блок теоретических работ по семиотике (например, работы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Б.А. Успенского и их последователей), хотя автор присоединяется к мнению о том, что с семиотической точки зрения культура представляет собой язык или совокупность языков, распределенных по своим функциям; с помощью знаковых систем народ поддерживает и оберегает свои ценности, своеобразия своей культуры и ее связи с окружающим миром (см., например: [1]). Вместе с тем в обзор включены некоторые работы исследователей, обращавшихся в аспекте символично-знаковой тематики к теоретическим вопросам формирования наций и социальным коммуникациям, так как эти процессы необходимо изучать для понимания этносоциальной ситуации в Сибири конца XVI – начала XVIII в. После подробного знакомства с трудами из выборки по теме историографического обзора был составлен тематический рубрикатор, по которому можно с некоторой долей условности распределить работы по ряду тем в историческом, археологическом, этнографическом, искусствоведческом, историко-архитектурном, социологическом и психологическом аспектах.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

В работах, основанных на русскоязычных письменных источниках XVII в., имеются сюжеты, посвященные бытованию конкретных символов и знаков у исторических мигрантов, и анализ их влияния на мировоззрение мигрантов. Множество деталей приведено в работах С.В. Бахрушина. На основе своих многочисленных архивных находок он делает вывод о большом разнообразии предметов в быте русских переселенцев в Сибири, вещный мир которых включал разные этнические и культурные традиции, самые последние технические изобретения. Все это выводило сибирскую окраину на общероссийский уровень развития [2, с. 65]. В монографии А.Н. Копылова описываются предметы, которые использовали в своей профессиональной деятельности земледельцы, промысловики и торговцы. Он писал, что обмен предметами со всем их символично-знаковым наполнением проводился активно в Енисейском уезде и к концу XVII в. данная территория была включена в общероссийский рынок товаров [3, с. 269–270]. В работах О.Н. Вилкова дается внушительный список предметов, которые ввозились в Сибирь и вывозились из нее. Многие из них он атрибутировал, а также классифицировал изображения на восковых печатях [4, с. 105–106]. А. А. Преображенский сделал выборку материалов по запасам, которые находились в хозяйстве дворянской знати в Сибири в начале XVII в. Он отметил, что большое значение придавалось культовым предметам, а именно иконам, крестам и подсвечникам [5, с. 277]. Интересны также исследования Д.Я. Резуна, касающиеся предметного мира сибирского горожанина XVII в. Автор отметил, что ассортимент и количество предметов культуры позволяли горожанам овладевать в полной мере всем спектром символических и знаковых аспектов актуальной русской культуры [6, с. 35].

Н.Д. Зольникова и Н.Н. Покровский показали, что утверждение православия в Сибири не носило для переселенческого населения однозначного характера. С одной стороны, оно было необходимо в целях поддержки самосознания, а с другой – непримиримость церковнослужителей к традиционным религиям сибирских народов уменьшала пространство для маневра в процессе межэтнического общения. В результате у переселенцев сформировалась не только властная, но и сакральная составляющая военной и дипломатической деятельности. На примере текстов, тиражируемых в Тобольской епархии, Н.Д. Зольникова делает

вывод о том, что они дополняли символическую основу, выстроенную церковной архитектурой и иконами, и были направлены на утверждение божественного провиденциализма в региональной истории, участниками которой становились в том числе и рядовые переселенцы [7, с. 84, 8, с. 37–38].

В.Н. Курилов, представляя обзор шатрового стиля в сибирской архитектуре XVII в., писал о единстве переселенцев в Сибири и жителей европейской части России. Единая стилевая окрашенность, проявившаяся в архитектуре, помогала в символическом и социально-психологическом плане «русским колонистам, направлявшимся с “Руси”, постоянно ощущать связь» Руси и Сибири и уже с самого раннего периода считать последнюю неотъемлемой частью России [9, с. 98]. В.Н. Курилов писал о применении христианских символов при строительстве и перестройке дворовых строений и изб, полагая, что символы использовались с обереговыми функциями [10, с. 37]. Он доказывал огромное значение символа креста для первопроходцев, которые ставили его на мало освоенных территориях [11, с. 70]. В своей работе по использованию шатрового стиля в сибирской архитектуре он отмечал, что многие элементы сохранялись на протяжении всего XVII в., когда эта традиция в европейской части страны стала исчезать. Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что существовала традиция передачи символической и знаковой стороны в среде сибирских зодчих, выполнявших работы по культовому строительству [12, с. 105]. И.Л. Манькова показала, что, возводя православные культовые сооружения, русские символически утверждали свой приход на данную территорию, причем они не убирали и старый иноконфессиональный слой. Культовые сооружения лишь физически и символически проводили границы, выполняя «территориальное разграничение с помощью сакральных объектов»; на ранних этапах православного зодчества в Сибири превалировала «сакральная функция защиты», символом при этом во многих городах Сибири становились мужские монастыри, построенные на границах городских агломераций [13, с. 69].

Развивая направление исторической и культурной географии, историки считают, что изменение ландшафта происходило на символическом уровне, причем в Сибирь переносились, как правило, символы, апробированные многовековой историей российской культуры [14, с. 24–25]. В рамках изучения темы становления геральдики и сфрагистики государственных учреждений в Сибири появились работы, затрагивающие влияние этих объектов на традиционное мировоззрение переселенцев. Документально и на основе археологических раскопок показано значение, которое вкладывалось в государственную символику на уровне общественного сознания; с помощью этих символов государству придавался сакральный смысл и тем самым освящались принимаемые решения и общая политика [15, с. 45–46, 16, с. 315]. Установлено, что уже на ранних этапах символы государственной власти

позволяли не только утверждать центральную власть в Сибири, но и закладывать основы для региональной идентичности, что впоследствии нашло отражение и в областнических настроениях [17, с. 88].

Среди работ, посвященных изучению амуниции, полковых реликвий военно-служилого населения Сибири в XVII в., следует отметить исследования о роли символов и знаков в мировоззрении переселенцев. Н.И. Никитин полагает, что военная символика в Сибири не отличалась от общепринятой в армии Московского государства и что невозможно говорить о специфике служилых людей в Сибири и каком-то особенном влиянии на их мировоззрение [18, с. 223]. Е.В. Вершинин посвятил одну из статей речным и морским судам, которые использовали сибирские переселенцы в XVII в. Иконографические символы с образами растительного и животного мира в резных фигурах на корме судов и сюжетах на иконах, которые прикрепляли внутри кают, в Сибири не отличались от общерусской традиции и были связаны с северной поморской культурой [19, с. 127]. А.С. Зуев провел исследование русско-аборигенных отношений на Крайнем Северо-Востоке Сибири и описал роль знакового и символического обмена в процессе установления формальных отношений. Он показал, как разница в интерпретации одних и тех же символических объектов порождала непонимание и являлась конфликтогенным фактором [20, с. 129–130].

Круг исследований по проблемам символов и знаков, рассматриваемых в рамках исторических наук, довольно широк. Работы часто имеют междисциплинарный характер, в них использованы подходы истории и теории архитектуры, исторической этнографии, культурной географии, археологии, религиоведения, психологии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ В СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ XVII в.

Огромный вещный мир русских переселенцев открылся перед исследователями после раскопок за Северным Полярным кругом в 1940–1960-е гг. Археологи на основании материалов раскопок считают, что Сибирь в указанное время отличается большей степенью распространения знаков на вещах, чем в европейской части страны [21, с. 7–8, 22, 23]. Этот тезис подтвержден результатами второй волны раскопок в Мангазее – в 2000-е гг. удалось обнаружить предметы, указывающие на существование строительных обрядов и соответствующих знаков [24, с. 37], женских украшений с наличием магической символики [25, с. 308–309].

Нательные кресты из культурного слоя XVII–XVIII в. также стали предметом не только описания и систематизации, но и аналитической работы археологов. В.И. Молодин на материалах раскопок в Илимском остроге сделал вывод о существовании сибирской традиции меднолитейного дела. В форме и деталях изображений на нательных крестах им зафиксированы

проявления сибирских исторических реалий и влияние аборигенных культур [26, с. 16, 70, 86]. Взаимовлияние христианства и традиционных верований селькупов на примере крестов-тельников отмечала А. И. Боброва [27, с. 28].

В исследованиях С.Ф. Татаурова, Л.В. Татауровой и Ф.С. Татаурова делается вывод о большой доле символической составляющей в предметах культуры русских из г. Тары в XVII в., детальный анализ которой позволяет раскрыть многие стороны мировоззрения русских поселенцев, а также их адаптационный потенциал [28, с. 11–13]. Л.А. Бобров рассмотрел сибирские панцири русских казаков в аспекте влияния традиций коренных народов Сибири, показав, что некоторые заимствованные элементы следует объяснить не улучшением «материальных и технических» свойств, а их отнесением «к сфере духовной культуры» [29, с. 95–96]. Ю.С. Худяков обратил внимание на «глубокую символичность» и «иносказательность» защитного и наступательного вооружения русских казаков в период первого похода в Сибирь [30, с. 195–196]. М.П. Черная отметила, что связи с европейской частью страны поддерживались не только притоком населения и предметов материальной культуры, но и знаково-символьным обменом. По мере развития региона этот обмен приобрел двухсторонний характер, и сибирское локальное сообщество обогатилось новыми сибирскими заимствованиями [31, с. 49–50].

Научные работы по материалам археологических раскопок русских поселений Сибири в XVII в. содержат информацию, которая частично раскрывает значение конкретных символов и знаков в традиционном мировоззрении русских в Сибири. Выводы этих исследований могут быть использованы при характеристике символьно-знаковой сферы миграционного сообщества в XVII в.

ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ СИБИРСКОГО СООБЩЕСТВА XVII – XVIII вв. ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Ряд исследований, касающихся символично-знаковой сферы сибирского сообщества, выполнен в рамках исторической этнографии. Знаково-символической стороне военной деятельности и знакам статуса русских служилых людей в Сибири посвящены исследования Н.А. Березикова и А.А. Люцидарской. Ими было показано, что знамена использовались в качестве символической самоидентификации на коллективном и личностном уровнях, в межгрупповых коммуникациях и бытовой сфере [32, с. 15–16]. Знаками «детей боярских», выделяющих их из сибирского сообщества, можно считать их стабильное материальное положение и близость к властным структурам. Так, фискальный источник учета отопливаемых помещений г. Томска начала XVIII в. показывал статус и благополучие горожан [33, 34].

Для первых построек колонистов Сибири была характерна вариативность знаковых функций защиты, идентичности, заграждения и изоляции [35, с. 137].

Отмечалось, что «знаковая организация вещной среды обитания являлась своеобразным способом закрепления существующих в данной общности системы социальных статусов и тем самым способствовала практической и психологической консолидации членов этой общности» [36, с. 156].

Анализ форм, символов и образов деревянных церквей Сибири XVII в., выполненный А.Ю. Майничевой, показал, что центральной функцией культового зодчества и искусства являлась защитная. На первый план для основной массы переселенцев выступало чувство безопасности, что достигалось в том числе при помощи архитектурных форм, декора и сакральных предметов церковного обихода, «поэтому именно тогда большое значение приобрели символические аспекты в обживании новых территорий, в принципах внутренней организации поселений и в самих сооружениях...», что диктовалось символично-защитным смыслом такой композиции» [37, с. 53].

Рассматривая архитектуру как семиотическую систему, А.Ю. Майничева считает, что в Тобольске проявился «символизм в организации всего поселения», показав Тобольск не только как часть России, но и как «часть святой земли христианской ойкумены» [37, с. 39, 48]. Храмы в Сибири несли также «функцию мемориальных построек», ставя памятник русскому освоению Сибири [37, с. 52]. Религиозно-мировоззренческие аспекты адаптации культуры русских в одной из самых символично наполненных сфер – архитектуре – обеспечивали русским «создание духовного комфорта в условиях освоения новых территорий и совместной жизни с народами, следовавшими другим социальным и религиозным нормам» [38, с. 71]. Природные объекты и культовые постройки использовались землепроходцами как маркеры-символы осваиваемого пространства. Они «создавали психологическую комфортность пребывания на новых землях... и обеспечивали православным ощущением причастности к жизни всей страны, покровительства со стороны высших сил» [39, с. 76], а также являлись знаками границ территорий [40]. На примере микротопографических исследований Томска начала XVIII в. показано, что территории городов формировались стихийно, однако каждый участок всегда обозначался символом, привычным для жителей и связывающим их с общерусской традицией [41, с. 75–76]. Интерьерное наполнение построек русских колонистов подтверждает тезис о том, что при помощи воспроизводства традиционных символов русские переселенцы превращали свои новые места обитания в обжитые пространства даже в условиях радикально меняющихся ландшафтов и климата [42, с. 36].

Средства архитектуры выступали в различных формах и выполняли различные функции – оборонно-управленческие, культовые, а также обеспечения хозяйственными, производственными, торговыми постройками, и являлись значимым способом символического освоения русскими Сибири. Символы и знаки, входя в мировоззренческую систему, использовались

для адаптации в новой для переселенцев среде. Закрепление символического содержания в материальном мире обеспечивало освоение реальности, понимание взаимосвязи символов на разных социальных уровнях, в том числе личностном. Символы устойчиво сохранялись в условиях преобразования архитектурной среды – во многом благодаря сохраняющейся этнокультурной определенности мировосприятия русских как движущегося этноса с самосознанием оседлого. [43, 44, 45].

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Среди работ искусствоведов и историков архитектуры, касающихся избранной темы, следует выделить публикации, в которых рассмотрены роль и значение конкретных символов и знаков в традиционном мировоззрении переселенцев из европейской части страны в Сибири. Н.Г. Велижанина отмечала, что тематическое разнообразие икон в Сибири было напрямую связано с местами выхода переселенцев и родом их занятий, причем в XVII в. превалировало иконопочитание в честь отдельных святых, тогда как в более позднее время типичными стали образы великих церковных событий и праздников. Исследовательница объясняет эту перемену социально-психологическими подвижками в мировосприятии переселенцев, у которых снижалось значение индивида и малых групп в пользу общин и больших коллективов [46, с. 42]. Историки архитектуры отмечают символическую нагрузку русской сибирской архитектуры. По мнению Н.П. Крадина, строительство крепостей в Сибири «способствовало подъему и укреплению духа русского человека, а затем объединению этих земель и созданию многонационального Русского государства». Он подчеркивает, что большинство крепостей «выполняли свою функцию символически и не подвергались осадам и пушечным ударам» [47, с. 51]. Оборонная архитектура помогала связывать Сибирь и Русь в мировосприятии русского человека XVII в., «закалялась воля, и поднимался дух русского народа, и уже никакая лавина нашествия не могла сломить этого подъема» [47, с. 4]. Е.А. Ополовникова, рассмотрев русские крепости в Восточной Сибири за Полярным кругом, также подчеркивала высокую символическую нагрузку, которую они несли в мировосприятии русского населения. Высокие и массивные крепостные сооружения восполняли малочисленность русского населения при маркировании этой территории как российской в процессе ее присоединения [48, с. 70].

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ В ОБЩЕСТВЕ

Несмотря на то, что в области социологии не выявлены работы, непосредственно посвященные роли символов и знаков в мировоззрении мигрантов в Си-

бирь в рассматриваемый период, можно выделить работы Дж. Г. Мида [49, с. 216]. Американский философ, социолог и социальный психолог Джордж Герберт Мид считается родоначальником концепции символического интеракционализма, в которой термин «значимый символ» входит в понятийный инструментарий. Символический интеракционизм основывается на интерпретации поведения человека, в котором можно найти значимые символы, несущие социальную информацию. Особенность интеракции заключается в том, что люди осмысливают и объясняют действия друг друга, а не просто реагируют на них. «Значимый символ» обозначает жест человека, сознательно используемый во взаимодействии с социальной средой для коммуникации с другим индивидом, и обладает понятным значением для обоих. Концепция символического интеракционализма используется в социологии, культурологии и социальной психологии, изучающих символические коммуникации как одну из форм социального взаимодействия, т.е. общения с помощью языка, телодвижений, жестов, культурных символов и сексуальных предпочтений.

Последователем и учеником Дж. Г. Мида стал социолог и социальный психолог Г. Блумер, развивший концепцию символического интеракционизма [50, р.3]. Он утверждает, что символическое взаимодействие обусловлено символической природой языка как основного фактора взаимодействия людей. В общении язык вызывает одинаковую реакцию разных людей на языковые конструкции. Подобный подход используется в коммуникативной антропологии.

Социолог Э.Д. Смит выдвинул концепцию этносимволизма [51, 52, 53], преимуществом которой автор назвал формирование инструментария для выполнения сравнительных эмпирических исследований «внутреннего мира» наций (*inner world*), признаками которого являются такие культурные феномены, как мифы, символы, ценности, историческая память, традиции, обычаи, языковая близость, механизмы этнической мобилизации, причем в этнографических исследованиях должны изучаться не столько они сами, сколько их роль в формировании той или иной идентичности. Инструментарий этносимволизма может быть эффективен при использовании в этнографических исследованиях, выполняемых в сравнительно-историческом аспекте относительно определения роли символов [54].

С психологической точки зрения, символ неразрывно связан с коллективным бессознательным. По мнению К.Г. Юнга и других сторонников «аналитической психологии», символ всегда больше, чем рациональное понятие, потому что уходит корнями в бессознательное [55, с. 91–97]. Психологи обращают особое внимание на значимость коммуникационной составляющей: каждая культура в процессе своего развития создает различные системы символов, призванных выступать своеобразными кодами для ее носителей, и личность, чтобы стать «своей» в культуре, должна

освоить эти коды. В реальном общении символ никогда не сводится к одному определенному значению, он – всегда комплекс возможностей и смысловых перспектив. В истории человечества создано огромное количество символов, регулирующих поведение индивидов в социуме и помогающих осуществлять их совместную деятельность [56, с. 97 – 106].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественными учеными XX–XXI в. роль символов и знаков, бытовавших в Сибири в XVI – начале XVIII в., изучалась в рамках исторических дисциплин, искусствоведения, истории архитектуры. Преимущественно рассматривались конкретные символы и знаки, как аутентичные, так и заимствованные, включая знаки социального статуса, обережные и магические символы и знаки, символы исторических, архитектурных и православных реалий, иконографии и символика, связанная с утверждением роли государства и власти. В изучении роли символов и знаков в мировоззрении сложившихся сообществ и переселенцев особняком стоят теоретические работы отечественных и зарубежных исследователей в области социологии и психологии. Они опосредованно связаны с изучением роли символов и знаков в Сибири, но могут быть использованы как методологическая основа. Специальные теоретико-методологические работы, которые были бы построены на сибирских материалах конца XVI – начала XVIII в., отсутствуют, как и комплексные обобщающие исследования по установлению закономерностей динамики символично-знаковой сферы миграционного сообщества на примере русских в Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Успенский Б.А.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 608 с.
2. *Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Сборник статей памяти А.Н. Савина. 1873–1923. М., 1926. Вып. 1. С. 18–60.
3. *Копылов А.Н.* Русские на Енисее: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1965. 295 с.
4. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1967. 324 с.
5. *Преображенский А.А.* «Запасы» дворянской знати на сибирской службе в начале XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 274–279.
6. *Резун Д. Я.* Рынок предметов и товаров культуры в сибирских городах XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 40–45.
7. *Зольникова Н.Д.* Традиции православия в Сибири. Конец XVI–XIX вв. // Сибирская икона. Омск: Наука, 1999. С. 10–34.
8. *Покровский Н.Н.* Русская Православная Церковь в освоении Сибири // Электронный журнал Сибирская заимка. 2001. URL: <http://zaimka.ru/religion/pokrovsky1.shtml> (дата обращения: 10.02.2019).
9. *Курилов В.Н.* Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 81–102.
10. *Курилов В.Н.* Изба Поломошных // Историко-архитектурный музей под открытым небом: принципы и методика организации. Новосибирск: Наука, 1980. С. 23–31.
11. *Курилов В.Н.* Крест на перекрестке: свидетельство XVII столетия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2004. Т. 10, ч. 2. С. 69–72.
12. *Курилов В.Н.* Шатровый стиль в русском зодчестве (методологические и историографические заметки) // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 85–108.
13. *Манькова И.Л.* Мужской монастырь в православном ландшафте Тобольска XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 67–70.
14. *Резун Д.Я., Курилов В.Н.* К проблеме генезиса культурно-исторического ландшафта Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 6–27.
15. *Куренная И.Г.* Генезис и основные признаки символики бобра в гербе Иркутской области // Изв. Иркут. гос. ун-та. История. 2012. № 1. С. 40–51.
16. *Аношко О.М., Алиева Т.А.* Прикладные печати из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 315–319.
17. *Шиловский М.В.* Сибирская региональная символика // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1999. С. 87–90.
18. *Никитин Н.И.* О менталитете русских землепроходцев // Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2016. С. 212–233.
19. *Вершинин Е.В.* Дошаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87–131.
20. *Зуев А.С.* Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 330 с.
21. *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазей. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2. 184 с.
22. *Окладников А.П.* Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. 210 с.
23. *Порфиридов Н.Г.* Надписи на ножах русских мореходов XVII в. // Советская археология. 1958. № 2. С. 29–38.
24. *Пархимович С.Г.* Магические строительные обряды в Мангазее // Культурное наследие народов Западной Сибири: Русские. Тобольск: б/и, 2004. С. 40–43.
25. *Лихтер Ю.А.* Стекланные бусы из Мангазеи (раскопки 2011–2012 годов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 307–310.
26. *Молодин В.И.* Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
27. *Боброва А.И.* Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 4. С. 107–116.
28. *Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С.* Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель–Полиграфист, 2014. 240 с.
29. *Бобров Л.А.* Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служивых людей второй половины XVI–XVII вв.) // Para Bellum. Военно-исторический журнал. 2006. № 26. С. 77–98.
30. *Худяков Ю.С.* Оружие и экипировка русских казаков в период первого похода в Сибирь (по миниатюрам из Ремезовской летописи) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 193–198.
31. *Черная М.П.* Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 4. С. 46–52.

32. Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Знамена сибирских казачьих землепроходцев // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 2. С. 14–17.
33. Люцидарская А.А. Знаки, выделяющие среди сибирского сообщества категорию «дети боярские» от основной массы служилых людей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 419–421. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.419-421.
34. Люцидарская А.А. Фискальный источник учета отапливаемых помещений Томска как знак благополучия горожан и символ социальной трансформации городской среды в начале XVIII века // Баландинские чтения: сб. стат. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. 2019. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. Т. XIV. С. 53–55.
35. Люцидарская А.А. Знаковые функции первых построек колонистов Сибири // Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. М., 2003. С. 240.
36. Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 152–158.
37. Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 64 с.
38. Майничева А.Ю. Религиозно-мировоззренческие аспекты адаптации культуры русских в Сибири в XVII–XX вв. (на примере зодчества) // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск: АргИнфоДата, 2004. Вып. 2. С. 69–73.
39. Майничева А.Ю. Природные объекты и православные святыни: пространственные символы как маркеры коммуникативной среды первопроходцев Сибири в XVII–XVIII веках // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2010. Т. 9, № 1. С. 70–76.
40. Люцидарская А.А. Природные ландшафтные границы как знаки рубежей территорий // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 2. С. 40–44.
41. Люцидарская А.А. Социальная микротопография Томска в начале XVIII в. // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1981. С. 63–78.
42. Майничева А.Ю., Степанцов И.С. Реконструкция печи в Спасской церкви из Зашиверска: мировоззренческие аспекты культуры жизнеобеспечения // Баландинские чтения. 2015. Т. 10, Ч. 1. С. 32–40.
43. Майничева А.Ю. Архитектура Сибири: символическое освоение пространства русскими // Баландинские чтения. 2018. Т. 13, № 1. С. 462–465.
44. Mainicheva A.Y., Skobelev S.G., Berezhenko D.Y. A Reconstruction of the Wooden and Earthen Buildings in 17th to 18th Century Russian Forts in Siberia: The Case of the Sayansky Ostrog // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2018. Vol. 46, is.4. P. 100–108. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.100-108.
45. Люцидарская А.А. Мельницы сибирского региона в XVII веке как знаки становления и развития мукомольного производства // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. С. 457–461. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10037].
46. Велижанина Н.Г. О своеобразии иконописи Западной Сибири // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 194–200.
47. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.
48. Ополовникова Е.А. Русские крепости в сибирском Заполярье // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. С. 63–75.
49. Мид Дж. От жестка к символу // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. 456 с.
50. Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. New Jersey, 1969. 208 p.
51. Smith A.D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. L.: Blackwell Publishing, 2008. 245 p.
52. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publishers, 1986. 240 p.
53. Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. N. Y.: Routledge, 2009. 184 p.
54. Майничева А.Ю. Этносимволизм: возможности использования в этнографических исследованиях // Культура в евразийском пространстве. 2019. №1 (3). С. 16–17.
55. Юнг К.Г., фон Франц М.Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.
56. Хмиляр О.Ф. Символ как психологический код, регулирующий общение личности // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 35. С. 97–106.

REFERENCES

1. Uspenskiy B.A. Selected Works. Vol. 1. Semiotics of history. Semiotics of culture. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1996, 608 p. (In Russ.)
2. Bakhrushin S.V. Bidding guest Nikitin in Siberia and China. *Sbornik statey pamyati A.N. Savina. 1873–1923*. Moscow, 1926, iss. 1, pp. 18–60. (In Russ.)
3. Kopylov A.N. Russians on the Yenisei: agriculture, industry and trade relations of the Yeniseisk Uyezd. Novosibirsk, Izd-vo SO AN SSSR, 1965, 295 p. (In Russ.)
4. Vilkov O.N. Craft and trade in West Siberia in the XVII century. Moscow, Nauka, 1967, 324 p. (In Russ.)
5. Preobrazhenskiy A.A. “Stocks” of the nobility in Siberian service in the early XVII century. *Rossiyskoe gosudarstvo v XIV-XVII vv*. Saint Petersburg, 2002, pp. 274–279. (In Russ.)
6. Rezun D.Ya. Market of cultural objects and goods in Siberian cities of the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2000, no. 2, pp. 40–45. (In Russ.)
7. Zolnikova N.D. Traditions of Orthodoxy in Siberia. The late XVI-XIX centuries. *Sibirskaya ikona*. Omsk, Nauka, 1999, pp. 10–34. (In Russ.)
8. Pokrovskiy N.N. The Russian Orthodox Church in the development of Siberia. *Sibirskaya zaimka: e-zhurnal*, 2001. URL: <http://zaimka.ru/religion/pokrovskiy1.shtml> (accessed 10.02.2019). (In Russ.)
9. Kurilov V.N. On the history of marquee architecture in Siberia of the XVII century. *Pamyatniki byta i khozyaistvennoe osvoenie Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1989, pp. 81–102. (In Russ.)
10. Kurilov V.N. Polomoshnovs' izba. *Istoriko-arkhitekturnyy muzey pod otkrytym небом: printsipy i metodika organizatsii*. Novosibirsk, Nauka, 1980, pp. 23–31. (In Russ.)
11. Kurilov V.N. A cross at crossroads: evidence of the XVII century. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedel'nykh territoriy*, 2004, vol. 10, pt. 2, pp. 69–72. (In Russ.)
12. Kurilov V.N. A tent style of Russian architecture (methodological and historiographical notes). *Problemy okhrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 85–108. (In Russ.)
13. Mankova I.L. Monastery in the Orthodox landscape of Tobolsk in the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 4, pp. 67–70. (In Russ.)
14. Rezun D.Ya., Kurilov V.N. The problem of the cultural and historical landscape genesis in Siberia. *Problemy okhrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 6–27. (In Russ.)
15. Kurennaya I.G. Genesis and main signs of Babr symbolism in the coat of arms of the Irkutsk region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*, 2012, no. 1, pp. 40–51. (In Russ.)
16. Anoshko O.M., Aliyeva T.A. Applied seals from the cultural layer of Tobolsk. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, Nauka, 2017, pp. 315–319. (In Russ.)
17. Shilovskiy M.V. Siberian regional symbolism. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri kontsa XVI–XX vekov*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 1999, pp. 87–90. (In Russ.)

18. Nikitin N.I. On the mentality of Russian explorers. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii do 1917 g.* Moscow, IRI RAN, 2016, pp. 212–233. (In Russ.)
19. Vershinin E.V. Doshchanik and koch in West Siberia (the XVII century). *Problemy istorii Rossii.* Ekaterinburg, 2001, iss. 4, pp. 87–131. (In Russ.)
20. Zuev A.S. Russians and natives at the extreme northeast of Siberia in the second half of the XVII – the first quarter of the XVIII centuries. Novosibirsk, NGU, 2002, 330 p. (In Russ.)
21. Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeya. The material culture of Russian polar seafarers and explorers of the XVI–XVII centuries. Pt. 2. Moscow, 1981, 184 p. (In Russ.)
22. Okladnikov A.P. Russian polar sailors off the coast of Taimyr in the XVII century. Moscow, Leningrad, 1948, 210 p. (In Russ.)
23. Porfiridov N.G. Inscriptions on the knives of Russian sailors of the XVII century. *Sovetskaya arkheologiya*, 1958, no. 2, pp. 29–38. (In Russ.)
24. Parkhimovich S.G. Magical building ceremonies in Mangazeya. *Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri: Russkie. Tobol'sk*, 2004, pp. 40–43. (In Russ.)
25. Likhter Yu.A. Glass beads from Mangazeya (excavations in 2011–2012). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Omsk, Nauka, 2017, pp. 307–310. (In Russ.)
26. Molodin V.I. Cross-vests of the Ilim Ostrog. Novosibirsk, INFOLIO, 2007, 248p. (In Russ.)
27. Bobrova A.I. Pectoral crosses from the Tiskinsky burial ground. *Arkheologiya, ehnoGRAFIYA, antropologiya Evrazii*, 2004, no. 4, pp. 107–116. (In Russ.)
28. Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S. S. Russian adaptation in West Siberia in the late I XVI – XVIII centuries (based on archaeological research). Omsk, Izdatel' Polygrafist, 2014, 240 p. (In Russ.)
29. Bobrov L.A. Siberian shells of Russian Cossacks (on the issue of the influence of the shell complex of Siberian aboriginals on the defensive armament of Russian servicemen of the second half of the XVI – XVII centuries). *Para Bellum. Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2006, no. 26, pp. 77–98. (In Russ.)
30. Khudyakov Yu.S. The weapons and equipment of Russian Cossacks during the first campaign to Siberia (in miniatures from Remezov's Chronicle). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy.* Kazan', 2010, pt. 1, pp. 193–198. (In Russ.)
31. Chernaya M.P. The European component in the ethnocultural dialogue of the Siberian community: archaeological and historical context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*, 2016, no. 4, pp. 46–52. (In Russ.)
32. Berezikov N.A., Lyutsidarskaya A.A. Banners of Siberian Cossack explorers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*, 2013, no. 2, pp. 14–17. (In Russ.)
33. Lyutsidarskaya A.A. Signs distinguishing the category of “boyar children” from the bulk of the service people among the Siberian community. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 2018, vol. 24, pp. 419–421. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.419-421. (In Russ.)
34. Lyutsidarskaya A.A. The fiscal source of accounting the heated premises in Tomsk as a sign of well-being of citizens and a symbol of the social transformation of the urban environment at the early XVIII century. *Balandinskie chteniya*, 2019, vol. 14, pp. 53–55. (In Russ.)
35. Lyutsidarskaya A.A. Significant functions of the first buildings of the colonists in Siberia. *Kongress etnografov i antropologov Rossii: tezisy dokladov.* Moscow, 2003, p. 240. (In Russ.)
36. Lyutsidarskaya A.A. Colonization of Siberia: human and space. *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura.* Novosibirsk, 1997, pp. 152–158. (In Russ.)
37. Mainicheva A.Yu. Wooden churches of Siberia of the XVII century: forms, symbols, images. Novosibirsk, IAET SB RAS, 2000, 64 p. (In Russ.)
38. Mainicheva A.Yu. Religious-worldview aspects of adaptation of Russian culture in Siberia in the XVII–XX centuries (an architecture case). *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya narodov Sibiri.* Novosibirsk, 2004, iss. 2, pp. 69–73. (In Russ.)
39. Mainicheva A.Yu. Natural objects and Orthodox shrines: spatial symbols as markers of the communicative environment of Siberian pioneers in the XVII–XVIII centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2010, vol. 9, no. 1, pp. 70–76. (In Russ.)
40. Lyutsidarskaya A.A. Natural landscape boundaries as signs of the boundaries of territories. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, no. 2, pp. 40–44. (In Russ.)
41. Lyutsidarskaya A.A. Social microtopography of Tomsk in the early XVIII century. *Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka.* Novosibirsk, Nauka, 1981, pp. 63–78. (In Russ.)
42. Mainicheva A.Yu., Stepantsov I.S. Reconstruction of the furnace in the Spasskaya Church from Zashiversk: worldview aspects of life support culture. *Balandinskie chteniya*, 2015, vol. 10, iss. 1, pp. 32–40. (In Russ.)
43. Mainicheva A.Yu. Siberian architecture: symbolic exploration of space by Russians. *Balandinskie chteniya*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 462–465. (In Russ.)
44. Mainicheva A.Yu., Skobelev S.G., Berezhenko D.Y. Reconstruction of the wooden and earthen buildings in 17th to 18th century Russian forts in Siberia: the case of Sayansky Ostrog. *Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, iss. 4, pp. 100–108. DOI: 10.17746 / 1563-0102.2018.46.4.100-108.
45. Lyutsidarskaya A.A. Mills of the Siberian region in the XVII century as signs of formation and development of flour milling. *Balandinskie chteniya*, 2018, vol. 13, pp. 457–461. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10037]. (In Russ.)
46. Yelizhanina N.G. On the uniqueness of iconography in West Siberia. *Sibirskaya ikona.* Omsk, 1999, pp. 194–200. (In Russ.)
47. Kradin N.P. Russian wooden defense architecture. Moscow, Iskustvo, 1988, 142 p. (In Russ.)
48. Opolovnikova E.A. Russian fortresses in the Siberian Arctic. *Pamyatniki byta i khozyaistvennoe osvoenie Sibiri.* Novosibirsk, 1989, pp. 63–75. (In Russ.)
49. Mead J. From a gesture to a symbol. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty.* Moscow: MGU, 1994, 456 p. (In Russ.)
50. Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and method. New Jersey, 1969, 208 p.
51. Smith A.D. Cultural foundations of nations: hierarchy, covenant and republic. London, Blackwell Publ., 2008, 245 p.
52. Smith A.D. The ethnic origins of nations. Oxford, Blackwell Publ., 1986, 240 p.
53. Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach. New York, Routledge, 2009, 184 p.
54. Mainicheva A.Yu. Ethno-symbolism: possibilities of use in ethnographic studies. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve*, 2019, no. 1, pp. 16–17. (In Russ.)
55. Jung K.G., Von Franz M.L., Henderson J.L., Jacobi I., Jaffe A. Man and his symbols. Moscow, Serebryanye niti, 1997. 368 p. (In Russ.)
56. Khmilyar O.F. Symbol as a psychological code regulating the communication of a person. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki*, 2014, no 35. pp. 97–106. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.02.2020

Дата рецензирования 27.02.2020

Статья принята к публикации 02.04.2020

DOI: 10.15372/HSS20200202
УДК 39(=1.470=512.1)

Е.В. ПРИЩЕПА

ИСТОРИЯ ЖИЛИЩА *АТ-ИБ* У ХАКАСОВ

Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории,
РФ, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина 23

Статья посвящена истории хакасского традиционного жилища *ат иб*. Автор рассматривает степень изученности данного типа жилища в этнографической науке. Дается подробное описание конструктивных особенностей жилища и их вариаций. Рассмотрены вопросы хронологии, эволюции и бытования *ат-иб* в материальной культуре хакасов. Автор считает, что происхождение номинации жилища имеет древнюю доктюркскую историю и семантику, отражающую доминирующее культовое место коня в мировоззрении и материальной культуре древнего населения Хакасии. В этнографическое время, в первой половине XVIII – начале XX в., номинация *ат-иб* стала восприниматься уже ассоциативно, в связи с особенностями традиционного образа жизни хакасов.

Изучение конструктивных особенностей данного типа жилища позволяет говорить, по мнению автора, о его конвергенции с жилищем древнего населения карасукской археологической культуры X–IX вв. до н. э. в Хакасии. Вместе с тем генезис *ат-иб*, особенности его каркасно-столбовой конструкции свидетельствует об автохтонности данного типа жилища.

Ключевые слова: Хакасия, хакасы, традиционная культура, жилище, номинация, генезис жилища, *ат-иб*, поселенческий комплекс Торгажак.

Y.V. PRISHCHEPA

HISTORY OF “AT IB” HOUSINGS OF THE KHAKASS

Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
23 Shchetinkin str., Abakan, 655017, Russian Federation

The dwelling in the human traditional culture is a model of the world and has all its features. The folk housing shows the people's worldview, it is the main element of human life support system. In the early XVIII century, the indigenous population of Khakassia – the Khakass – created traditional dwellings different in design and architecture, their appearance was determined by environmental features, the lifestyle and economic activities. An archaic type of Khakass dwelling was “at ib” of frame structure with a truncated-pyramidal shape. The paper is devoted to studying this type of dwelling. The research relevance is due to the fact that “at ib” has been poorly studied in the Khakass material culture. The work objective is to investigate genesis and problems of existence of “at ib” in the system of traditional life support. The study tasks are to reconstruct the genesis of “at ib” dwelling, to describe in details the housing design for classification purposes, to give full characteristics of its structure, to solve the issue of interpretation of “at ib” nomination, and to define its autochthonous nature. The work is based on a comprehensive and systematic historical approach using historical and ethnographic methods. Chronologically, the study covers the period of XVIII–XX centuries. The initial time frame of research is a period of existence of main traditional types of housing of the indigenous population in Khakassia.

The study results are: a detailed description of “at ib” design features, its variations and dwellings classification. The questions of “at ib” chronology, evolution and existence in the Khakass people material culture. The author gives his own variant of interpreting the problem of “at ib” nomination. According to the author's view, the origin of the dwelling's nomination has an ancient pre-Turk history and semantics reflecting the dominant cult place of the “horse” in the worldview and material culture of Khakassia's ancient population. In the ethnographic time – the first half of the XVIII – early XX centuries – the nomination perception was already associative, that was due to semi-nomadic nature of Khakass culture and their cattle-breeding orientation. As for “at ib” genesis and origin, its design features allow speaking about the autochthonous housing and about convergence with the ancient population's dwellings of the Karasuk archaeological culture of X–IX centuries BC in Khakassia based on research of Torgazhak settling complex by archaeologists.

Key words: Khakassia, Khakass, traditional culture, dwelling, nominations, housing genesis, at-ib, Turgozhak settling complex.

Евгений Валерьевич Прищепа – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, e-mail: pri-evg@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0344-3179>

Yevgeniy V. Prishchepa – Candidate of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

ВВЕДЕНИЕ

Жилище выполняет важную роль в системе традиционного жизнеобеспечения этноса. Постепенное отживание традиционной культуры влечет исчезновение и трансформацию традиционного жилища, а также потерю вместе с ним целого мировоззренческого комплекса культуры. Одним из архаичных и до сих пор малоизученных типов жилищ хакасов каркасной конструкции усечено-пирамидальной формы является *ат-иб*.

Цель статьи – проанализировать имеющийся материал по проблеме истории развития данного типа жилища хакасов. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью *ат-иб* в материальной культуре хакасов. Работа основана на комплексном и системно-историческом подходах с использованием историко-этнографических методов.

Жилище, известное под номинацией *ат-иб*, описывалось в работах А.А. Кузнецовой [1], Е.К. Яковлева [2], Ю.А. Шибасовой [3], Л.П. Потапова [4], К.М. Патачакова [5], В.Я. Бутанаева [6], Е.В. Прищепы [7, 8, с. 160].

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩА АТ-ИБ

Первые упоминания об этом типе жилища встречаются в полевых записях Г. Миллера (первая половина XVIII в.), где наряду с описанием трех типов жилищ красноярских татар (качинцев) упомянуты и «маленькие домики», состоящие «из досок, которые поставлены вертикально по четырехугольнику; верх покрывается дранкой или древесной корой». Для сохранения тепла крыши жилища и его стены утеплялись землей. Жилища эти были зимнего типа. Специального названия для них Г. Миллер не приводит. Он также отмечает, что «все они так низки, что человек высокого роста не может стоять там выпрямившись». Стены такого жилища наклонены внутрь. Очаг без камина находится посередине, а над ним устроено дымовое отверстие (цит. по: [4, с. 187]). Описание данного типа жилища, представленное Г. Миллером, почти полностью соответствует известным конструктивным особенностям традиционного хакасского жилища *ат иб* (рис. 1).

Первые этнографические описания жилища *ат иб* основываются на данных середины XIX в. и принадлежат А.А. Кузнецовой: «Шалаш ... *ат иб* делается на 4-х столбах, вбитых в землю и покрытых большими в рост человека кусками лиственничной коры, с отверстием для дыма в низкой, имеющей форму купола крыше. Такой шалаш имеет вид усеченной четырехгранной пирамиды» [1, с. 112]. Л.П. Потапов, отмечая бытование этого жилища, считает, что это видоизмененный тип шорского шалаша *одаг*, под названием *ат-иб*. Его покрытие состояло из коры лиственницы, а распространение отмечалось у родоплеменных групп сагайцев, койбалов и бельгьер [4, с. 275].

Конструкция *ат иб* состояла из четырех вертикальных лиственничных столбов, вкопанных в землю, верхние концы которых соединялись рамой, образующая четырехугольный прямоугольник. Деревянная кар-

касная рама (или вертикальные столбы, соединенные рамой – усеченно-пирамидальной формы) является наиболее распространенным вариантом конструкции остова в жилищах у народов Сибири. В Минусинской котловине данная конструкция описана археологом Д.Г. Савиновым для жилищ Торгажака эпохи поздней бронзы. Она состояла из четырех опорных столбов, стоящих посередине, у жилищ квадратной формы; и шести столбов – у жилищ прямоугольной формы. Вверху опорные столбы были соединены горизонтальными столбами [9, с. 21]. К.М. Патачаков, описывая *ат иб* из улуса Картова на р. Большая Есь Аскизского района, упоминает о вертикальных вильчатых столбах, в которые были вставлены передние и задние поперечные брусья [5, с. 17]. К остову наклонно приставляли (закрепляли на гвозди – по Ю.А. Шибасовой¹) доски, плахи, круглые жерди, сверху покрывали корой лиственницы; их верхние концы опирались на обвязку, а нижние образовывали круглое основание. Крыша была либо простой – плоской, покрытой досками, либо более сложной формы – из жердей, уложенных в клетку четырехгранной формы, напоминавшую усеченную пирамиду. Причем куполообразная форма крыши являлась признаком постоянного жилища. Крышу, как и остов, также покрывали корой и сверху придавливали плахами. Дымовое отверстие устраивалось посередине крыши над очагом. Сколоченная из досок дверь находилась на юго-восточной стороне и открывалась наружу. Свет проникал в жилище через дымовое отверстие. Полы в жилище были земляными. На основании параметров, представленных Ю.А. Шибасовой (рис. 1), можно определить площадь однокамерного жилища *ат иб* – около 16 м².

Опорные столбы и центральное расположение очага являются главными многовековыми особенностями тюркского жилища каркасно-столбовой конструкции. Опорные столбы, скорее всего, представляли собой мировое дерево и вместе с очагом олицетворяли единую систему Мироздания, Вселенной. Постройка жилища являлась символом обживания человеком территории. Исследователями отмечено, что дерево было доминантным символом в культуре тюрков Южной Сибири, выступая важнейшим принципом организации социального и природного космоса [10, с. 62].

В конце XIX в. краткие, но весьма ценные сведения о жилище каркасно-столбовой конструкции оставила А.А. Кузнецова. Она отмечала, что особенностью *ат иб* была его низкая стоимость (3–5 руб.), простота изготовления (его мог построить один человек за три дня), срок службы составлял около 6–7 лет. Этот тип жилища был широко распространен на летниках, заимках и даже на зимниках Абаканской и Аскизской управ [1, с. 112]. Жилище было стационарным и известно на подтаежных территориях Хакасии. Причем, описывая жилище *ат иб*, А.А. Кузнецова отмечает, что его бытование было повсеместным. Следовательно

¹ Шибасова Ю.А. Хакасское жилище. ХакНИИЯЛИ. Рук. фонд. № 352. С. 25.

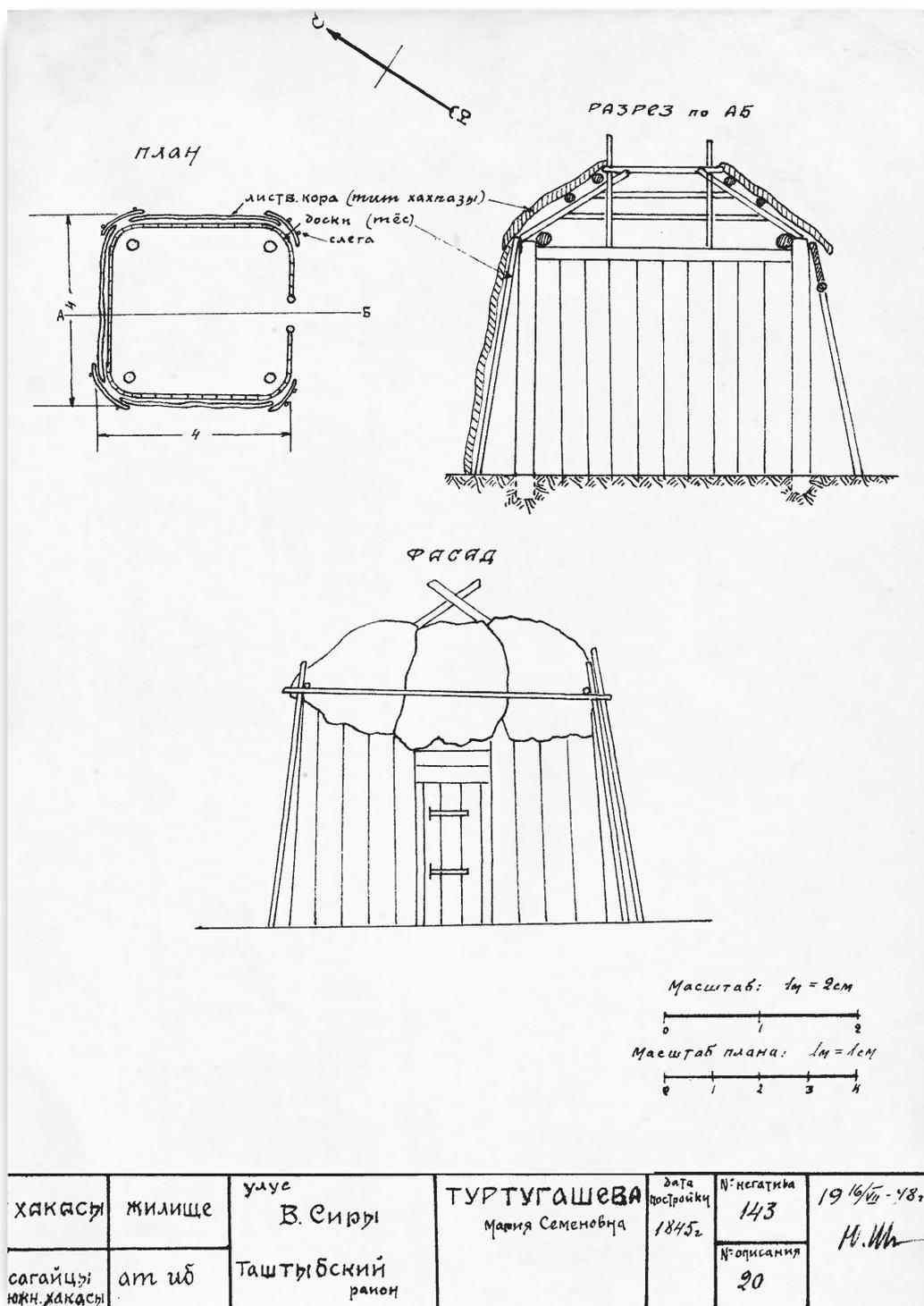

Рис 1. Жилище хакасов ам иб (По: Шибеева Ю.А. Чертежи по жилищу хакасов (55 чертежей), ХакНИИЯЛИ. Рук. фонд. № 352 (приложение)).

но, жилище было адаптировано для круглогодичного проживания в нем.

Полвека спустя Ю.А. Шибеева констатировала, что жилище ам иб встречается в таежных улусах

Таштыбского района Хакасской автономной области (с 1934 по 1990 г. входила в состав Красноярского края). Причем, оно преобладает в качестве летнего жилища, а как жилое помещение (в значении посто-

Рис. 2. Хахнас иб у сагайцев. (По: Патачаков К.М. Быт и культура хакасов в иллюстрациях (XIX – начало XX в.). Абакан, 1994. // ХакНИИЯЛИ. Рук. фонд. Д. 924).

янное, несезонное, непромысловое, используемое для жительства и зимой и летом. – Е.П.), встречается очень редко. Кроме того, она отмечала, что «одаг, служащий жилым помещением» (т. е. используемый в качестве постоянного жилья), чаще называется *ат иб*². Еще через полвека В.Я. Бутанаев определил *ат иб* как стационарное жилище летнего типа подтаежной части Хакасии [6, с. 57].

Другим названием жилища *ат иб*, которое использовалось значительно реже, было *хахнас иб* (рис. 2) [5, с. 17]. К.М. Патачаков связывал бытование жилища *одаг* с таежными промыслами и земледелием. Хакасы-земледельцы и охотники в тайге строили шалаш, который называли *омах*. Стены его, как у корьевой юрты, делались из круглых жердей, горбылей или широких досок. Крышу сооружали из жердей, уложенных в виде решетки, форма крыши была выпуклой. В центре над очагом оставляли дымовое отверстие. *Омах* для тепла снаружи обкладывался земляным дерном или до середины засыпался землей. Такие *омах* бытовали в 1920–1930-х гг. в Каройской степи, на пашнях и покосах тейских жителей Аскизского района. Жилища близкой *ат иб* конструкции были обнаружены Д. Г. Савиновым на левом берегу р. Теи (Аскизский р-н) в 2,5 км южнее аала Полтаков [9, с. 13]. Кроме того, *ат иб* (*хахнас иб*) и *омах*, как отмечает К.М. Патачаков, имели совершенно одинаковую конструкцию, но их назначение различалось: *омах* был временным жилищем, *ат иб* – постоянным [5, с. 18].

В этнографических экспедициях 1946, 1947 и 1948 гг. Ю.А. Шibaевой *ат иб* были обнаружены у сагайцев и бельгтыр в Аскизском и Таштыпском районах – всего 19 объектов³. Она отмечает, что чаще у сагайцев *ат иб* имеет название *одах*. Она же оставила его описание: «По кругу в землю вбиты шесть столбов (*трис*), образуя внутри его шесть стен. На столбы горизонтально положены балки, служащие основанием крыши (*чаабых*). На балки верхними концами опираются слегка наклоненные доски-горбыли (*чарты*),

которые образуют внутреннюю стену (*хана*). Снаружи, опираясь верхними краями на балки, а нижними, несколько отступая от стен, приложены большие куски лиственничной коры (*тыт хахпазы*). Кора придерживается вертикальными, также слегка наклонными слегами. Остов крыши состоит из тонких балок, концы каждой из них лежат на концах двух соседних, образуя решетку (*хыйнды*). Последняя покрыта пластинами коры, укрепленными сверху березовыми слегами. Слеги положены от середины крыши к ее краю. В центре крыши оставлено дымовое отверстие (*туннук*). Снаружи *одах* представляет собою круглое, куполообразное жилище, несколько суженное кверху... Пол в *одах* земляной. Дверь, сколоченная из досок, закреплена на двух столбах в восточной стене. Посередине *одах* земляной очаг (*от ойназы*). Внутри свет проникает только через *туннук* (дымовое отверстие), и поэтому в нем царит полумрак. В *одах* прохладно и всегда пахнет дымом. Обстановка простая: прямо против двери у западной стены стоит деревянная кровать (*орхан*), налево от нее деревянные полки (*масхах*) с небольшим количеством посуды, направо – сундуки, деревянные лавки и т. д.» [3, с. 42].

Данную конструкцию жилища, полностью покрытого корой (описанную выше Ю.А. Шibaевой), К.М. Патачаков считает усовершенствованным вариантом *ат иб* – *хахнас иб* с измененным вариантом конструкции и увеличенной площадью [5, с. 18–19].

Ю.А. Шibaева в середине XX в. застает *ат иб* у Марии Туртугашевой (см. рис. 1): жилище было зафиксировано почти нежилым и использовалось в основном летом для хозяйственных целей. Жилище имело в основании квадрат, опорой служили четыре столба (*трис*), вкопанных в землю. В юго-восточной стене находилась сколоченная из досок дверь. В центре крыши жилища имелось дымовое отверстие, под ним расположен открытый очаг на земляном полу. Внешняя форма жилища была округлая. Жилые *одаг* (*ат иб*) имели куполообразную крышу⁴. Позднее Ю.А. Шibaева конструкции жилищ *ат иб* и *одаг* сближает и фактически говорит об одном и том же типе жилища хакасов. Ее описание *одаг* входит в известную работу А.А. Попова, посвященную жилищам коренных народов Сибири [11, с. 150], и является единственным описанием шестиугольного шалаша сагайцев. Однако вряд ли можно считать описанную Ю.А. Шibaевой конструкцию шестиугольного *одаг* свидетельством распространенности именно данного конструктивного типа жилища. Сама номинация *одаг* имела большее распространение в зоне шорско-хакасских культурных контактов, а автохтонное архаичное жилище хакасов все-таки следует именовать *ат иб*.

До сих пор, несмотря на то, что традиционному жилищу хакасов посвящен ряд работ, отсутствует четкая их классификация, что позволило бы систематизировать все известные этнографической науке их типы с учетом той или иной общепризнанной научной клас-

² Шibaева Ю.А. Хакасское жилище. С. 24.

³ Там же. Табл. 2.

⁴ Там же. С. 25–26.

сификации по жилищам народов Сибири. В настоящее время имеется две классификации по типологии жилищ народов Сибири: это исследование А.А. Попова [11] и работа З.П. Соколовой [12]. Все многообразие жилищ народов Сибири укладывается в две основные конструктивные системы деревянных построек – каркасные и срубные, которые известны со времен верхнего палеолита [13, с. 192, рис. 140–142.; с. 204]. На протяжении многих веков эти системы совершенствовались и продолжали функционировать.

Следует отметить, что предложенная З.П. Соколовой классификация позволяет дать полную характеристику сооружения и определить тип постройки. В классификации систематизация проводится по подклассам, группам, типам и вариантам, используются четыре основных критерия – конструкция, техника сооружения, форма сооружения или его крыши, форма основания. Для выделения типов жилищ также учитываются отношение жилища к уровню земли и наличие или отсутствие выделения стен и крыши в постройке. Жилище хакасов *am ib* может быть обозначено как: **Ав II 2xh4 r/и**, где **А** – каркасное; **в** – прямоугольное в плане, по конструкции, подкласс – постройки из вертикальных столбов, с выделением стен и крыши – (**II**); четырехугольное в основании (**2**); наземное (стационарное) – **x**; усеченно-пирамидообразное (**h**); из четырех угловых вертикальных опорных столбов и наклонных плах (**4**); по долговременности обитания – постоянное (**r**); стационарное (**и**).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НОМИНАЦИИ ЖИЛИЩА

Относительно интерпретации происхождения номинации *am ib* существуют различные точки зрения. Так, В.Я. Бутанаев считает, что номинация жилища *am ib* непереводима [6, с. 57]. К.М. Патчаков полагает, что жилище напоминает форму коня: *am* – конь, *ib* – юрта, т. е. в значении – «стоит как конь». Жилище было переносным и бытовало в подтаежных районах Хакасии [5, с. 17]. Иными словами – в данной номинации заключалось образное мышление степняка, как это было подмечено И.Л. Кызласовым [14, с. 77]. Определенные ассоциации с учетом данной точки зрения вызывает ряд обычаев тюркских народов. Например, у якутов на опорные вертикальные столбы жилища под матицей приделывали вешалку, которую называли «*am baħa*» (голова коня) [15, с. 56]. Каких-либо свидетельств подобных обрядов у хакасов, связанных с этим типом жилища, либо параллелей между частями тела коня и конструктивными частями данного жилища нами не было обнаружено.

Жилище *am ib*, на наш взгляд, имеет древнюю дотюркскую историю и семантику, с которой, возможно, и связана его известная номинация. До сих пор проблема изучения этого жилища в системе древних мировоззрений не рассматривалась, многое в этом вопросе представляется неясным. Например, проблема происхождения номинации. Известно, что жилище всегда структурирует картину мира. В традиционной

культуре многих народов жилище универсально, оно представляет и структурирует мироустройство. Постройка жилища отражает акт мироздания и поэтому несет в себе нечто священное [16, с. 40]. Жилище всегда органично с окружающей природной средой, несет в себе черты ее подобия, являясь микромоделью мира. Жилище в определенной степени напоминает мировое дерево. Окультуренное пространство было наполнено жизнью, но не только. В представлениях о жилище переплетались космологические, антропоморфные и зооморфные коды всеобщего единства «картины мира». В *am ib* универсальность элементов его конструкции фиксируется этнографической наукой. Условно жилище *am ib* из «дома для мертвых» становится «домом для живых», таким образом культура сохраняет накопленные за века знания космологического характера и представления о структуре мира. Конь соотносится с мировым деревом (столбом), которое символизирует единство жизни и наделяется при этом и зооморфными признаками. Со временем зооморфные признаки жилища перестали нести смысловую нагрузку до такой степени, что образ коня в них стал неузнаваемым, исчезали и символические смыслы конструктивных элементов жилища. Оказалось утраченным и ритуально-культурное содержание понятия жилища, на первое место вышел функционально-практический смысл объекта. Нам представляется, что жилище имело определенное ритуальное назначение и могло быть как реальным домом, так и «храмом» коня. Конь выступал символом Солнца, был связан с мировым деревом и родом, являлся древнейшим образом, стоявшим у истоков культуры, олицетворяя тождество социального и природного. В номинации *am ib* отражено особое место коня в системе мировоззрения древнего населения Хакасии.

Приведем некоторые археологические доказательства в пользу наших рассуждений. Открытие древнего поселения Хакасии – Торгажака эпохи поздней бронзы, карасукской культуры, – позволяет предположить особое культовое отношение к коню. Эта мысль не нова, но впервые может быть соотнесена с таким важным объектом материальной культуры, как жилище, конструктивный прототип *am ib*. Находки плиток в Торгажаке с выбитыми изображениями стоящих коней в так называемых алтарных нишах – само по себе явление уникальное. Головы лошадей на этих плитках были сколоты; они, по мнению Д.Г. Савинова, «явно намеренно повреждены», что, вероятно, было связано с некими ритуальными действиями. Эти плитки и характерный характер «круговых» композиций ряда петроглифов могильника Есино I с расположенными по кругу лошадьми, могли быть связаны, по его мнению, с идеей реинкарнации [9, с. 30–31]. С учетом доминантного значения лошади в культуре на раннем этапе развития скотоводческих обществ вполне мог быть определен для нее и некий ритуальный центр – «дом коня», «храм коня». Такие представления либо были уже сформированы, либо формировались, но уже играли существенную роль в ритуально-практической жизни

Рис. 3. *Ат иб*, или *хахнас иб*. Сагайцы. Улус Базинский. Фото С.Д. Майнагашева, 1914 г. (По: *Патачаков К.М.* Быт и культура хакасов в иллюстрациях (XIX – начало XX в.). Абакан, 1994. // *ХАКНИИЯЛИ*. Рук. фонд. Д. 924).

ни и культуре ранних кочевников, характерными чертами которой являлись освоение верховой езды (конь) и широкое использование колесницы.

Таким образом, формирование представлений о «храме коня» имеет достаточно древнюю историю, возможно, было унаследовано из культур Минусинской котловины ранее X в. до н.э. Как уже отмечалось, конструктивные особенности жилища *ат иб* сохранились, но семантическая связь жилища и коня была утрачена вместе с системой древнего миропонимания и перешла в образы ассоциативные, упрощенного образно-символического мышления («стоит как конь»), образ коня был соотнесен с общей системой жизнеобеспечения хакасов.

Что касается второй используемой номинации для жилища *ат иб* – *хахнас иб*, то оно было образовано от слова *хахнас* – кора лиственницы и других хвойных деревьев, ведь их корой покрывали остов данного жилища (рис. 3) [17, с. 826]. Кора лиственницы в строительной культуре хакасов имела широкое применение и использовалась как для каркасных жилищ, так и для жилищ срубной конструкции – в их кровельной части. Появление номинации *хахнас иб*, на наш взгляд, может свидетельствовать об этапе исчезновения исконного названия жилища *ат иб* у хакасов, когда один из материалов, из которых сооружали данное жилище, закреплялся в номинации, и это название бытовало параллельно с прежним названием, но в меньшей степени. Таким образом, в конце XIX – первой половине XX в. отмечается бытование двух номинаций для одного типа жилищ, одна из которых, скорее всего, была более ранней и исконной (*ат иб*), а другая – более поздней (*хахнас иб*).

ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА ЖИЛИЩА

Л.П. Потапов *ат-иб* с покрытием из коры лиственницы у сагайцев, койбалов и бельтыр считал видоизмененным типом шорского *одаг* [4, с. 275]. По мнению Е.К. Яковлева, *ат иб* соответствует началу перехода от *алачыха* (древнее жилище конической формы у хакасов. – Е.П.) к постоянному жилью [2, с. 32].

Однако исследования последних лет, посвященные срубной технологии сооружения жилищ *тура*, свидетельствуют о нескольких направлениях развития традиционного хакасского жилища [18], поэтому мнение Е.К. Яковлева представляется спорным.

Наиболее близко к вопросу о происхождении и генезисе жилища *ат иб* подошел исследователь жилищ якутов Ф.М. Зыков, который проводит генетическую параллель между балаганом и хакасским жилищем *ат иб*, предполагая южные истоки у его конструкции [19, с. 3]. Данное мнение подтвердилось находками карасукского времени X–IX вв. до н.э., с открытием Д.Г. Савиновым построек каркасно-столбового типа (жилищ) Торгажака в Хакасии: их конструкция напоминает конструкцию якутского *балагана* или *холомо* [9, с. 21]. Реконструкция этих жилищ позволяет определить домостроительную традицию, сближающую *ат иб* и жилища Торгажака. Таким образом, древность *ат иб* на территории Хакасии подтверждена данными археологии, что к тому же указывает и на автохтонное происхождение жилища этого типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, стационарное жилище хакасов каркасно-столбовой конструкции с усечено-пирамидальной кровлей *ат иб* имело бытование в их культуре на протяжении длительного времени и явилось результатом приспособления хакасов к условиям жизни в подтаежной и таежной частях Хакасии. Как показали исследования, жилище *ат иб* по своей конструкции имеет конвергенцию с жилищем древнего населения карасукской археологической культуры X–IX вв. до н. э. в Хакасии. Причем территориальное бытование *ат иб* в Хакасии в этнографическое время соответствует по времени древнему поселению Торгажак. В XIX–XX вв. распространение *ат иб* было отмечено исследователями в подтаежной и таежной частях Хакасии у сагайцев, койбалов и бельтыр, а в более ранний период, в первой половине XVIII в., – Г. Миллером у качинцев.

В номинации *ат иб*, на наш взгляд, отражена особенность мировоззрения древнего населения Хакасии. С учетом доминантного значения лошади в культуре на раннем этапе развития скотоводческих обществ и реконструкции жилищ Торгажака вполне мог быть определен для животного и некий ритуальный «центр» – «дом коня», «храм коня». Отсыл к древнему архетипу коня в поздней традиции сохраняется в номинации, которая в этнографическое время воспринимается ассоциативно в связи с образом жизни и особенностями традиционной культуры хакасов.

Процессы трансформации традиционной культуры хакасов на рубеже XIX–XX вв. и в последующий период (на протяжении XX в.) находят свое отражение в изменении традиционных форм изготовления жилищ каркасно-столбовой конструкции, это коснулось и жилища *ат иб*. Данные процессы были обусловлены переходом хакасов к жилищам срубной конструк-

ции и их массовому распространению. Этому же способствовал известный переход хакасов к оседлости. Таежная часть Хакасии оказалась местом, наиболее отдаленным от цивилизационных новаций и социально-экономических процессов XX в., что способствовало, на наш взгляд, более длительному сохранению *атиб* и его бытованию вплоть до полного исчезновения во второй половине XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецова А.А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск: Тип. Енисейского губернского управления, 1898. 213 с.
2. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического музея. Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 197 с.
3. Шибалева Ю.А. Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. X. С. 46–53.
4. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. из-во, 1957. 308 с.
5. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1982. 88 с.
6. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 224 с.
7. Прищепина Е.В. Жилища населения Хакасско-Минусинского края в традиционной системе жизнеобеспечения XVIII–XX вв. (на примере хакасов и русских старожилов) / науч. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: Изд-во «Бригантина», 2018а. 180 с.
8. Прищепина Е.В. Проблемы реконструкции жилищ тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018б. № 427. С. 153–163. DOI: 10.17223/15617793/427/21
9. Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 112 с.
10. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
11. Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 131–225.
12. Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: Изд.-полигр. агентство «ТриЛ», 1998. 284 с.
13. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 298 с.
14. Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
15. Данилова Н.К. Традиционное жилище народа саха: Про-странство. Дом. Ритуал. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2011. 122 с.
16. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 142 с.
17. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
18. Прищепина Е.В. К вопросу о генезисе жилища «тура» у хакасов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018в. № 433. С. 90–98. DOI: 10.17223/15617793/433/12
19. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX–начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. Якутск, 1986. 100 с.

REFERENCES

1. Kuznetsova A.A. Dwellings, clothes and food of Minusinsk and Achinsk inorodtsy. Krasnoyarsk, 1898, 213 p. (In Russ.)
2. Yakovlev E.K. Ethnographic review of the alien population of the Southern Yenisei valley and explanatory catalogue of the Ethnographic Museum. Iss. 4. Minusinsk, 1900, 197 p. (In Russ.)
3. Shibaeva Yu.A. From the history of Khakass dwelling. *Kratkie soobshcheniya AS USSR*. Moscow, Leningrad, 1950, vol. 10, pp. 46–53. (In Russ.)
4. Potapov L.P. The Khakass nation's origin and formation. Abakan, 1957, 308 p. (In Russ.)
5. Patachakov K.M. Essays on the Khakass people's material culture. Abakan, 1982, 88 p. (In Russ.)
6. Butanaev V.Ya. The Khakass traditional culture and life. Abakan, 1996, 224 p. (In Russ.)
7. Prishchepa E.V. Habitations of the Khakass-Minusinsk region population in the traditional lifestyle of the XVIII-XIX centuries: cases of the Khakass and Russian 'old-timers'. Abakan, Brigantina, 2018, 180 p. (In Russ.)
8. Prishchepa E.V. Problems of dwelling reconstruction of the Tagar culture of the Khakass-Minusinsk Hollow. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018b, no. 427, pp. 153–163. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/427/21
9. Savinov D.G. Ancient settlements of Khakassia. Turgozhak. Saint Petersburg, 1996, 112 p. (In Russ.)
10. Sagalaev A.M., Oktyabr'skaya I.V. The traditional worldview of Turks in South Siberia. Sign and ritual. Novosibirsk, Nauka, sib. otdnie, 1990, 209 p. (In Russ.)
11. Popov A.A. Dwelling. *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri*. Moscow, Leningrad, AN SSR, 1961, pp. 131–225. (In Russ.)
12. Sokolova Z.P. Dwelling of Siberian peoples (a typology experience). Moscow, TriL, 1998, 284 p. (In Russ.)
13. Stolyar A.D. The origin of fine art. Moscow, Isskustvo, 1985, 298 p. (In Russ.)
14. Kyzlasov I.L. Altaistics and archaeology. Moscow, 2011, 256 p. (In Russ.)
15. Danilova N.K. Traditional dwelling of the Sakha people. Space. House. Ritual. Novosibirsk, GEO, 2011, 122 p. (In Russ.)
16. Eliade M. The sacred and secular one. Moscow, 1994, 142 p. (In Russ.)
17. Khakass-Russian dictionary. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1111 p. (In Russ.)
18. Prishchepa E.V. On the "tura" dwelling's genesis in Khakass. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018v, no. 433, pp. 90–98. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/433/12
19. Zykov F.M. Yakut settlements, dwellings and outbuildings of the XIX – early XX centuries: historical and ethnographic study. Yakutsk, 1986, 100 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.11.2019

Дата рецензирования 27.02.2020

Статья принята к публикации 05.03.2020

DOI: 10.15372/HSS20200203
УДК 392, 394, 930.2

Е.Ф. ФУРЦОВА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СИБИРСКИХ УКРАИНЦЕВ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ф.Е. ТОКАРЕНКО*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

Потенциал использования нарратива в этнографических исследованиях еще не до конца осмыслен. Вместе с тем, такой источник в полевой этнографической практике можно считать массовым, особенно при изучении этнокультурных групп, в том числе украинских переселенцев. Статья посвящена нарративному анализу впервые публикуемой автобиографии потомка полтавских переселенцев в Сибири Ф.Е. Токаренко в плане раскрытия познавательных возможностей текста относительно содержания концепта «этнокультурная идентичность». Автобиографический текст, созданный в 1980–1990-х гг., не лишен художественной выразительности, отражает способность автора писать о самом себе как об условно независимом персонаже, причем в изложении событий прослеживаются причинно-следственные связи. В нарративе раскрываются трудности переселения, тяготы пути и обстоятельства обустройства на новом месте, атмосфера жизни украинских крестьян-переселенцев с учетом этнокультурной идентичности. Жизнь деда, отца и свою собственную Ф.Е. Токаренко описывает как цепь событий на протяжении нескольких периодов истории нашей страны. В его изложении мы имеем дело не просто с фактографией – в моментах постижения жизни (в форме автобиографии) автор прослеживает взаимосвязь сибирского, регионального самосознания с русской и украинской этнической идентичностью.

Ключевые слова: автобиографический нарратив, концепт «этнокультурная идентичность», украинские переселенцы, Сибирь, Алтайский край.

E.F. FURSOVA

ETHNOCULTURAL IDENTITY OF SIBERIAN UKRAINIANS IN AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS F.E. TOKARENKO

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The author believes that the potential for using narrative in ethnographic research is not fully understood yet. At the same time, such a source in the field ethnographic practice can be considered massive. The article is devoted to a narrative analysis of the first published autobiographical text by F.E. Tokarenko, a descendant of the Poltava settlers in Siberia, in terms of cognitive possibilities of the “ethnocultural identity” concept’s content. The autobiographical text created in the 1980–1990s is not devoid of artistic expression, reflects the author’s ability to write about himself as a conditionally independent character, causality is traced in the presentation of events. In terms of methodology, the author proceeds from the fact that a person achieves self-awareness through narrative, its interpretation, continuous self-interpretation, with which he highlights certain moments of life meaningful for him. Following psychologists, we consider narrative as the main cultural tool which helps to form and provides existence of ordinary consciousness or folk psychology, as well as “personality and I” (Bruner, 2004; Barsky, Gritsuk, 2010). In the research the author is guided by the conceptosphere concept, which is understood as the terminological designation of any set of concepts including those characteristics of a particular text (Kharchenko, Safonova, 2013). Narrative by F. E. Tokarenko reveals the atmosphere of Ukrainian peasant life, pictures of resettlement, hardships of immigrants’ way and arrangement in a new place through the prism of ethnocultural identity. F.E. Tokarenko describes the life of his grandfather, father and his own as a chain of events determined by fate over several historical periods of our country. In its presentation, we deal not just with factography, but moments of comprehension of life in the form of an autobiography, which traces the relationship of the Siberian, regional identity with Russian, Ukrainian ethnic identities. The autobiographical text by F. E. Tokarenko reflects transformations of his ethnocultural identity.

Key words: autobiographical narrative, concept of “ethnocultural identity”, Ukrainian immigrants, Siberia, Altai Region.

*Исследование поддержано РФФИ, проект № 18-09-00028 «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первой трети XX в.)»

Елена Федоровна Фурсова – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: mfl1@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>

Elena F. Fursova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Ethnography, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

КАТЕГОРИЯ «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ». СМЫСЛЫ И ПОДХОДЫ

Категория «автобиографический нарратив» привлекает внимание представителей разных областей гуманитарного знания с 1970–1980-х гг.: историков, филологов, психологов, в меньшей степени этнографов (см., напр.: [1; 2; 3; 4]). Идеи о возможном изучении идентичности через автобиографии были высказаны этнографами еще в 1830-х гг., когда жизненным историям приписывалась ценность как источника, раскрывающего особенности личности, ее целостность и развитие (см. об этом: [3, с. 26]). Исследования так называемой нарративной идентичности становятся все более популярными и могут дать этнографам важные результаты в плане выявления личности и этнокультурного облика нарратора. Многообразие смыслов, которые придаются понятию нарратива, заставляет нас определиться с его смысловым содержанием как **повествования** или **описания**, полученного в ходе автобиографического изложения, интервью, дневниковых записей и пр.

Развитие научного мышления непосредственно связано с понятиями, отражающими способность мысленно воссоздавать предмет исследования, в большей степени – с особой формой рефлексии как процесса осмысления чего-либо (предмета, явления, процесса и пр.) [5, с. 66]. Повествование о своей жизни, согласно теории идентичности Дж. Брунера, представляет собой интерпретацию, задача которой заключается в создании собственного образа [6, с. 695]. Человек достигает самоосознания через нарратив, его истолкование, непрерывную самоинтерпретацию, посредством которой он выделяет в жизненном потоке определенные моменты, обладающие для него смыслами. Брунер рассматривает нарратив как основное культурное средство, «с помощью которого образуется и существует обыденное сознание или народная психология», а также «личность и Я» [7, с. 163]. Некоторые исследователи понимают нарратив как результат формирования идентичности, способ познания того феномена, что мы называем «своей жизнью» [8, с. 3, 16]. W. Labov, J. Waletzky определяют нарратив как воспроизводство прошлого опыта [1, с. 3 – 38]. Таким образом, в нарративе связываются воедино прошлое, настоящее и будущее, которое начинается в момент повествования.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СИБИРСКИХ УКРАИНЦЕВ

Автобиографические тексты сельского жителя пос. Кулунда Алтайского края Федора Ефимовича Токаренко (1911 – 2003 гг., далее – Ф.Е.) изложены в двух вариантах – «Моя родословная» (сохранился оригинал рукописи) и «Страницы моей жизни» (ксерокопия рукописи). Материалы получены в ходе экспедиций 2018 г. в пос. Кулунда Алтайского края, сейчас их копии хранятся в личном архиве автора статьи. Рукописи не датированы, но, судя по бумаге и внешнему виду тетрадей, были написаны в 1980–1990-е гг., последние записи от-

носятся к 2001 г. Записи рукописи «Моя родословная» (далее – МР) сделаны в амбарной книге на белой нелинованной бумаге синей шариковой ручкой (пронумеровано 140 с.). Ксерокопия рукописи «Страницы моей жизни» (далее – СМЖ), выполненной в разлинованной ученической тетради без нумерации страниц старческим почерком, обозначена автором как «повесть» (около 3 п.л.). Видимо, эта работа была написана позднее, когда рука автора уже не могла выводить стройные четкие буквы. В содержательном отношении рукописи включают много сходных данных и целых кусков текста, но, если в первой больше внимания уделено истории семьи, воспоминаниям детства, то во второй подробно описаны впечатления о переселении в Сибирь, о свержении царя («сбросили царя»), Гражданской войне и других событиях. Текст Ф.Е. Токаренко включает рассказы-воспоминания об увиденном в разные периоды жизни, а также сведения, услышанные от родственников, т.е. это «рассказ в рассказе».

При исследовании нарративов некоторые авторы руководствуются понятием концептосферы, под которой подразумевается терминологическое обозначение любой совокупности концептов, в том числе свойственных тому или иному тексту, включая жанр семейного родословия [9, с. 12]. В корпусе семейного родословия Ф.Е. Токаренко значительное место занимают концепты «история фамилии», «история семьи», «идентичность нарратора», относительно которых сообщаются уникальные свидетельства, дающие возможность сделать правдивые оценки этнокультурной идентичности столыпинских переселенцев из Полтавской губернии начала XX в. Семейная история в изложении Ф.Е. сохранила сведения о месте выхода автора и его старших родственников: «Мои предки и родители происходят от украинского народа, народа Малороссии. Так в давние времена называлась Украина, то есть окраина русской земли. Окраина часто разорялась чужеземцами и являлась чисто аграрной страной, где хозяйничали рабовладельцы-помещики»¹. В другом варианте автобиографического текста он дополняет эту информацию фамилией помещика и указанием на первоначально иную фамилию своего рода. «Родословная Токаренковых начинается со времен крепостного права, от деда Филиппа, который был крепостным у помещика Лепешинского села Недригайлово Полтавской губернии. Работал сельским кузнецом, на украинском языке коваль. Изначальная фамилия деда была Коваль»². «Фамилий у крепостных тогда не было, а было подворное прозвище. Дед Филипп назывался Ковалем, это было сходно по профессии кузнеца. Многие имели такие прозвища, что не подобно (здесь: не пристойно. – Е.Ф.) было называть»³.

¹ Привлекаемые в качестве цитат тексты в основном полностью копируют стиль, орфографию и пунктуацию изложения Ф.Е. Токаренко, внесены лишь некоторые исправления, касающиеся орфографических ошибок и затрудняющие чтение. – Е.Ф. (Рукопись Ф.Е. Токаренко «Страницы моей жизни» (СМЖ). Л. 1).

² Рукопись Ф.Е. Токаренко «Моя родословная» (МР). Л. 1.

³ СМЖ. Л. 1–2.

Считается, что нарратив должен отвечать критерию трансформации. В изложении герой или члены его семьи переносятся из прошлого в настоящее, т.е. исторически связаны. Временная последовательность событий хорошо прослеживается и в автобиографическом тексте «Моя родословная». Например, дается объяснение появления новой фамилии, чему предшествует «краткая историческая справка»: «Тяжело жилось крепостным крестьянам российской империи. Особенно доставалось украинскому народу, всякие войны против России начинались с Украины. Центральные губернии России развивались быстрее, чем окраинные. Росла промышленность, появились новые профессии рабочих. Помещик Лепешинский решил обзавестись еще одной промышленной профессией токаря. Послал деда Филиппа к **москалям** учиться токарному делу. Так наш дед стал токарем и кузнецом у помещика. Новая профессия токаря дала деду и новую фамилию Токаренко»⁴. На первых же страницах рукописи заметно, что автор пребывал «во власти воспоминаний» и выражений, услышанных в детстве от старшего поколения родственников.

Заметим, что только в начале изложения Ф.Е. пишет о своих родственниках как «украинцах» (об Украине – как окраине России), называет жителей центральных губерний «москалями» (эти термины затем не встречаются или редко встречаются на «Страницах моей жизни»). «Дед с малых лет начал работать у помещика в кузнице, потом стал кузнецом. Он был неплохим умельцем, в то время в России уже развивалась промышленность. Рос рабочий класс разных профессий, которых на Украине еще не было. Эти профессии потребовались и помещикам. На долю моего деда выпало счастье стать токарем. Помещик отвез в Россию моего деда, чтобы выучить его на токаря по металлу. Вернувшись на Украину к своему помещику, стал работать токарем, кудесником, как называли его в селе»⁵.

Таким образом, ключевым сюжетом концепта «история фамилии» было событие, связанное с получением новой престижной профессии, название которой и явилось фамилиеобразующим. «После отмены крепостного права люди стали получать фамилии. Мой дед Филипп получил фамилию по профессии токаря – Токаренко. Фамилия была такая же редкостная, как и профессия. Дедовы родственники все получили также его фамилию. Забегая вперед, хочу сказать, что я за свою жизнь где только не побывал на своей земле, и мои сыновья, и нигде не встречали свою фамилию Токаренко, за исключением нашего родового села Недригайлово, где еще здравствует наша фамилия»⁶.

Историю своей семьи и деревни автор рассматривал в контексте истории России, причем именно для украинских переселенцев характерно, как показывают наши полевые материалы, включение в этот контекст деяний Петра I. «Мой дед Филипп был крепостным

человеком. Он родился в большом селе Недригайлово, в котором Петр первый стоял своим штабом во время Полтавской битвы»⁷. «Наше село Недригайлово вошло в историю России, в котором первый русский император Петр первый стоял в нашем селе постоем со своим штабом во время Полтавской битвы со шведом»⁸.

При чтении текста создается впечатление, что автор рукописи старался описать жизнь деда, отца и свою собственную как цепь событий, определяемых судьбой, – их невозможно предугадать и изменить. В автобиографическом нарративе в изложении Ф.Е. Токаренко мы имеем дело не просто с фактографией, встречаются также моменты постижения жизни в художественной форме. Эпизоды воссоздают картины не только хозяйственно-экономической жизни, имущественного расслоения общества, горестного положения детей-сирот, но и духовно-нравственной атмосферы Полтавщины, Херсонщины конца XIX в. «Отец мой Ефим Филиппович родился в 1880 году. Вскорости родители отца умерли от какой-то эпидемии. Малолетнего отца взяла на воспитание тетка со стороны отца. У тетки было много детей, и детство моего отца было тяжелое. Как только Ефим почувствовал, что сможет быть самостоятельным пастухом, он подговорил себе такого же подпаска Петра, и [они] тайно покинули родное село Недригайлово. Пробрались в Херсонские степи, где паслись тучные стада овец богатых помещиков, у которых наши беглецы нашли себе работу пасти овец большой отары. Ребята впервые оказались в необозримой безводной степи под жгучим черноморским солнцем. Да и условия их труда, продиктованные помещиком, были не легки: с темна до темна находиться в степи с отарой. Суточный паек выдавался буханкой хлеба, кувшином воды в день на двоих. ... в херсонских степях вода была тогда на вес золота ... заготовлялась из дождей и снега, да и те редко выпадали. Херсонские степи казались ребятам адом против родного полтавского климата. Степные суховеи обжигали: руки, лицо, трескались губы, пересыхало во рту. Ребята терпели, трудились, мечтали о лучшей жизни»⁹.

Судьбоносными в изложении Ф.Е. оказывались события, встречи с людьми, которые способствовали новым поворотам в жизни. Не случайны встречающиеся в тексте фразы: «Всего пришлось пережить, голод и всякие обиды со стороны лихих людей... Наконец все страшное позади, а не известное впереди»¹⁰. Так, в детстве отца автора, когда тот уже был отроком, произошёл случай, перевернувший его жизнь. «Однажды в обеденную пору, когда овцы сбивались в кучу ища друг у друга холодка, ребята сошли на придорожный курганчик, чтобы подкрепиться засохшим хлебом, запить остатком воды. По малопроезжей дороге шел странник – седой как лунь, его морщинистое лицо загорело до черноты. Он подошел к курганчику, на кото-

⁴ МР. Л. 1.

⁵ СМЖ. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ МР. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3.

ром обитались пастухи, слегка приподнял шапку, поприветствовал пастухов. “Разрешите детки отдохнуть у Вашего куреня, устали мои ноженьки”. Петро был вострее на разговор, спросил странника: “Далеко ли дедушка держишь путь?” “Как вам сказать, всю свою жизнь путь мой бывает близкий и далекий, не знаю, когда будет конец моего пути”. “А почему вы дедушка все время ходите?” – спросил Петро. Старик пожевал свой седой ус и ответил: “Счастья ишу сыночки, и никак не найду его. Наверно Господь не дал мне его”. Хлопцы попросили странника рассказать о счастье и как его искать. Старик стал объяснять, что счастье люди по-разному понимают и по-разному ищут его. Кто в честном труде, кто в богатстве, а кто в славе, в ратных делах, в любви, семейной жизни. “А кто в скитании по белому свету, которое я избрал в своей жизни, а счастья так и не нашел”.

Ефим спросил старца: “Какой бы посоветовал выбрать путь к счастью нам, пастухам?”. Тот сказал: “Черный труд в поте лица: ковать железо, строить дороги, сеять хлеб, иметь хорошую семью. Я недавно побывал **на московщине**, там набирают людей на строительство железной дороги. Советую вам испытать свое счастье на этом поприще”. Ребята попросили рассказать, как добраться до Москвы. Он только ответил: “Язык до Киева доведет, а там и Москва недалёко”. Странник попрощался с хлопцами и зашагал, стуча палкою, в сторону Херсона. Обсудив свое тяжкое житье, хлопцы решили пробираться в Москву на строительство дороги. Когда овцы были в кошаре, пастухи обратились к помещику и попросили выдать им расчет. Жаль было хозяину хороших работников отпускать, но хлопцы стояли на своем. Получив расчет и попросив у хлебопекарки буханку хлеба и сухариков, ребята отправились пешком в далекий путь»¹¹.

Автор раскрывает атмосферу железнодорожного строительства, охватившего Российскую империю во второй половине XIX – начале XX в. Проработав на строительстве железной дороги среди политических каторжан и уголовников разных мастей, отец Ф.Е. решил вернуться с заработком домой на Полтавщину, но был по дороге ограблен и чудом выжил. В родном селе у безденежного сироты не было иных шансов жениться, как пойти «в приимы, войти в дом невесты». «Тетка посоветовалась со своим мужем Рябухой, решили найти такую невесту, чтобы она своего жениха приняла в дом. Такая невеста нашлась, это моя будущая мать Варвара Васильевна Немцева. У ее отца Василия не было наследника, поэтому отец невесты решил принять в дом зятя, потом сделать его наследником бедного крестьянского хозяйства, свадьба состоялась»¹². «Дед мой по матери, Василий, имел: избушку, одну лошадь, одну десятину земли, он был вдов. Жить при такой бедности молодому здоровому мужчине не было никакого смысла. Пошли дети, надо было решать дальнейшую судьбу своей семьи. Вскоро вышел Столы-

пенский закон, который назывался реформой... Главых семей, отцы и деды обратились в губернский переселенческий пункт»¹³.

«ПРОЩАЙ, РОССИЯ! ДА ЗДРАВСТВУЙ, СИБИРЬ»

Коренной перелом в жизни семьи Токаренко произошел вследствие начавшейся земельной реформы 1906 г. П.А. Столыпина, благодаря которой перед молодыми родителями Ф.Е. открылись новые надежды и перспективы лучшей жизни. «Бедность и недостаток породили семейные неполадки, встал вопрос: “Что делать, как жить?” К счастью, столыпинская реформа в России спасла от нищеты и голода тысячи малоземельных крестьян России»¹⁴. «Отец Ефим Филиппович решил попытать свое счастье, записался на переселение в Сибирь на вольные земли, куда были посланы ходоки, чтобы убедиться в богатой сибирской крестьянской жизни. Возвратившиеся ходоки привезли с собой огромный пшеничный караван и сибирские белые калачи. Осенью 1911 года недригайловские переселенцы на станции Ворожба начали грузиться в товарные вагоны, которые предоставлялись каждой семье»¹⁵.

В этом месте повествования, на этапе переселения в Сибирь, автор вновь обращается к рассуждению о своем этнокультурном самоопределении, делая сдвиг от «украинца» в сторону идентичности региональной. «У отца моего почти не было никакого груза, кроме нас, четырех детей и самих двое. Меня везли в Сибирь еще в пеленках, два старших моих брата и самая старшая сестра, которой тогда было семь лет. **Мой тогдашний возраст дает мне право называть себя сибиряком. Так как украину я совершенно не помню.** Поезда ходили по 20 верст в час и сутками простаивали на станциях. На больших станциях переселенцев кормили бесплатными обедами. У Челябинска на выезде родители видели традиционный столб с надписью: «Прощай, Россия! Да здравствуй, Сибирь». Столб стоял на Великом сибирском пути, по которому шли в Сибирь каторжники, звеня кандалами. Наши семьи выгрузили в Омске, людей разместили в бараках для переселенцев»¹⁶. В приведенном отрывке представляет интерес тот факт, что автор впервые заявляет о себе как **о сибиряке**, кем он продолжал считать себя впоследствии и во время строительства Турксиба, Великой Отечественной войны и пр.

Тяга стать хозяином собственной земли заставляла преодолевать все трудности пути в незнакомой части света. В устной беседе, во время полевых работ, нам не раз приходилось слышать о стремлении выходцев из украинских губерний к «своей земле», а, получив надел, они становились на колени, даже целовали ее. Об этом со слов старших писал и Ф.Е. в «Моей родословной»: «Всю зиму 1911–1912 года эшелон с пере-

¹¹ МР. Л. 2–3.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ СМЖ. Л. 7.

селенцами был в дороге. Весной 1912 года наш эшелон разгрузился в городе Омске. Главы семей в Омске получили кредиты, их тут же окружили купцы, наперебой предлагали: лошадей, брички, сбрую, сельхозинвентарь, дойных коров. Про все то рассказывал мне отец, что за какой-то месяц он стал настоящим крестьянином. Все переселенцы двинулись на Павлодар своим ходом, поспешая к весенним полевым работам. В Павлодаре переселенцы наняли себе проводника казаха через переводчика. Как только выехали с города, перед ними раскинулась бескрайняя ковыльная степь, под ветрами она казалась морскими волнами. Дорог не было, только конные да звериные тропы, по которым вел проводник обозы»¹⁷.

Женская составляющая массовых переселений крестьян мало изучена. Этнографические факты позволяют проследить роль и особенности поведения женщин, жен переселенцев, которые разделяли со своими мужьями трудности долгого пути, а в случае смерти кормильца сами обосновывались на новом месте и боролись за жизнь своих детей. Вместе с тем, эмоционально окрашенные «голошения» на предмет «куда ты меня привез» наблюдались, главным образом, среди выходцев из южных районов Российской империи [10, с. 99, 105; 11, с. 57]. «На третьей день проводник остановился у трех землянок, где уже жили три семьи украинских переселенцев. Женщины, увидев жизнь переселенцев, заголосили, куда же вы нас привезли, бросив свою **ридную украину**. Мужчины успокаивали женщин: “Ничего, для того и руки у нас Бог дал, чтобы благоустроиваться”. Так переселенцы стали обживать вольные столыпинские земли. Приехали землемеры, нарезали отруба, отец получил землю сразу за огородом, который составлял целую десятину. Отец был жесток в работе, работал до изнеможения и требовал от семьи того же, за малые оплошности строго наказывал мать и детей. За дорогу дети все простыли, трое из нас умерли, я долго болел, но выжил, осталось двое, Лена и я, Олимпиаду называли Леной»¹⁸.

Принимая участие в повседневных и других разговорах, совершая бытовые и неординарные поступки, человек обнаруживает свою этнокультурную идентичность, которая, находясь на глубинном и подсознательном уровнях, смещается на культурные и социально-структурированные реалии. При строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиб), когда Ф.Е., вербованным, прибыл на будущую станцию Ай-Набулак, он эмоционально рассказал о всех тяготах этой стройки. Повествуя о тяжелых, изнурительных работах на строительстве Туркестанской железной дороги, Ф.Е. сравнил сибирский бытовой уклад и экономическое положение с местными условиями жизни. Как любой сибиряк, он гордился тем фактом, что в Сибири крестьяне не ели ржаного хлеба: «Так мы, бывшие крестьяне, стали рабочим классом, строителями дорог. Вербовщик обещал нам золотые горы, ко-

торых мы так и не увидели в прибалхашской пустыне. **Кормили нас: пшеничным супом та ржаным хлебом, который мы сибиряки и в глаза не видели, и по кусочку сахара к чаю»**¹⁹.

Через песенное творчество, фольклор в автобиографических текстах находит отражение эмоциональный настрой, отношение к своим корням, этнокультурной идентичности как автора, так и членов его семьи. Повествование Ф.Е. о событиях, связанных с переменной его жизни, сопровождается воспоминаниями об обращении в таких случаях к знакомым с детства народным песням: «Попрощался с сестренками и братишкой Гришей, поцеловал мать, отчим не подошел ко мне, и я молча вышел на улицу. Там ожидали меня друзья. Они подхватили мой и михайлов сундуки и в ночь отправились пешком на станцию, до которой всего было два километра. У саманного вокзала в то время уже вырос небольшой скверик, мы и расположились в нем. **Всю ночь пели песни, украинские, русские**. Вспоминали прошлое детство, мечтали о будущем. Завидовали нам, что мы первыми решились оставить свои родовые гнездышки и пустились в далекий, неведомый путь, искать свою судьбу. Рано утром пришел поезд, мы попрощались, нам пожелали счастливого пути»²⁰.

В другое время и при другом изломе судьбы автор снова подчеркивает свою этнокультурную принадлежность, обращаясь к песенному творчеству: «Слышу: где-то поют, но не пойму где. Спросил рядом стоящего пассажира, где поют? Он указал на люк – там, в трюме. Я подошел ближе, где ясно слышались слова песни. **Мы, украинцы, вообще любим песни и умеем петь**. Но таких песен и мелодий я не слышал, да и слова именно народные. Пели песни заключенные, которых везли на стройки первой пятилетки. Где же сейчас эти песни? До Семипалатинска мы плыли пять суток, каждый день я часами простаивал у люка, слушая задушевные песни. В Семипалатинске мы расстались со своими таинственными попутчиками...»²¹. Здесь привлекает внимание тот факт, что Ф.Е., даже считая себя сибиряком, тем не менее, в определенные моменты жизни при соприкосновении с культурными «украинизмами», вспоминал о себе как об украинце. Наиболее яркими, «своими» чертами он считал песенное творчество, музыкальную одаренность своих родственников.

Идентичность в текстах Ф.Е. проявляется в своеобразии поступков, стереотипах поведенческих норм, выражении эмоций и представлениях «о своих». «В Каттакургане я сошел с поезда, идя по перрону я увидел у садовой решетки стоящего человека, богато одетого в шелковую узбекскую одежду с чисто русским лицом. Меня заинтересовало кто такой, подойдя, я поприветствовал по-русски, сказал: «Никак земляк?» Человек ответил: «Откуда знаешь, что земляк?» «Ру-

¹⁷ МР. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ СМЖ. Л. 16.

²¹ МР. Л. 17.

сволосями бывают **сибиряки** и северяне», – ответил на его вопрос. Человек улыбнулся, свострил: «Видать ты молодой, но ранней, а сам-то откуда?» «С западно-сибирского края, станция Кулунда, слышал такую?» «А я с Омска, значить земляки»²². В рукописях встречаются и некоторые свидетельства, указывающие на украинское происхождение автора (имена друзей Петро – вместо Петр, «дядя Грыша», «бричка» и пр.) при полном сохранении русского языка изложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В полевой этнографической практике именно среди выходцев из юго-западных губерний Европейской России встречается масса нарративов, автобиографий, семейных родословий (этой особенностью они близки русским старообрядцам). Объяснить это можно желанием передать историческую память своим потомкам, чтобы те не забывали «кто их прадеды и откуда». Писание автобиографических текстов (нарративов) можно рассматривать как факт самосознания народа в связи с исторической памятью, обрядово-праздничной культурой, фольклором, мифологическими представлениями и другими этнокультурными компонентами. В использовании фразеологизмов, «украинизмов» в текстах Ф.Е. Токаренко видится специфика самосознания сибирских украинцев в местах их компактного поселения в Кулундинской степи Алтайского края на протяжении нескольких исторических периодов в жизни нашей страны. Что касается соотношения реальности и конструируемости нарратива, исторической правды и опыта создателя нарратива, то можно говорить о стремлении автора изложить личностное восприятие событий с максимальной точностью, дать им собственную оценку. Привлекательные нарративные источники, изложенные от первого лица или прямых потомков переселенцев, раскрывают картины переселений, тяготы путей, трудности обустройства на новом месте украинских переселенцев конца XIX – начала XX в., восприятие ими собственной этнокультурной идентичности. Прослеживаемые в рукописях трансформации взглядов Ф.Е. Токаренко на этнокультурную идентичность можно соотнести с так называемой ситуативной или плавающей идентичностью, сформировавшейся как следствие интеграционных процессов славянских народов на территории Сибири [12, с. 753].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Labov W., & Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. // *Journal of Narrative & Life History*. Jan. 1997. Vol. 7, iss. 1–4. P. 3–38. DOI: org/10.1075/jnlh.7.02nar
2. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
3. Кутковская Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 23–33.
4. Турушева Ю.Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 33. С. 6.

5. Казначеев В.П., Егорычев А.М., Голомянов А.И., Ромм В.В., Фурсова Е.Ф., Фабрика Ю.А. и др. Культура, наука, образование: контекст познания и развития универсума. Новосибирск: Изд-во Зап.-Сиб. отд-ния Междунар. Славянской академии, 2013. 340 с.

6. Bruner J. Life as a narrative. // *Social Research*. Fall 2004. Vol. 71, iss. 3. P. 691–710.

7. Барский Ф.И., Грицук А.Г. «Интервью о жизненной истории» Д. Макадамса как метод исследования нарративной идентичности // Журн. практ. психолога. 2010. № 5. С. 158–204.

8. Bamberg M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity // *Theory & Psychology*. 2010. Vol. 21 (1). P. 1–22.

9. Харченко В.К., Сафонова А.А. Концепты в нарративах семейного родословия // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 27 (170), вып. 20. С. 12–18.

10. Фурсова Е.Ф. Взаимопомощь в различных жизненных ситуациях у сибирских крестьянок первой трети XX в. // *Woman in Russian Society*. 2018. N. 1 (86). P. 99–105.

11. Фурсова Е.Ф. «Женские плечи» сибирской миграции (по материалам переселенцев второй половины XIX века) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Калининград: Балт. федерал. ун-т им. И. Канта, 2019. С. 54–57.

12. Фурсова Е.Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI веков) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 748–753.

REFERENCES

1. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience. *Journal of Narrative & Life History*, 1997, vol. 7, no. 1–4, pp. 3–38.
2. White H. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe*. Ekaterinburg, Ural Univ. publ., 2002. 528 p. (In Russ.)
3. Kutkovaya E. S. Narrative in identity research. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*, 2014, no. 4, pp. 23–33. (In Russ.)
4. Turusheva Yu. B. Features of the narrative approach as a method of studying identity. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2014, vol. 7, no. 33, pp. 23–33. (In Russ.)
5. Kaznacheev V. P. (ed.) *Culture, science, education: the context of cognition and development of the universe*. Novosibirsk, Izd-vo Zap.-Sib. otd. Mezhdunar. Slavyan. Akad., 2013, 340 p. (In Russ.)
6. Bruner J. Life as a narrative. *Social Research*, 2004, vol. 71, no. 3, pp. 691–710.
7. Barskiy F. I. Gritsuk A. G. "Interview about the life history" of D. Macadams as a method of research on narrative identity. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2010, no. 5, pp. 158–204. (In Russ.)
8. Bamberg M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity. *Theory & Psychology*, 2010, vol. 21, no. 1, pp. 1–22.
9. Kharchenko V. K., Safonova A. A. Concepts in narratives of family genealogy. *Nauchnye ведомosti. Seriya: gumanitarnye nauki*, 2013, vol. 27, no. 20, pp. 12–18. (In Russ.)
10. Fursova E. F. Mutual assistance in various life situations among Siberian peasant women in the first third of the XX century. *Woman in Russian Society*. 2018, no. 1, pp. 99–105. (In Russ.)
11. Fursova E. F. "Women's shoulders" of Siberian migration (based on materials from immigrants of the second half of the XIX century). *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego*. Kaliningrad, 2019, pp. 54–57. (In Russ.)
12. Fursova E. F. Problems of ethnocultural identity of the Ukrainian population of West Siberia (in the early XX and early XXI centuries). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 2019, vol. 25, pp. 748–753. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.02.2020

Дата рецензирования 25.02.2020

Статья принята к публикации 09.04.2020

²² МР. Л. 18.

DOI: 10.15372/HSS20200204
УДК 391

Н.И. ШИТОВА

ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ РУКОДЕЛИЙ РУССКИХ КРЕСТЬЯНОК ГОРНОГО АЛТАЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

Изучение орнаментации женских рукоделий актуально с позиции выявления стратегий сохранения и причин актуализации орнаментальных мотивов в течение XX – начала XXI в. Настоящая статья является первой попыткой обзорного исследования орнаментации женских рукоделий русского населения Горного Алтая. Результаты работы позволяют судить о состоянии бытования традиции в течение XX в. и перейти в дальнейшем к раскрытию механизмов и стратегий сохранения и актуализации традиционных орнаментальных мотивов женских рукоделий. На основе анализа вещественных источников, хранящихся в музейных фондах, и полевых материалов автора, собранных в разные годы, показано разнообразие орнамента. Рассмотрены распространенные и редко встречающиеся мотивы геометрического, растительного, орнито-, зоо- и антропоморфного орнаментов. Выявлены как утратившие значение, так и устойчивые орнаментальные мотивы (геометрические мотивы, мотивы виноградной лозы, розы, цветочные розетки, изображения петухов и голубей).

Ключевые слова: Горный Алтай, старожилы, переселенцы, уймонские старообрядцы, полотенце, вышивка, ткачество, вязание, орнаментальные мотивы.

N. I. SCHITOVA

FEATURES OF RUSSIAN NEEDLEWORK ORNAMENTATION PEASANTS OF THE ALTAI MOUNTAINS

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study of ornamentation of female needlework is relevant from the viewpoint of identifying conservation strategies and reasons for actualization of ornamental motives during the XX century up to the present. This work is the first attempt to overview study of women needlework ornamentation of the Russian population of the Altai Mountains. The regional materials are interesting as they have not been comprehensively studied before. The study of these materials provides the opportunity to trace a number of factors affecting the existence of ornamental motives at the local level among the Russian population that lived in a different ethnic environment and was heterogeneous in terms of faith and time of arrival to Gorny Altai. The study results will allow to show the existence of this tradition in the XX century and move on to disclose mechanisms and strategies for preserving and actualizing traditional ornamental motives of female needlework.

The paper shows a variety of ornaments of Russian peasants based on the analysis of material sources stored in museum collections, and the author's field data collected in different years. It is established that the Uimon Old Believers handicrafts stand out by specific features against the general background. Their ornamentation peculiarities existed in villages located in the Peschany River valley (Baragash, Ilyinka, Mariinka). There is a bear's motif not previously seen in the embroidery of Russian Siberians.

As a result of systematization and analysis of ornamental series made on female needlework, the author identifies ornamental motives that either lost their value or remained stable during the XX century. Traditional anthropomorphic images observed in the late XIX – early XX centuries are not traced in needlework of the second half of the XX century. Various images of fantastic animals and paradise birds recede into the past as well. Moreover, geometric motives (crosses, rhombuses), motives of vine, roses, flower sockets, images of roosters and pigeons have been actively used in the second half of the XX century. Local features of economic activity and environmental perception are reflected in multi-temporal zoomorphic compositions. Defining conservation strategies and updating mechanisms for identified peculiarities is a challenge of further research.

Key words: Altai Mountains, Old Believers, immigrants, Uimon Old Believers, towel, embroidery, weaving, knitting, ornamental motives

Наталья Ивановна Шитова – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: natalja.sni2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1325-255X>

Natalia I. Schitova – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Символично-знаковые системы и их функционирование в культуре представляют собой одну из фундаментальных проблем, привлекающих внимание этнографов, которые изучают традиционную культуру русских сибиряков [1, 2]. Одним из ярких проявлений народного языка знаков и символов являются женские рукоделия и их орнаментация. Изучение такой орнаментации актуально с точки зрения выявления стратегий сохранения и причин актуализации орнаментальных мотивов в течение XX – начала XXI в. Материалы Горного Алтая в этом отношении ранее комплексно не изучались, между тем они предоставляют возможность на локальном уровне проследить ряд факторов, влияющих на бытование орнаментальных мотивов в среде неоднородной как по конфессиональной принадлежности, так и по времени прибытия в Горный Алтай русского населения, проживающего в иноэтническом окружении. В ходе такого исследования интересно было бы определить наиболее устойчивые орнаментальные мотивы и выявить причины и механизмы их сохранения и актуализации.

Орнаментация рукоделий русского населения Западной Сибири и Алтая в частности традиционно привлекает внимание исследователей. В 1980-е гг. выходят работы Л.М. Русаковой, посвященные традиционному орнаменту русских Сибири [3; 4; 5]. Введению в научный оборот новых полевых материалов по орнаменту русских Западной Сибири, особенно женских рукоделий, их систематизации и интерпретации посвящен цикл статей Е.Ф. Фурсовой [6; 7; 8; 9]. Особенности орнамента на полотенцах русских крестьянок Алтая уделено существенное внимание в работе Н.С. Грибановой [10]. Этнографические материалы, относящиеся к группе уймонских старообрядцев, проживающих на территории Горного Алтая, Л.М. Русаковой [5] и Н.С. Грибановой [10] включены в общий массив рассматриваемых данных по Западной Сибири, в том числе по Алтаю. Ранее мы уже обращались к тем женским рукоделиям, акцентируя внимание на их разнообразии, различных техниках исполнения, особенностях бытования и символическом значении в интерпретации информантов [11, 12].

В настоящее время отсутствует специальное исследование орнаментальных рядов, представленных в женских рукодельях русских Горного Алтая, данная работа является попыткой обзорного исследования этого явления. Мы поставили перед собой задачу – охарактеризовать разнообразие орнамента, который представлен геометрическими, растительными, орнитоморфными и антропоморфными мотивами. Результаты исследования позволят выявить состояние бытования традиции на протяжении XX в. и перейти к рассмотрению механизмов и стратегий сохранения и актуализации традиционных орнаментальных мотивов женских рукоделий в дальнейших исследованиях.

Источником для работы послужили образцы, хранящиеся в музейных фондах и полевые материалы ав-

тора (1998–2018 гг.), собранные в Усть-Коксинском, Усть-Канском, Шебалинском, Майминском, Турочакском, Чойском районах Республики Алтай. Русские женские рукоделия в наших материалах представлены экземплярами конца XIX – начала XX в., а также предметами, изготовленными во второй половине XX в. В настоящей работе в основном рассматривается орнаментация полотенец, в качестве дополнительного материала привлекаются сведения об особенностях украшения предметов одежды и убранства дома (подзоры, скатерти, салфетки, вышивки). При этом можно констатировать неравномерное и недостаточное количество вещественных источников, утрату локальных образцов материальной культуры. Большинство сохранившихся региональных предметов рукоделия относится к территории Усть-Коксинского района Республики Алтай, для которого характерно длительное и непрерывное бытование старообрядческих традиций, сознательное бережное отношение к предметам старины местных жителей, а также целенаправленный интерес собирателей музейных фондов к работе в данном районе. В других районах республики у информантов образцы традиционных рукоделий фиксируются редко, немногочисленные экземпляры хранятся в фондах школьных музеев и сельских библиотек; они собраны неравнодушными к истории своих сел активистами.

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ОРНАМЕНТ

Геометрический орнамент широко представлен в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. Здесь господствуют ромбические и свастические мотивы, выполненные в технике браного ткачества на поясах, тканых фрагментах для украшения полотенец, а также на прошвах, галунцах, предназначенных для украшения полотенец, в технике «набор» – на цветном, чаще красном или черном фоне. Геометрический орнамент присутствует и в оформлении вязаных крючком концов полотенец. В отличие от прошв, здесь он встречается как отдельно, так и в комплексе с другими мотивами – растительными или орнитоморфными. Такие изделия все еще продолжают хранить как память об ушедшем поколении. Местные жительницы рассказывают, что значительная часть красивых рукоделий привезена в Уймонскую долину невестами-бухтарминками.

Если Е. Э. Бломквист в первой трети XX в. наблюдала господство свастики в орнаменте бухтарминцев [13, с. 421], то у уймонцев, по нашим наблюдениям, свастика встречается все же реже, чем ромбические мотивы. Нами не замечена какая-то особая интерпретация этих узоров местными жителями. Они воспринимаются, скорее, в контексте символического значения предмета (пояс, полотенце), на котором присутствует орнамент, как бы равнозначно с ромбическим орнаментом; преобладает эстетическое восприятие узоров.

Геометрические мотивы, вышитые крестом, на полотенцах уймонцев встречаются нечасто. Необы-

чен меандровый орнамент на полотенце, хранящемся в школьном музее с. Катанды. Здесь два направленных друг к другу крупных мотива разделены крестом (двумя треугольниками). Нижний ярус украшен геометрическим орнаментом в виде креста, выполненным крючком. Меандровый орнамент имеется и на поясах уймонцев.

Геометрические мотивы, выполненные в технике тамбурного шва, в Уймонской долине можно увидеть на цветных прошивах в комплексе с геометрическим орнаментом, чаще он выполнен нижним ярусом или отдельно. Нередко это волнообразный орнамент, состоящий из круговых спиралевидных изображений.

Геометрический орнамент присутствует и в других районах Республики Алтай. Выполнен он в технике браного ткачества, счетной гладью, крестом, крючком на полотенцах различного назначения. Например, аналогичен уймонскому тканый орнамент, состоящий из крестов и ромбов, выполненный на полотенце, хранящемся в библиотеке с. Усть-Кумир Усть-Канского района. В отличие от уймонских, это полотенце имеет два яруса орнаментации, при этом нижний образован ромбом, связанным крючком.

Простейшие варианты геометрического узора представлены рядами чередующихся клеток или полосок, выполненных в красно-белых тонах (библиотека с. Ильинка, Советская сельская библиотека-музей русского быта в с. Советское), несложной вышивкой ромбов на полотенцах, украшенных вышивкой на основном полотне (школьный музей в с. Манжерок). Геометрические мотивы, вышитые счетной гладью, представлены в Майминском (школьный музей в с. Союзга) и Чойском (Советская сельская библиотека-музей русского быта) районах. Орнамент, выполненный такой техникой, имеется и на полотенце из школьного музея в с. Катанда, он отмечен в комплексе с изображением фантастических зверей (барсов?) на кружеве, связанном крючком.

В настоящее время традиционные геометрические мотивы украшают рукоделия мастериц, произво-

дящих сувенирную продукцию (такое производство наиболее развито в с. Мульта Усть-Коксинского района). Традиционные мотивы воспроизводятся на поясах, подушках-думочках, тканых шарфах, вязанных изделиях.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ ОРНАМЕНТ

Растительные узоры преобладают во всех районах рассматриваемого региона как на полотенцах, так и на сохранившихся предметах традиционной одежды конца XIX – начала XX в. Цветочный орнамент господствует на рукоделиях для украшения дома (таких как занавески, подзоры, скатерти, салфетки), выполненных во второй половине XX в. в различных техниках.

На просмотренных нами образцах преобладают мотивы виноградной лозы и роз, встречаются изображения вазонов, рога изобилия, цветочных розеток, васильков, маков, колокольчиков и обобщенных форм цветка. В основном все эти мотивы выполнены вышивкой крестом и двойным крестом, реже гладью, также вывязаны крючком.

У уймонских старообрядцев мотив виноградной лозы с натуралистичными листьями и плодами встречается в орнаментации мужской праздничной рубахи (нижняя часть рукава) (Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина). Особенно красиво уймонское полотенце, на котором виноградная лоза присутствует в комплексе с изображением райской птицы, жар-птицы (Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина). В украшении изделия мотив лозы повторяется еще дважды: в полосе неширокого кружева и вышитых, размещенных на извивающейся лозе цветах. Такое сочетание мотивов представляется нам выражением идеи рая, с отчетливо выраженной христианской символикой.

Орнитоморфные изображения в комплексе с виноградной лозой встречаются в позднем варианте в Чойском районе, они вышиты двойным (болгарским) крестом на вафельном полотенце (школьный музей в с. Чоя). Это голубь и голубка (одна птица отчетливо больше другой), сидящие на виноградной лозе и обращенные друг к другу. Здесь уже очевиден свадебный контекст изображения.

Полотенца с мотивом виноградной лозы хранятся в школьном музее с. Манжерок, в Советской сельской библиотеке-музее русского быта (рис.1). Встречается узор и на подзорах (школьный музей с. Союзга). Не менее популярны

Рис. 1. Полотенце, конец XIX – начало XX в. Советская сельская библиотека-музей русского быта. Фото автора.

Fig. 1. Towel, late XIX – early XX century. Soviet rural library-museum of russian life. Photo made by the author.

розы, выполненные более универсально на женских рукоделиях. Они встречаются в оформлении праздничной мужской рубахи уймонских старообрядцев (Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина), а также на их полотенцах. Видимо, популярен был узор, состоящий из орнаментального ряда роз и дополненный инициалами на концах полотенца. Такие полотенца хранятся и в школьных музеях с. Катанда и с. Манжерок.

Орнаментальные ряды роз, вышитые двойным крестом, а также в технике счетной глади, представлены на полотенцах, сохранившихся в с. Барагаш (ПМА, 2015) и с. Манжерок (школьный музей с. Манжерок), подзоров (школьный музей с. Союзга). Роза – любимый мотив, встречающийся на скатертях, салфетках и выполненный в разных техниках (филейная вышивка, вязание крючком), а также на вышитых коврах.

Цветы, напоминающие васильки, вышитые двойным крестом, имеются на полотенце, хранящемся в с. Коргон (в комплексе с орнитоморфным мотивом), на подзорах из с. Усть-Кумир (библиотека с. Усть-Кумир), с. Турочак (музей при Центре детского творчества). Техника счетной глади отмечена на полотенце, украшенном вышивкой на основном полотне из Чойского района (Советская сельская библиотека-музей русского быта).

Мотив рога изобилия как крупное единичное изображение на концах полотенца мы увидели в Шебалинском районе (библиотека с. Ильинка), в виде орнаментального ряда – в Майминском районе (школьный музей, с. Союзга). Этот мотив был любим женщинами, о чем свидетельствуют украшающие стены дома вышивки гладью, выполненные уже во второй половине XX в. (ПМА, 2015, с. Черга).

Популярными были изображения цветочных вазонов и цветочных розеток. Интересно, что полотенца, украшенные цветочными розетками с восьмью и четырьмя лепестками, наши собеседницы – старообрядки с. Верх-Уймон – характеризовали как настоящие уймонские, при этом рукоделия с более сложной в исполнении вышивкой они отнесли к бухтарминской традиции (ПМА, 2005, с. Верх-Уймон).

Вазоны присутствуют в украшении полотенцев как отдельными рядами, так и в комплексе с парными орнитоморфными мотивами. На просмотренных нами изделиях из Усть-Коксинского и Шебалинского районов мотивы цветочных вазонов выполнены в технике вязания крючком и весьма похожи.

Цветочные узоры очень разнообразны, можно распознать в вышивке полотенцев маки, фиалки, колокольчики, также встретить изображения цветов, которые невозможно соотнести с каким-либо конкретным цветом. Встречаются и растительные мотивы без цветов, представленные извивающимися веточками и листьями, также упрощенными или геометризованными. Растительные узоры выполнялись и в тамбурной технике, могли присутствовать на изделии как самостоятельно, так и в комплексе с орнитоморфными изображениями (например, полотенце, хранящееся в библиотеке

с. Ильинка). Следует упомянуть и единичные случаи изображения садовых растений, например, усеянных ягодами кустиков клубники (ПМА, с. Мульта).

ОРНИТОМОРФНЫЙ ОРНАМЕНТ

В Уймонской долине из изображений живых существ в женских рукоделиях преобладают орнитоморфные мотивы: образцы водоплавающих птиц, петухов, голубей. Как отмечала Л.М. Русакова, именно у уймонских старожилов были распространены в вышивке и кружеве сюжетные композиции с птицами [5, с. 93]. Об уймонском изображении жар-птиц в комплексе с виноградной лозой говорилось выше. В музейных фондах (Национальный музей Республики Алтай) сохранилось полотенце, украшенное орнаментальными рядами водоплавающих птиц: верхний вышитый ряд – вероятно, это утки, размещенные на растительной лозе; затем следует кружевная вставка с орнаментальным рядом лебедей, попарно обращенных друг к другу; далее полоса вышитого крестиком растительного орнамента и повторение орнаментального ряда уток, идентичное вышитому изображению птиц, но уже с использованием крючка.

В соседней с Уймонской Катандинской долине, население которой формировалось как из отселившихся старожилов-уймонцев, так и из переселенцев, сохранилось полотенце с изображением пав (в комплексе с вазоном). Эти катандинские мотивы перекликаются с образцами вышитых изделий из переселенческого Чойского района: характерное изображение птицы с распушенным хвостом присутствует в оформлении фартука (Советская сельская библиотека-музей русского быта). Птицы, которых трудно соотнести с каким-либо видом, с загнутым клювом (признак хищной птицы) и удлиненным хвостом представлены на полотенце из с. Барагаш (ПМА, 2014). Они восседают на цветочном вазоне и обращены друг к другу. Особенностью этого полотенца является разбавление традиционной черно-красной цветовой гаммы оранжевым цветом. На обоих концах полотенца вышиты одинаковые буквы (инициалы?), на концах изделия крючком выполнен орнаментальный ряд, состоящий из крестов.

Выше уже говорилось об изображении голубей в комплексе с виноградной лозой в переселенческом районе (с. Чоя). Парные изображения голубей (с сердечком посередине) вышиты двойным крестом и на свадебном полотенце старожилов (ПМА, 2005, с. Тихонькая). В районе исследования встречаются и единичные реалистичные изображения других птиц. Например, на полотенце, хранящемся в Советской сельской библиотеке-музее русского быта, представлен орнаментальный ряд легко узнаваемых ласточек.

Преобладают среди орнитоморфных мотивов изображения петухов: парные в комплексе с вазоном, вышитые в технике «счетная гладь» (школьный музей, с. Катанда), связанные крючком (ПМА, 2014, с. Барагаш), вышитые крестиком на вафельном полотенце (ПМА, 2015, с. Тюнгур). Кроме того, встречаются

орнаментальные ряды петухов, направленных в одну сторону, вывязанных крючком, в сопровождении орнаментального ряда из маленьких птичек, расположенных ниже на одном вязанном фрагменте (ПМА, 2014, с. Барагаш). Имеются также парные изображения петухов со схематичным изображением вазона (музей при Центре детского творчества в с. Турочак). Образ петуха является устойчивым, он продолжает бытовать на изделиях второй половины XX в. как в старожильческих, так и в переселенческих районах.

ЗООМОРФНЫЙ ОРНАМЕНТ

Как отмечала Л.М. Русакова, у уймонских старожилов наряду с орнитоморфными мотивами были распространены композиции с животными – конями, барсами, крылатыми львами [5, с. 93]. В школьном музее с. Катанда хранится полотенце с изображением неидентифицируемых фантастических зверей, издавна напоминающих барсов, но не имеющих их характерных признаков, на которые обычно обращают внимание исследователи (приподнятые хищные лапы, открытая пасть с высунутым языком). Изображения животных выполнены вышивкой счетной гладью, не характерной для уймонцев.

Зооморфный орнамент на сохранившихся женских рукоделиях в других районах Горного Алтая встречается на единичных образцах. Особый интерес представляет полотенце, хранящееся в школьном музее с. Барагаш (рис. 2). Основное полотно изделия выполнено в технике узорного ткачества, нижняя часть украшена геометрическими мотивами, вышитыми

счетной гладью серыми и красными нитями по белому фону. Изделие относится к концу XIX – началу XX в. На этом полотенце можно разглядеть парные, обращенные друг к другу изображения медведей, чередующиеся с парным изображением птиц в комплексе с вазоном. Медведей не разделяет изображение вазона (дерева), как во многих парных орнитоморфных и зооморфных композициях.

Данный «медвежий» орнамент представляется уникальным. Так, Е.Ф. Фурсова отмечает: «В Сибири... долгое время удерживались тотемистические по своему характеру верования, связанные с культом хозяина тайги – медведя... Однако в изобразительном искусстве его образ нами не отмечен ни в женских рукоделиях, ни в резьбе по дереву» [8, с. 105]. Очевидно, что значение такого животного, как медведь, все же было отражено в вышивке русских на Алтае. В птицах, изображенных на полотенце рядом с медведями, трудно рассмотреть черты домашней птицы (водоплавающей, петуха или индюка). Может быть, вышивальщица изобразила мир лесных обитателей?

Из диких животных в орнаментации женских рукоделий встречается белка. Орнаментальным рядом с изображением белочек, грызущих орешек, между которыми схематично изображены маленькие деревья, украшено полотенце, хранящееся в библиотеке с. Усть-Кумир. Белки встречаются и в поздней композиции, выполненной старообрядкой с. Верх-Уймон на полотенце из вафельной ткани, украшенном вязанным с помощью крючка кружевом с геометрическим орнаментом (ПМА, 2007, с. Верх-Уймон). На каждом конце полотенца, симметрично относительно друг друга, вышито по одной белочке, сидящей на цветочной лозе, как бы переходящей в дерево (зеленый стебель, увитый зелеными же цветами, переходит в черный ствол). Вышивка выполнена двойным крестом зелеными, красными и черными нитками (белочки – красные, орешки – зеленые). Возможно, вышивальщицы изобразили сцену из жизни природы, или же такой мотив связан с хозяйственным значением животного, поскольку промысел белки был распространен в рассматриваемых местах.

Интересно, что хозяйственное значение животных, характерное для изучаемой местности, проявляется в зооморфном орнаменте и во второй половине XX в. Особое внимание привлекает занавеска с орнаментальным рядом реалистично выполненных маралов, хранящаяся в библиотеке с. Усть-Кумир Усть-Канского района (рис. 3). Неизвестно, вышивали ли маралов в этих местах в начале XX в., но во второй половине XX в. это животное привлекло внимание мастерицы не случайно. Как свидетельствуют наши полевые материалы, в вер-

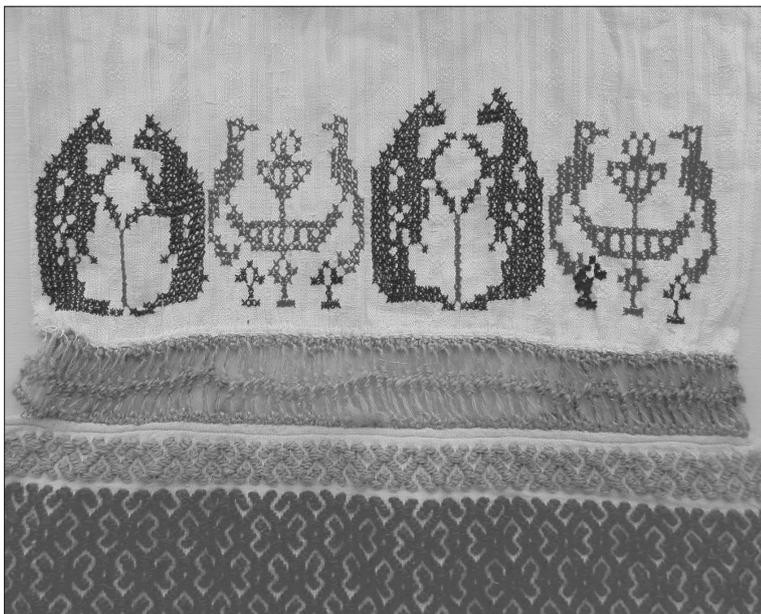

Рис. 2. Полотенце, конец XIX – начало XX в. Школьный музей, с. Барагаш. Фото автора.

Fig. 2. Towel, late XIX – early XX century. School Museum, Baragash village. Photo made by the author.

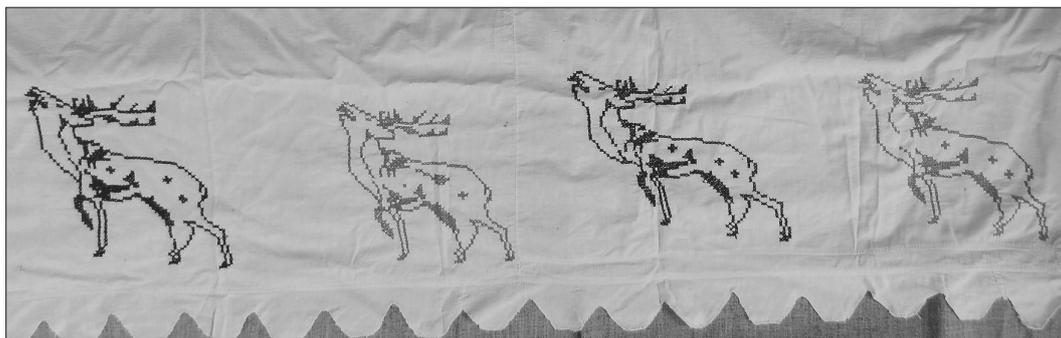

Рис. 3. Фрагмент занавески. Вторая половина XX в. Библиотека с. Усть-Кумир. Фото автора.

Fig. 3. Fragment of the curtain. The second half of the twentieth century. Library of Ust-Kumir village. Photo made by the author.

ховьях Чарыша было развито мараловодство в дореволюционный период. В советское время на территории района был организован маралосовхоз «Талицкий» (с. Талица расположено недалеко от с. Усть-Кумир).

АНТРОПОМОРФНЫЙ ОРНАМЕНТ

Антропоморфный орнамент присутствует на единично сохранившихся экземплярах полотенец. В Уймонской долине нам встретилось полотенце, украшенное орнаментальным рядом из трех женских фигур (ПМА, 1998). У центральной фигуры – руки на талии, у боковых – подняты вверх, в руках женщин – цветы. К боковым фигурам обращено по паре небольших животных, отдаленно напоминающих собак. Конец полотенца украшен изображением свастики. Полотенце привезено в с. Верх-Уймон невестой–бухтарминкой из с. Язовое. Похожий орнамент встречается на одежде бухтарминских старообрядков, опубликован в работе Г.А. Щербик [14, с. 221–222].

В с. Барагаш сохранилось полотенце (ПМА, 2014), на связанной крючком кружевной вставке которого представлен орнаментальный ряд мужских фигур, разделенных небольшими ромбами. В верхней части полотенца – флористический орнамент, в котором внутренняя часть цветка чем-то напоминает маленькую женскую фигурку с поднятыми вверх руками-лепестками. Концы полотенца украшены кружевом с изображением вазонов.

В экспозиции Советской сельской библиотеки-музея русского быта из основной массы рукоделий необычностью орнамента выделяются два изделия, подаренные музеем воронежскими переселенцами второй половины XX в. В технике монохромной тамбурной вышивки на одном из них представлена композиция из трех женских фигур. Центральная – наиболее крупная, с поднятыми кверху руками, держащими маленьких птичек; боковые фигуры чуть поменьше, их руки опущены вниз, на головах можно разглядеть кокошники. На другом изделии концы полотенца украшены орнаментальным рядом, состоящим из чередующихся более крупных и размерами поменьше женских изображений. Руки фигурок расположены на талии. Это

изображение соседствует с размещенной на более высоком ярусе кумачовой вставкой, где разноцветными нитями в технике тамбур вышита фигура, называемая в литературе «лягушкой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно говорить о том, что на территории Горного Алтая в рукоделиях русских крестьянок встречаются самые разнообразные геометрические, растительные, орнитоморфные, зооморфные, антропоморфные мотивы. В их орнаментах можно проследить как особенности культуры локальных групп русских региона, так и общераспространенные и универсальные мотивы.

Некоторыми специфическими чертами на общем фоне выделяются рукоделья уймонских старообрядков. Видимо, свои особенности орнаментации бытовали и в селах так называемого Песчаного куста (с. Барагаш, Ильинка, Мариинка). К сожалению, их трудно конкретизировать из-за небольшого количества сохранившихся рукоделий. Но среди них зафиксирован не встречавшийся ранее мотив медведя в вышивке русских сибиряков.

В результате систематизации и анализа орнаментальных рядов, выполненных на женских рукоделиях, можно выявить как утратившие значение, так и устойчивые на протяжении XX в. орнаментальные мотивы. Бытовавшие в конце XIX – начале XX в. традиционные антропоморфные изображения не прослеживаются в рукоделиях второй половины XX в., также уходят в прошлое разнообразные изображения фантастических зверей, райских птиц. При этом во второй половине XX в. продолжают активно использоваться геометрические мотивы (кресты, ромбы), мотивы виноградной лозы, розы, цветочные розетки, изображения петухов и голубей. В разновременных зооморфных композициях отражены локальные особенности хозяйственной деятельности населения, его восприятие окружающей природы. Определение стратегий сохранения и механизмов актуализации выявленных выше особенностей является задачей дальнейших исследований.

Работа выполнена в рамках программы НИР XII.186.3. Традиционное мировоззрение народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений, проект № 0329-2018-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майничева А.Ю. Стратегии сохранения и актуализация символических систем в архитектуре и культурном наследии народов Сибири в XVII–XXI вв.: к постановке проблемы // Баландинские чтения. Новосибирск, 2017. Т. XII. С. 88–91.
2. Mainicheva A.Y. The Topography of Ritual Buildings in Villages of the Tobolsk Governorate (Late 19th to Early – 20th Century) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 47 (4). 2019. P. 112 – 119.
3. Русакова Л.М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских в Сибири XVIII – XX в. Новосибирск, 1985. С. 121–138.
4. Русакова Л.М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 99–125.
5. Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. 175 с.
6. Fursova E.F. Traditions of ornamentation patterns employed in feminine handicrafts reflecting intercultural links in the Baraba and the Vasiugan basin // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 21 (1). 2005. P. 128–140.
7. Fursova E.F. Ornithomorphic Symbols in the Traditional Peasant Culture of the Ob Basin, Baraba and Kulunda Steppes, and the Altai (Late 19th – Early 20th Centuries) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 26 (2). 2006. P. 126 – 136.
8. Fursova E.F. Zoomorphic Images in Eastern Slavic Embroidery of Southwestern Siberia // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 36 (4). 2008. P. 95 – 106.
9. Fursova E.F. Western Siberian Folk Art: Northern Russian and Ural Traditions in Distaff Decoration // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2012. 40 (3). P. 103 – 113.
10. Грибанова Н.С. Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX – начале XXI века. Барнаул, 2013. 256 с.
11. Штובה Н.И. Символика креста и молитвы в одежде уймонских старообрядцев // Изв. Алт. гос. ун-та. 2009. № 4–3 (64). С. 271–274.
12. Штובה Н.И. Традиционные женские рукоделия русского населения Горного Алтая во второй половине XX – начале XXI века // Культурное наследие Сибири. 2014. № 2. URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=30> (дата обращения 19.02.2020).
13. Бломквист Е.Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 397–432.
14. Щербик Г.А. Коллекция крестьянской одежды в фондах ВКОМ // Историко-бытовые процессы у русских Сибири. Новосибирск, 1985. С. 217–234.

REFERENCES

1. Mainicheva A.Y. Strategies for preserving and updating symbolic and sign systems in the architecture and cultural heritage of Siberian peoples in the XVII–XXI centuries: to the problem statement. *Balandinskije chteniya*. Novosibirsk, 2017, vol. 12, pp. 88–91. (In Russ.)
2. Mainicheva A.Y. The topography of ritual buildings in villages of the Tobolsk Governorate (late 19th to early 20th century). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, no. 4, pp. 112–119.
3. Rusakova L.M. Archaic rhombus motives with hooks in patterns of towels of Siberian peasants. *Kul'turno-bytovye protsessy u russkikh v Sibiri XVIII–XX v.* Novosibirsk, 1985, pp. 121–138. (In Russ.)
4. Rusakova L.M. The world image in geometric ornament on towels of Russian peasants of Altai. *Traditsionnye obryady i iskusstvo russkogo i korennykh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 1983, pp. 99–125. (In Russ.)
5. Rusakova L.M. Traditional fine art of Russian peasants in Siberia. Novosibirsk, 1989, 175 p. (In Russ.)
6. Fursova E.F. Traditions of ornamentation patterns employed in feminine handicrafts reflecting intercultural links in the Baraba and Vasyugan Basin. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2005, vol. 21, no. 1, pp. 128–140.
7. Fursova E.F. Ornithomorphic symbols in the traditional peasant culture of the Ob Basin, Baraba and Kulunda Steppes, and the Altai (late 19th – early 20th centuries). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2006, vol. 26, no. 2, pp. 126–136.
8. Fursova E.F. Zoomorphic images in Eastern Slavic embroidery of Southwestern Siberia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2008, vol. 36, no. 4, pp. 95–106.
9. Fursova E.F. Western Siberian folk art: Northern Russian and Ural traditions in distaff decoration. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2012, vol. 40, no. 3, pp. 103–113.
10. Gribanova N.S. A towel in the culture of Russian rural population of Altai in the late XIX – early XXI centuries. Barnaul, 2013, 256 p. (In Russ.)
11. Shitova N.I. Symbolism of the cross and prayer in the clothes of Uimon old believers. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 4/3, pp. 271–274. (In Russ.)
12. Shitova N.I. Traditional women's needlework of the Russian population of the Altai Mountains in the second half of the XX – early XXI centuries. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*, 2014, no. 2. URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=39> (accessed 19.02.2020). (In Russ.)
13. Blomkvist E.E. The art of Bukhtarma Old Believers. *Bukhtarma Old Believers*. Leningrad, 1930, pp. 397–432. (In Russ.)
14. Shcherbik G.A. Peasant clothes collection in VKOM funds. *Istoriko-bytovye protsessy u russkikh Sibiri*. Novosibirsk, 1985, pp. 217–234. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.02.2020

Дата рецензирования 26.02.2020

Статья принята к публикации 09.04.2020

DOI: 10.15372/HSS20200205
УДК 39.34(=512.3)

А.А. БАДМАЕВ

ОБРАЗ И СИМВОЛИКА КОНЯ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ И ОБРЯДНОСТИ БУРЯТ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

Статья посвящена выявлению и анализу традиционного комплекса представлений бурят о коне. Базируясь на этнографических, лингвистических и фольклорных материалах, автор посредством структурно-семиотического метода впервые рассматривает символы, связанные с воззрениями бурят о коне, делает вывод о том, что образ коня был полисемантичен и имел амбивалентность коннотации. В мифологических представлениях бурят подчеркивалась связь данного животного с огненной и солярной стихией. Конь выполнял функции проводника воли мифических персонажей и посредника между мирами. Показано значение символики окраса коня. Кроме того, животное ассоциировалось с мужской фертильностью. Некоторые морфологические признаки коня наделяли магическими свойствами. Отмечено, что в шаманских обрядах и фольклоре с образом коня связывали идею оборотничества шамана, а также обряды жертвоприношения и посвящения.

Ключевые слова: этнография, конь, буряты, традиционное мировоззрение, фольклор, обрядность, шаманизм, буддизм.

A.A. BADMAEV

THE IMAGE AND SYMBOLISM OF THE HORSE IN THE MYTHOLOGICAL VIEWS AND RITUALS OF THE BURYATS

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The work is devoted to identification and analysis of the set of the Buryat traditional representations of the horse. The research source base is made up of literary sources containing ethnographic, linguistic and folklore data. The paper uses a structural-semiotic method that identifies symbols associated with a horse.

The study allows us to state that the horse image was ambiguous and characterized by an ambivalence of a connotation in the Buryat traditional worldview. The horse was a revered animal, a totem of a Buryat ethnic division. The Buryat mythological representations attributed to it some human qualities, in addition, they contain the motif of a horse's soul relationship with a human one.

The Buryat traditional worldview characterizes this animal with a multi-valued symbolism. It bears an aerial, more widely celestial symbolism, which, in particular, determines ornithomorphic features of its image. Horse ornitho-morphosity was reflected by existence of images of horse-bird, Khulan horse and shaman's eight-legged horse Zagalmaj in the Buryat folklore. Fire and solar symbols are associated with this animal. It was revealed that the horse served as a conductor of the supreme beings' will and mediator between the worlds, as well as a visionary function in Buryat folklore and ritual. The author determines that the Buryats attached special importance to the horse color symbolism: it was believed that the color reflects the animal's belonging to the Upper or Lower world in their shamanic poetics. Finally, the horse was a sign of male fertility in Buryat representations.

The research reveals that some horse morphological features (head, mane, tail, urine) have supernatural properties in the Buryats' mind. In the Buryat folklore, a horse was likened to a bear and a jerboa, and compared with a squirrel. In shamanic rites and poetics, this animal is associated with the idea of the shaman's shapeshifting, and the sacrifice and initiation topic. The study shows that the horse image reflected in the Buryat mythological views and rituals is related to the Eurasian peoples' cultures.

Key words: ethnography, horse, Buryats, traditional worldview, folklore, ritual, shamanism, Buddhism.

Бадмаев Андрей Андреевич – д-р ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: badmaeva@ngs.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Badmaev Andrew A. – Doctor of History, Senior Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Конь относится к распространенным персонажам в мифологии многих евразийских народов. Изображения этого животного, являвшегося важнейшим объектом охоты первобытных людей, впервые зафиксированы в пещерной живописи, датированной палеолитическим временем. В Юго-Восточной Сибири domestикация лошади произошла, судя по археологическим данным, во II тыс. до н.э.: в частности, в культурном слое энеолита–бронзы на поселении Харга I были найдены кости лошади [1, с. 94]. В дальнейшем население региона занималось разведением этого крупного копытного животного, и его значение в хозяйстве и культуре трудно переоценить. В эпоху поздней бронзы у носителей культуры плиточных могил зарождается традиция укладывания в могильную яму конской головы со шкурой и копытами [1, с. 109]. Данный факт свидетельствует об особой роли лошади в погребальной обрядности и мифологических воззрениях представителей культуры «плиточников».

В традиционном мировоззрении и обрядности бурят образ лошади был многозначным и связывался с представлениями о космосе и природных явлениях, а также с тотемизмом, магическими практиками и т.д. Данная тема привлекала внимание бурятских ученых (К.В. Вяткиной, Г.Р. Галдановой, Л.С. Дампиловой и др.), но все еще не получила должного освещения. Настоящее исследование имеет целью выделить и проанализировать комплекс традиционных представлений бурят о коне.

Работа опирается на литературные источники, содержащие этнографические, лингвистические и фольклорные сведения. Среди них важное место занимают этнографо-фольклорные материалы, собранные М.Н. Хангаловым, Я.С. Смолевым, Ц.Ж. Жамцарано, Ш.Л. Базаровым, С.П. Балдаевым, Т.А. Бертагаевым, Н.С. Болдоновым, Г.Р. Галдановой, Н.О. Шаракшиновой. Главным лингвистическим источником послужил двухтомный словарь «Буряад-ород толи», содержащий терминологию, связанную с конем, а также фразеологизмы, где упомянуто это животное.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЯ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Конь входил в состав домашнего стада бурят, включавшего, кроме того, такие традиционные виды животных, как крупный рогатый скот, овцы, козы и верблюды. Отношение бурят к нему варьировало в зависимости от их религиозных воззрений: с позиции православного христианства он считался нечистым животным; в шаманизме и буддизме конь наделяется сакральной природой (свидетельством этого, в частности, является один из буддийских атрибутов – *хиш морин* ‘воздушный конь’, имеющий вид флажка с нанесенными на него текстом молитвы и рисунком коня).

Наличие ездового коня являлось показателем благополучия взрослого мужчины, а отсутствие – призна-

ком его бедности. Заметим, что состоятельные буряты обладали целыми косяками и табунами коней (при этом они старались заводить коней одной масти), которые составляли предмет их гордости.

В жизни буряты-скотовода конь играл важную роль: прежде всего как верховое и вьючное животное (верхом на нем пасли домашний скот, отправлялись в дальние поездки, на охоту, участвовали в скачках); конские шкура, кожа и волосы использовались при изготовлении различных предметов быта и элементов народного костюма. Наряду с овцой конь относился к домашним животным («горячим дыханием»), мясо которых у бурят-шаманистов особенно ценилось (варенные конское мясо, внутренности и кровь – это блюда, которые входили в обрядовые, праздничные и свадебные трапезы). Между тем у бурят, являвшихся адептами буддизма и православия, действовал пищевой запрет на конину. Кобылье молоко, продукт его закваски – кумыс, были весьма распространенными напитками. В лексике бурят нашла отражение их любовь к *далан* ‘шейному жиру коня’, которому посвящается следующая загадка: «За дуплом масло» [2, с. 26]. Значение лошади для бурят заключено в выражении *морин эрдэни* ‘конь-сокровище’.

Буряты выделяли такие черты коня, как спокойный нрав, выносливость, неприхотливость к питанию и уходу. Лексический материал показывает, что особенно ценился быстрый бег коня, интересно, что это нашло выражение в отождествлении данного качества с действием на сознание человека крепкого алкогольного напитка: *хурдан хара* ‘букв. быстрый вороной, водка’ [3, с. 103]. Подвижность данного животного подчеркивается в загадках о языке и зубах: *Хун хун хурээлээд хурэн зээрдэ жорооло* ‘В кругу толпы бежит бурый, чубарый иноходец’ [4, с. 124, 125]; «Саврасая кобыла в березовом дворе» [2, с. 26]. Конь, который перевозил тяжелый груз на дальние расстояния, в глазах бурят олицетворял силу, неслучайно его сравнивали с домом: *Эндэгэр морин, дэрэн дабхар тохолтой* ‘Огромный конь, а на нем в 90 рядов сложен потник’ (*барат гэр* ‘юрта, покрытая корой’) [5, с. 133]. Но под лошадиной силой подразумевалась и физическая мощь человека, способного поднять на плечи лошадь [6, с. 248]. Наиболее точно ассоциацию коня с физической силой передает бурятское название жеребца – *азарга* ‘большой, мощный’.

В бурятской лексике существуют родовые названия домашней лошади: *морин* ‘лошадь, конь’; *адуун* ‘табун, косяк, стадо (лошадей), лошади, кони’. Заметим, что собирательным названием сельскохозяйственных животных у бурят является выражение: *адуу мал / адууна мал* ‘скот’ [7, с. 39] (где *мал* – это ‘рогатый скот’). У традиционных коневодов – бурят сформировалась терминология, связанная с лошадейю: *ардаг морин* ‘необъезженный конь’; *уулэртэ морин* ‘породистая лошадь’; *агта морин, заһаһан морин* ‘мерин’; *гуйгоошо морин* ‘бегунец’; *жороо морин* ‘иноходец’, *дагадха морин* ‘кляча’ [7, с. 249, 558] и т.д. Отдельную номинацию имела верховая лошадь – *хулэг* ‘армак,

рысак»; в зависимости от особенности шага и функционального назначения выделяли: *дайша хулэг* ‘боевой конь’; *хатарша хулэг* ‘рысак’; *хулэг жороо* ‘быстрый иноходец’ [8, с. 489].

Значимость лошади в культуре бурят нашла отражение в номинациях исчисления времени. Так, в лунном календаре бурят-буддистов, представляющем двенадцатилетний животный цикл, имеется *морин жэл* ‘год лошади’, в календарном году – пятый по счету *морин хара* ‘месяц лошади’, а в суточном цикле – *морин саг* ‘час лошади’ (соответствующий восьми-девятой часам утра). Во внутреннем пространстве бурятской юрты, рассматриваемом как своеобразные солнечные часы, маркировали сегмент под знаком лошади, указывающий на одноименное время суток.

В прошлом у бурят были распространены мужские имена, обозначающие возраст лошади: *Адуун*; *Азарга* ‘жеребец’; *Дааган* ‘жеребенок до трех лет’; *Унаган* ‘жеребенок до года’; *Морин* [9, с. 79]. Они входят в категорию «обманных» имен, якобы защищавших мальчика от воздействия нечистой силы.

ОБРАЗ КОНЯ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЯХ И ОБРЯДАХ БУРЯТ

Исключительное место данного животного в жизни бурят нашло отражение в их мифологии, в том числе в генеалогических преданиях. Так, тотемом одного из малых племен предбайкальских бурят – шаранутов – являлся соловый жеребец. Согласно легенде, «одна девушка родила сына. Стыдясь отца и матери, она привязала его к хвосту солового жеребца и отпустила» [10, с. 89]. Согласно другим воззрениям рождение их предка произошло чудесным образом: из мочи жеребца или же – от непристойного движения его губ [11, с. 73]. Последнее суждение исследователи связывают с универсальной мифологической концепцией рождения человека по Божьей воле [11, с. 101].

На особое место коня среди домашних животных (согласно народным представлениям) указывает, в частности, тот факт, что царем всех домашних животных считался *Алаг даган* ‘Пегий лончак’, будто бы пасущийся на горе *Сэмбэр уула* (бурятском аналоге Мирового древа – мифического центра мира) [12, с. 17].

В мировоззрении бурят коню как никакому другому домашнему животному придавались человеческие черты – сознание, верность, любовь, жертвенность и др. Это отражено, например, в сказке «Младшая ханша и ее златогрудый сын», героиня которой получает согласие коня служить ей:

Ну, так который из вас будет моим конем? – спрашивает она.
Подходит к ней плохонький лончак.
– Я буду [твоим конем], – говорит

[13, с. 85].

Закрепление отношений между человеком и конем в форме устного договора, как показано в сюжете

народного произведения, отражает значимость данного животного для бурят. В сказаниях нарочито подчеркивается зависимость людей от этого ездового животного, особенно в минуты опасности:

Хилэндэй Мэргэн-хан заходит к себе домой, выносит оттуда хадак длиною в три сажени:
– прекрасный мой аргамак, спаси жизнь лучшего своего хозяина, – так просит, встав [на колени]

[14, с. 33].

В фольклоре бурят конь предстает как добрый советчик и верный друг, готовый принести в жертву свою жизнь. В сказке «Сирота-парень, сын Хулдая, и его саврасый конь» он своими животворящими слезами воскрешает героя [13, с. 105].

Как полагали, сверхъестественная связь коня с его хозяином не прерывалась и после смерти: об этом свидетельствует шаманский обряд заклания на могиле умершего его любимого коня, который, как верили, будет транспортным средством для умершего на пути в Нижний мир и послужит ему в посмертном существовании. Такую лошадь *хойлго*, на которой отвозили умершего на место погребения, со временем буряты перестали забивать, а стали использовать для тяжелых работ, при этом соблюдалось табу езды на ней на коллективные торжества и обряды жертвоприношения. В канве этих воззрений лежит традиционное представление о том, что смерть коня предвосхищает уход из жизни его владельца: «А когда умирает жеребец или лучший конь в табуне – это значит, по бурятскому убеждению, что грозит опасность (смерть) главным членам семьи» [15, с. 154]. Вероятно, такое убеждение восходит к архаичному представлению о магической связи души человека с душой определенного животного, гибель которого якобы сказывается на судьбе его хозяина.

Существовали предубеждения и относительно акта рождения. Когда у кобылы на свет появлялись сразу двое жеребят, считали: «... быть несчастью; надо двор прибавить» [16, с. 28]. Такое же отношение было и в случае рождения у коровы пары телят. Один из новорожденных жеребят (или телят) признавался нечистым существом. По традиции такого детеныша крупного домашнего животного убивали, дабы не навлечь беду на семью и домашнее стадо.

В фольклоре бурят лошадь связывается с воздушной стихией. Так, в сказке «Девушка и говорящий бархатисто-черный конь» данное животное ассоциируется с вихрем: «Она зажмурилась и не могла понять, то ли по Верхнему миру, то ли по Нижнему, то ли над морем [вихрем] мчится, проносится конь» [13, с. 63]. Об его ветряной природе можно судить из отрывка другой сказки:

Привязал коня головой к ветру северному –
Конь стал легким, готовым полететь,
Лишь поводок узды удерживает от полета.
Привязал коня на ветер-верховик,
Конь стал еще легче, чуть не улетел

[17, с. 95].

А в эпическом произведении «Хэедэр мэргэн» конь сравнивается с поднимающимся облаком:

Затем,
Величиной с гору
Золотисто-рыжего коня заставляет
Летать, парить,
Желтым облаком поднимаются вверх,
К открытой звездной белой дыре неба
направляются

[18, с. 128].

Для бурятской мифологии характерен образ *дали-тан морин* 'крылатого коня' (в языке имеется другая номинация такого животного – *гуурхатай морин* 'пегас' (*гуурхан* 'ствол (птичьего пера)'). Согласно поверьям существовали особенные лошади, после смерти которых будто бы под шкурой находили подобие крыльев [19, с. 40]. Однако более распространен образ *хулан* – летучего коня. Так, в легенде, приводимой Я.С. Смолевым, есть упоминание о нем [16, с. 30]. Не исключено, что образ последнего мог сформироваться на основе рассказов о быстрых и почти неуловимых кулане и дикой лошади, обитавших в Забайкалье и Монголии (*хулан* 'кулан, дикая лошадь' [8, с. 464]). В определенной степени к нему близок образ восьминоного коня *загалмай* ('крест'), упоминаемого в бурятской шаманской поэзии. По народным воззрениям, стремительность бегу-полету такого мифического коня придает наличие у него множества ног. Вообще в его номинации заложено указание на особенную масть животного: *загалтай морин* 'конь с темными полосами на лопатках' [7, с. 371].

Воздушная, шире небесная, символика коня у бурят проявляется и в придании ему орнитоморфных черт:

Своего бескрылого коня
Крылатым сделал,
Когти отрастил коню

[17, с. 139].

Причем животное выступает в ипостаси коня-птицы, уподобляется хищной птице отряда соколиных (орла, ястреба, сокола и т.д.), как это видно из следующего фрагмента эпоса «Гэсэр»:

На равнине коня он [Гэсэр] содержит,
Чтобы придать ему соколиную стать,
На горе он коня содержит,
Чтобы придать ему орлиную стать,
Черной водой коня из чаши поит,
Чтобы придать ему ястребиный вид,
Горстью черной травы коня накормил,
Чтобы зверя любого злее он был

[20, с. 33].

Важно заметить, что орнитоморфность лошади представляет архаичный, универсальный мотив тождества коня и птицы, повторяющийся в культурах древних и современных народов. Так, образ коня-птицы распространен в мифологических воззрениях тюрков Сибири, в частности у алтайцев [21, с. 179].

Воззрения о принадлежности лошади к небесной сфере содержатся и в бурятских загадках, например: «Небесный сын железную серу жует» (Удила во рту лошади) [2, с. 30]; «Богатый табун лошадей имеет пастбище на северо-западе» (заход звезд) [2, с. 25].

В образе коня ясно читается и огненная символика. Скачущий конь в эпосе бурят предстает огнедышащим существом:

Поскакал он к хозяину домой.
Стиснув зубы, скачет конь.
Из белых сорока его зубов
Пламя пышет синее,
Из-под четырех его копыт
Сыплет искрами огонь

[17, с. 47].

Огненная природа коня подчеркивается, для примера, в загадке о степном пожаре: «Черный войлок оставляя, рыжая лошадь, настороживши уши, скачет» [2, с. 28].

В представлениях бурят конь является еще и солярным символом: он неотъемлемый спутник белых небожителей – *Хан Бургэд тэнгэри* 'Царь Орел небожитель', персонифицирующий Солнце, божество света Хурмас (Хормуста) и мифического покровителя грозы и молний *Сахилган сагаан тэнгэри* 'Молниевобелый тэнгри'. Показательно, что у Хурмаса конь «рыже-красный под цвет огня» [20, с. 33]. Следует указать, что, согласно общим индоевропейским представлениям, конь как солярный знак признавался атрибутом прежде всего небесных (солнечных) божеств [22, с. 52]. Для примера, у древних индийцев бог Солнца Сурья управлял колесницей, в которую были запряжены семь лошадей, представлявших дни недели; а Калки (последнее воплощение верховного индуистского бога Вишну) изображался едущим на белом коне [23, р. 153]. О солнечной природе лошади говорится и в бурятских загадках: *Газаа – агта морин, гэртэ – аргамжин узур* 'На дворе – конь ретивый, а в юрте – конец аркана' (солнце и его лучи) [24, с. 121].

Лошадь противопоставляли змее, имеющей хтоническое происхождение; данный сюжет широко распространен в культуре многих индоевропейских народов. Буряты полагали, что змея боится коня из-за его огненного начала [19, с. 40]. На основе подобных воззрений возник обычай окружения войлочной юрты конской волосяной веревкой: верили, что змея не может переползти через нее.

В бурятских эпических произведениях и сказках конь-птица выступает как транспортное средство для перемещения в Верхний и Нижний миры. В шаманской поэзии восьминогий конь также переносит своего наездника в разные миры. Все это свидетельствует о посреднической функции данного животного.

Кроме того, конь выступал проводником воли высшего существа. В этом плане показателен обряд *сэтэрлэх* 'посвящения домашнего животного'. Во время него производилось гадание на счастье и благополучие посредством специально отобранного крупного животного

(быка, коня) определенной масти. Такое предсказывание судьбы было направлено на выяснение воли мифического духа-хозяина: ожидали получить подтверждение его благосклонности локальному сообществу. Выяснялось это с помощью деревянной чашки, поставленной на крестец животного, которого водили (посолонь), пока эта посуда не опрокинется на землю. В зависимости от положения упавшей чашки узнавали волеизъявление божественного покровителя [25, с. 335].

С конем, точнее с жеребцом-производителем, связывается символика плодovitости. В народе прозвище *Азарга* обычно давали мужчинам, прославившимся своими амурными похождениями (ПМА). В ритуале данная символика присутствует в весеннем празднике резания конских грив и хвостов – *Адаһани дэлһэни зугаа*, проводившегося у бурят предбайкальских родов. В частности, во время этого праздника кастрировали молодых жеребцов, тестикулы которых варили в молоке и угощали ими мужчин; верили, что такая пища способна повысить их сексуальность.

В фольклоре бурят часты указания на провидческую функцию коня, который предвещает будущее. В мифологических представлениях бурят обращается внимание символика окраса лошади. В шаманской поэтике масть указывает на причастность коня к Верхнему или Нижнему миру: темные лошади принадлежат злым, восточным небожителям-тэнгриям и подчиненным им духам, а также служителям владыки Нижнего мира Эрлен хана, а светлые лошади – добрым, западным небожителям и ниже их стоящим мифическим персонажам. Такая дифференциация наиболее контрастно выглядит на примерах лошадей белой и черной масти. Согласно Г.Р. Галдановой, белые лошади у монгольских народов были связаны с солярным культом и имели небесную природу [19, с. 40]. А хозяином черных коней называли Ажарай-бухэ, мифического духа-хозяина верховья Лены и помощника Эрлен хана, что указывало на хтоническое происхождение таких лошадей. В призывании к нему говорится:

Сын быка, Ажарай Бухэ
Сын Хана тэнгри,
Великий творец Харалты,
Потомок отца Малана,
Матери Юрэн,
Черные звери (медведи) каралят,
Серые звери сторожат их, кони черноугольные.

[6, с. 197].

Упомянутая выше дифференциация неукоснительно соблюдалась при проведении различных шаманских обрядов («сэтэрлэх», моления на обоо и др.), в которых конь являлся жертвой или посвященным животным.

Лошадь, входившая в число животных, ассоциируемых с Верхним и/или Нижним мирами, была инкорпорирована в шаманские практики: так, имело место символическое ее воплощение в виде конской трости *һорьбо*. Этот атрибут представлял коня *загалмай*, на котором во время мистерий будто бы пу-

тешествовал шаман. Верили также, что шаман мог обернуться в могучего жеребца, чтобы вступить в мистическую схватку с другим шаманом. В эпических и сказочных произведениях бурят на лошадях ездят герои и демонические существа, но при этом не прослеживается прямой связи между окрасом коня и коннотацией его владельца.

Традиционной для бурят была бурятская лошадь гнедой, пегой, рыжей и саврасовой масти. Согласно шаманским призываниям, каждый бурятский род, наряду со знаменем из шкурок какого-нибудь дикого животного, имел лошадей определенной масти:

<i>Гушан гурбан Муруй</i>	Тридцать три Муруя,
<i>Муруйтантаһанай удхалһан удхан</i>	Происхождение Муруевское
<i>Сагаан туулай тугтан,</i>	Имеет знаменем белого зайца,
<i>Сагаан шарга моритон</i>	Владеет бело-соловой лошастью
<i>Шаралдайтанай удхалһан удхан</i>	По происхождению шаралдаевцы
<i>Боро соохор моритон,</i>	Владеют серо-пегими лошадьми.

[6, с. 28].

В сказочной прозе отдельные морфологические признаки лошади наделяются магическими свойствами: «По наказу коня четыре ноги [она] зарыла с заклинанием, чтобы они превратились в четыре сандаловых дерева. Голову зарыла посередине с заклинанием, чтобы из нее хрусталь образовался» [13, с. 77]. В приведенном отрывке интересен не только мотив посмертного превращения конских ног в деревья, но и указание на восприятие лошадиной головы как драгоценности – *эрдени*. Данная символика присутствует в обрядовых и свадебных трапезах бурят предбайкальских родов, а именно в традиции угощения наиболее уважаемого гостя (свата) отварной конской головой (особенным знаком уважения являлось потчевание головой очень редкой белой лошади). Традиция запрещала раскалывать конский череп, его нельзя было оставлять на земле, а следовало повесить на высокую жердь [19, с. 41].

Сакральностью обладала и лошадиная грива, якобы становящаяся убежищем для человеческой души, которая скрывается от нечистой силы: «Но укрыться душа может не только у богов, но и в некоторых определенных местах, например, ... в гриве посвященного коня» [26, с. 398]. Очевидно, такое представление возникло из веры бурят в то, что такой конь *сэтэр* находится под защитой своего мистического всадника и поэтому выступает как оберег.

Вероятно, у бурят было особое отношение и к конскому хвосту, что, кстати, было характерно и для средневековых монголов: символом ханской власти у них был бунчук с девятью хвостами лошадей одной масти. В связи с этим вспомним, что, по легенде, именно к хвосту был привязан мифический предок шаранутов. По шаманской традиции, на *бариса* 'место, где производится подношение духам-хозяевам' буряты приносили жертву, которой могли быть волосинки из гривы или хвоста лошади, привязываемые на ветки священного дерева, растущего на этой стоянке. Отметим, что в загадках хвост отмечается как важный морфологический

признак лошади: «Гордым шагом выступает, десять тысяч провожатых имеет» (конь и его хвост) [2, с. 32].

Сверхъестественные качества придавались конской моче: верили, что место, где лошадь помочилась, очищается от нечистой силы, и там можно ставить дом или хоронить покойника [19, с. 41].

В загадках буряты символически уподобляли некоторых диких животных, в частности медведя, черному коню:

<i>Атар харая</i>	Необъезженного черного коня
<i>унажа ядааб,</i>	Оседлать не смогу я,
<i>Алтан таиуураа</i>	Золотой мой кнут
<i>барижа ядааб</i>	Не в силах был удержать.

(медведь, змея).

Вероятно, это обусловлено тем, что, согласно шаманским воззрениям и черный конь, и черный медведь выполняют одну роль – перевозчика шамана в иные, запретные пространства.

В бурятских сказаниях встречается образ коня, доведенного до «состояния белки», что предполагало придание ездовому животному необходимой стройности и легкости: «Агуй Шагай морена (коня) ставит на навозную кучу и выдерживает до степени состояния белки» [10, с. 7]. Сравнение коня с белкой, вероятно, обусловлено восхищением ловкостью белки в преодолении естественных препятствий.

Лошадь отождествляется с еще одним диким животным – тушканчиком, которого буряты называли так же, как и мифического царя домашних животных, *алаг даган*. Очевидно, на это повлияли схожесть бега и, вероятно, окраса обоих животных. Особенности передвижения тушканчика передаются в такой загадке: «С севера пришедший, задом виляющий чиновник; на две ноги – иноходь чиновник» [2, с. 33].

ВЫВОДЫ

В мифологических воззрениях бурят образ коня является многозначным и характеризуется амбивалентностью коннотации. Он входил в число животных, связываемых с неземным миром и выполняющих функции посредника. Поэтому конь был инкорпорирован в шаманскую обрядность в качестве посвященного животного и жертвы, что нашло отражение в шаманской атрибутике. Образ коня, реконструированный в данном исследовании, находит параллели в культурах иных народов Евразии.

Работа выполнена в рамках программы НИР XII.186.3. «Традиционное мировоззрение народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений», проект № 0329-2018-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цыбиктаров А.Д.* Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. Вып. 3. 266 с.
2. *Базаров Ш.Л.* Двести загадок агинских бурят // Тр. КОПО-ИРГО. 1902. Т. 5, вып. 1. С. 22–34.

3. *Бертагаев Т.А.* Об устойчивых фразеологических выражениях (на материалах современного бурят-монгольского языка) // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 64–119.

4. *Болдонов Н.С.* Загадки бурят-монголов: Из старинного сборника Харбасарова // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 120–125.

5. Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка // Изв. ВСОИРГО. 1911. Т. 42. С. 111–136.

6. *Балдаев С.П.* Родословные предания и легенды бурят /отв. ред. А.И. Уланов. Изд. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2009. Ч. I. 376 с.

7. *Буряад-ород толи.* Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров: в 2 т. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. Т. I: А–Н. 636 с.

8. *Буряад-ород толи.* Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров: в 2 т. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. Т. II: О–Я. 708 с.

9. *Митрошкина А.Г.* Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

10. Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. Иркутск, 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.

11. *Дамтилова Л.С.* Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 248 с.

12. *Хангалов М.Н.* Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.

13. Бурятские волшебные сказки / сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. Новосибирск: Наука, 1993. 341 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 5).

14. Сказки бурят Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 122 с.

15. *Жамцарано Ц.Ж.* Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

16. *Смолев Я.С.* Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. 58 с.

17. *Шаракшинова Н.О.* Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 153 с.

18. Улигеры хори-бурят. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1988. 174 с.

19. *Галданова Г.Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.

20. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1986. Т. I. 288 с.

21. *Маадай-кара.* Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1979. 271 с.

22. *Альбедиль М.Ф.* Конь/лошадь в древнеиндийской мифологии и ритуале // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб.: Изд-во МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 51–64.

23. *Nanditha Krishna.* Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Books India, 2010. 274 p.

24. Сборник монголо-бурятской народной поэзии. СПб., 1911. Вып. 2. 65 с.

25. *Бадмаев А.А.* О шаманском обряде посвящения животных «сэтэрлэх» у закаменских хонгодоров (по материалам Байкальского этнографического отряда) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 334–336.

26. *Хангалов М.Н.* Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. Т. I. 551 с.

REFERENCES

1. *Tsybiktarov A.D.* Buryatia in ancient times. History (from ancient times to the XVII century). Iss. 3. Ulan-Ude, Izd-vo BГУ, 1999, 266 p. (In Russ.)
2. *Bazarov Sh.L.* Two hundred mysteries of Agin Buryats. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela*

- Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1902, vol. 5, iss. 1, pp. 22–34. (In Russ.)
3. *Bertagaev T.A.* Steady phraseological expressions (materials of the modern Buryat-Mongolian language). *Sbornik trudov po filologii*. Ulan-Ude, 1949, pp. 64–119. (In Buryat., Russ.)
4. *Boldonov N.S.* Mysteries of the Buryat-Mongols: From an old collection of Kharbasarov. Collection of works on philology. Ulan-Ude, Buryat-mongolian book Publ., 1949, pp. 120–125. (In Buryat., Russ.)
5. Materials to study the Buryat folk literature and language. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1911, vol. 42, pp. 111–136. (In Russ.)
6. *Baldaev S.P.* Buryat ancestral traditions and legends. Pt. 1. 2nd ed. Ulan-Ude, Izd-vo BGU, 2009, 376 p. (In Russ.)
7. *Cheremisov K.M., Shagdarov L.D.* (comps.) *Buryaad-oro*d toli. Buryat-Russian dictionary. Compilers K.M. Cheremisov, L.D. Shagdarov. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010, vol. I, 636 p. (in Buryat., Russ.)
8. *Cheremisov K.M., Shagdarov L.D.* (comps.) *Buryaad-oro*d toli. Buryat-Russian dictionary. Vol. 2. Ulan-Ude, Resp. tip., 2010, 708 p. (In Buryat., Russ.)
9. *Mitroshkina A.G.* Buryat anthroponymy. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (In Buryat., Russ.)
10. *Gomboev D.P.* Buryat legends recorded by different collectors. Irkutsk, 1890. 160 p. (Notes of VSOIRGO; vol. 1, iss. 2.) (In Russ.)
11. *Dampilova L.S.* Buryat shaman chants: symbolism and poetics. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2005, 248 p. (In Russ.)
12. *Khangelov M.N.* The collected works. Vol. 3. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 1960, 421 p. (In Russ.)
13. *Barannikova E.V., Bardakhanova S.S., Gungarov V.Sh.* (comps.) Buryat fairy tales. Novosibirsk, Nauka, 1993. 341 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 5) (In Buryat., Russ.)
14. *Tulokhonov M.I.* (ed.) Tales of Mongolian Buryats. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 1997, 122 p. (In Russ.)
15. *Zhamtsarano Ts.Zh.* Travel diaries of 1903–1907. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2001, 382 p. (In Russ.)
16. *Smolev Ya.S.* Three Tabangut genera of Selenghin Buryats: an ethnographic essay. Moscow, T-vo tip. A. I. Mamontova, 1900, 58 p. (In Russ.)
17. *Sharakshinova N. O.* Buryat uligers. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2000, 153 p. (In Buryat., Russ.)
18. *Dugar-Nimaev Ts.-A.* (ed.) Hori-Buryats uligers. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 1988, 174 p. (In Buryat., Russ.)
19. *Galdanova G.R.* Pre-lamaist beliefs of Buryats. Novosibirsk, Nauka, 1987, 115 p. (In Russ.)
20. Geser. Buryat national heroic epic. Vol. 1. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 1986, 288 p. (In Russ.)
21. *Maadai-kara.* Altai heroic epic. Gorno-Altaysk, Gorn.-Alt. otdnie Alt. kn. Izd-va, 1979, 271 p. (in Russ.)
22. *Al'bedil' M.F.* The horse in the ancient Indian mythology and ritual. *Bestiarii III. Zoomorfizmy v traditsionnom universume*. St-Petersburg, pp. 51–64. (in Russ.)
23. *Nanditha Krishna.* Sacred animals of India. New Delhi, Penguin Books, 2010, 274 p. (in English)
24. *Narnai A.* (ed.) Collection of Mongolian-Buryat folk poetry. Iss. 1. Saint Petersburg, 1910, 65 p. (in Russ.)
25. *Badmaev A.A.* On the shamanic rite of initiation of animals “seterlekh” in Zakamensk Khongodors (based on materials of the Baikal ethnographic group). *Problemy arkhologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy godovoy itogovoy sessii IAET SO RAN*. Novosibirsk, 2014, vol. 20, pp. 334–336. (in Russ.)
26. *Khangelov M.N.* The collected works. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 1958, vol. 1, 551 p. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.02.2020

Дата рецензирования 28.02.2020

Статья принята к публикации 30.03.2020

DOI: 10.15372/HSS20200206
УДК 397+398(=1.470=512.1)

В.А. БУРНАКОВ

ОБРАЗЫ МЫШИ И КРОТА В ФОЛЬКЛОРЕ И ВЕРОВАНИЯХ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX В.)

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

В статье представлена характеристика образов мыши и крота в традиционном мировоззрении хакасов. Основу исследования составили фольклорно-этнографические материалы, в том числе архивные, впервые вводимые в научный оборот. Проанализирована хакасская лексика, связанная с указанными животными, прослеживается их семантика. Выявлено, что в традиционных воззрениях мышь и крот имели хтоническую природу, поскольку вся их жизнедеятельность тесно связана с землей и подземным пространством. На традиционные представления об этих животных влияние оказали их внешний вид, объемы тела, особенности поведения. Причем образ мыши наделен негативными характеристиками, в отличие от крота, образ которого преимущественно связан с положительной символикой.

Ключевые слова: хакасы, мировоззрение, обряды, фольклор, животные, хтонизм, мышь, крот, образ, символ.

V.A. BURNAKOV

IMAGES OF MICE AND MOLES IN FOLKLORE AND KHAKAS BELIEFS (LATE XIX – MID XX CENTURIES)

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The aim of the work is to characterize the images of the mouse and mole in the traditional worldview of the khakas. To achieve this goal, the following tasks were solved: identifying their image in folklore, determining their significance in the ritual practice of the people in question. The chronological framework of the work covers the end of the XIX – the middle of the XX centuries. The choice of such time limits is due to the state of the source database on the topic of the study. The main sources are folklore, linguistic and ethnographic materials. Archival materials are introduced into scientific circulation. The work is based on the methodological principles of historicism. Historical and ethnographic methods are used – relic and semantic analysis. The linguistic technique – etymology is applied. The study revealed that in the Khakas worldview, the mouse and mole were symbolically significant animals. They were given a special place in folklore and in the traditional beliefs of the people. It was revealed that in the culture of this people they belonged to the category of chthonic creatures. All the vital activity of the animals in question is closely connected with the earth and the underground space. Along with this, their mythological characteristics were greatly influenced by the morphology and volumes of their bodies, as well as the features of their zoological behavior. The negative perception of the mouse image in the khakas culture was due to its mythological connection with the underworld, as the abode of the dead, as well as its biological characteristics. According to the beliefs of the people, the animal in question was not only directly related to the evil spirits, but was often perceived as their embodiment. According to popular beliefs, the mouse's malevolence manifested itself in real harm caused by its dwelling, household buildings, utensils, and clothing, as well as the destruction of food supplies and mystical desecration, which, according to popular belief, entailed illness and death of domestic animals and people themselves. The image of the mole in oral folklore and Khakas beliefs, contrary to its chthonic nature, had a positive connotation. They believed that the mole has access to secret knowledge and has mystical power; therefore this animal has a role in the system of shamanistic views.

Key words: Khakass, worldview, rite, folklore, animals, chthonism, mouse, mole, image, symbol.

Венарий Алексеевич Бурнаков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: venariy@ngs.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Venariy A. Burnakov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционные представления о животных являются неотъемлемой частью культуры каждого народа. Их изучению посвящено немало трудов отечественных этнографов (см., напр.: [1; 2; 3; 4]). Рассмотрены роль и функции животных, а также их образы в мифологии и обрядовой системе многих народов. Проанализирована их символика в культуре. Интерес к роли мира животных в жизни человека и общества стал основанием в западной научной среде для формирования на рубеже XX–XXI вв. так называемых *Animal studies* – междисциплинарной области науки, объединяющей искусствоведов, антропологов, биологов, историков, психологов, филологов, философов и других специалистов, которые пытаются осмыслить систему взаимоотношений человека и мира животных в прошлом и на современном этапе [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

Следует отметить что традиционные представления хакасов о роли фауны все еще остаются в этнографии слабо освещенной темой. Между тем в мировоззрении и обрядности хакасов важное место отводится животным, в том числе тем, которые тесно связаны с землей и подземным пространством. К ним относятся пресмыкающиеся, земноводные, а также представители отряда грызунов: мышинных, кротовых и пр. В хакасской этнографии образы мыши и крота еще не становились объектом специального изучения. Цель данной работы – дать характеристику образов мыши и крота в традиционном мировоззрении хакасов.

МЫШЬ – *КҮСКЕ*

Как известно, мышьеобразные грызуны (хак. мн. *күскелер*) особенно такой ее вид, как домовая мышь (хак. *иб күскезі*), на протяжении многих веков неизменно являются постоянными спутниками человека. По зоологической классификации это животное относится к синантропным видам, поскольку тесно связано с людьми. Мышь является одним из частых обитателей жилых домов и хозяйственных строений. Она питается всеми доступными ей видами пищи, в том числе теми, которые произведены людьми. Это позволило человеку регулярно и на протяжении длительного времени наблюдать за нею и ее биологическим поведением. В результате были накоплены обширные знания о мыши. Отметим, что в традиционной культуре они имели как рациональный, так и иррациональный характер. Поэтому не случайно образ рассматриваемого животного получил широкое распространение в верованиях и фольклоре хакасов.

В мировоззрении рассматриваемого народа символика мыши весьма разнообразна. Семиотическое поле животного во многом детерминировано его зоологической спецификой [17, с. 190]. Мышь имеет небольшие размеры тела, характеризуется особой подвижностью, юркостью и скрытностью. Она обладает своеобразной беспокойной натурой, что в немалой степени обусловлено огромным количеством ее

врагов в природе. В целом указанные качества мыши привели к формированию типичных представлений о ней, как о слабом, пугливом и незащитном существе. Данные взгляды в несколько завуалированном виде обнаруживаются и в хакасских поговорках [18, с. 28; 19, с. 354; 20, с. 262, 281; 21, с. 31].

В традиционных представлениях мышь воспринималась не только как физически слабое животное, но еще и как существо с малыми умственными способностями [19, с. 214].

В хакасском фольклоре констатируется миролюбивый и безобидный характер мыши. Выделяются такие ее положительные качества, как усердие и трудолюбие, ярко проявляемые в процессе добывания пищи. Соответствующие черты ее образа обнаруживаются, например, в этиологической мифе «Совет зверей и птиц» и в сказке «Суслик и мышка» [22, с. 129; 23, с. 61]. Известна способность мыши создавать свои гнезда (*күске іні*) практически в любом месте, где она может поместиться – под землей, среди камней, в полостях деревьев и т.д. Зоологическая специфика, позволившая ей обитать в обширной и разнообразной природной среде, несомненно, свидетельствует о ее высоких адаптационных возможностях. В мифологическом сознании хакасов данное свойство воспринимается как большая жизненная сила грызуна. В кумулятивной сказке «Кто сильнее», изложенной в форме диалога, такой масштабный ландшафтный объект, как гора, вынужденно признает невероятную силу этого маленького зверька, так как не может ему противостоять [23, с. 61].

Вездесущность, ловкость и пронырливость мыши, ее постоянное курсирование между земным и подземным пространством, все эти реалии способствовали тому, что в традиционном мировоззрении хакасов ее образ наделяется чертами медиатора. Обозначенные качества чрезвычайно сближают мышь с конем – одним из самых распространенных образов животных, часто осуществляющих функцию мифического посредника между мирами. В связи с этим не случайно в народных загадках мышь, как и некоторые другие грызуны, отождествляются именно с конем [24, с. 240; 25, с. 62].

Основная биологическая деятельность мыши (как и других животных) заключается в добывании пищи и воспроизводстве потомства. Это находит отражение в хакасском фольклоре. В сказочных произведениях «Мышь и лягушка» [23, с. 56–59] и «Мышь и воробей» [24, с. 390–391] рассматриваемое животное характеризуется как умелый добытчик пищи, крепкий домохозяин и до поры до времени – примерный семьянин. При этом обращается внимание на то, что рачительность этого грызуна в определенный момент переходит в жадность. И это даже может привести к глобальному конфликту между зверями и птицами [24, с. 390–391].

Образ мыши, как олицетворение неустойчивой устремленности к накоплению материальных благ и тесно связанной с этим процессом алчности, пред-

ставлен в сказке «*Öksis ool* – ‘Сирота-парень’». В ней сообщается о том, что умершие родители проклинают своего сына – хана и его супругу за то, что те нарушили их покой и преступили грань многих этических норм. Все указанные проступки были совершены ими из-за неумной жадности и тяги к обогащению. В результате магического воздействия проклятья те превращаются в дятла и мышь, которые в мифологических представлениях зачастую наделяются этим непритягательным человеческим качеством [23, с. 423].

В традиционном сознании хакасов склонность мыши к безмерному и тайному потреблению съестных припасов человека сформировала мнение о ней, как паразитирующем существе с ярко выраженной воровской натурой [19, с. 220; 26, с. 72].

В фольклоре хакасов мышь из-за ее вездесущности, чрезмерного любопытства, всеядности и прожорливости описывается не только как большой знаток всех пищевых, но еще и редких – лекарственных растений. В сказании о богатырке Паян Хыс имеется сюжет, согласно которому героиня внимательно наблюдает за поведением намеренно раненой ею мыши. Она выяснила, что животное, в течение короткого времени отыскав целебный корень и поглотив его, вскоре выздоравливает. Паян Хыс, последовав примеру мыши, съедает выявленное лечебное растение и тут же исцеляется [22, с. 159; 27, с. 658].

В общественном сознании универсальной и закономерной является ассоциация осени с вызреванием плодовых растений и как результат – всеобщим изобилием растительной пищи. Естественным следствием этого, как известно, выступает факт пополнения продуктового запаса не только человеком, но и всеми животными и птицами. И мышь в этом отношении не стала исключением. Наблюдение за ее поведением в такой период нашло отражение в поговорке: «*Küsküde küske dee nai polçaң*» – ‘Осенью даже мышь становится богатой’ [20, с. 264, 284]. При этом следует отметить, что в культуре хакасов данная мысль не только образно характеризует соответствующий природный цикл и его конкретные проявления. В прошлом это утверждение имело еще практическое значение. В традиции хакасов только в неурожайные голодные годы было принято выискивать и вскрывать мышинные и иные кладки. Забирали луковицы сараны и прочие съедобные корни, а также зерна, чтобы пополнить продовольственные запасы людей. Такой процесс сбора в народе назывался *тамахтирга* – ‘запасаться пищевыми припасами’. Заметим, что подобный способ добывания пищи в экстремальной ситуации был распространен и среди других сибирских народов, в частности у бурят [28, с. 96]. Сведения об этой практике сохранились в устном народном творчестве хакасов [23, с. 723].

Традиционный календарь хакасов объединяет двенадцатилетний цикл – *мүчел*. Согласно этой системе исчисления, каждый год символизирует определенное животное. Все двенадцать животных расположены в определенной последовательности. В число

таких избранных представителей фауны, олицетворявших непрерывную хронологическую связь, вошла и мышь. Причем в народе год мыши традиционно характеризовался как «хороший и теплый» [29, с. 195]. Заметим, что в представлениях хакасов человек, рожденный в том или ином году, наделялся характерными врожденными свойствами, сопоставимыми с типичными качествами животных. Считалось, что они во многом определяют психологический склад человека и даже его судьбу. Полагали, что люди, рожденные в год мыши, будут рачительными хозяевами [30, с. 18].

Вместе с тем, в мировоззрении и практической деятельности хакасов мышь чаще всего воспринимается в негативном ключе. Были убеждены, что она несет человеку беды, болезни и голод. Данные представления имели реальные исторические основания. Периодически случавшийся в прошлом в Хакасии резкий рост популяций и миграций мышей и прочих грызунов порой приводил к катастрофическим последствиям в сельском хозяйстве [31, с. 85; 32, с. 16].

Малозаметность мыши как вредителя и скрытый характер ее вредоносной активности стали причиной того, что в религиозно-мифологическом сознании хакасов она стала восприниматься как воплощение нечистой силы. В народе ее чаще обозначают терминами *айна* или иногда – *үзүт*. Поэтому не случайно считалось, что увидеть во сне мышь означало встретиться со злым духом *айна* или шаманским духом-*төс’ом* [33, с. 178]. Сюжеты, связанные со злым духом, способным превращаться в мышь, распространены в хакасском фольклоре.¹

Одним из определяющих факторов, способствовавших причислению мыши к существам, имеющим непосредственное отношение к демонической силе, а нередко – их воплощению, была ее тесная связь с землей и подземным пространством [25, с. 60, 116]. Необходимо заметить, что в традиционном мировоззрении хакасов животные, обитающие в подземном и водном пространствах, наделялись сверхъестественными и нередко опасными свойствами. В фольклоре встречаются сюжеты, когда злые духи, подобно мышам, проникают в жилища людей из-под земли через подполье [24, с. 388]. В одном из апокрифических мифов, очевидно, заимствованном от русских, сообщается, что в период мирового потопа дьявол превратился в мышь и пробрался в ковчег. В нем грызун попытался проделать дырку, чтобы погубить всех, кто находился на судне. Однако осуществить задуманное злодеяние не позволила кошка – она вовремя поймала и съела его [17, с. 190; 24, с. 274–276].

В религиозно-мифологических представлениях хакасов некоторые последствия вредоносной деятельности мыши устойчиво ассоциировались с предвестием смерти или сокращением срока жизни кого-либо. Главным образом это касалось ситуации, когда мышь прогрызала одежду конкретного человека. Проды-

¹ АМАЭС ТГУ № 681-1. Этнографическая экспедиция в Таштыпский район ХАО, июль 1975 г. Тетрадь 1. Л. 34.

рвлянное подобным образом одеяние в народе воспринималось как оскверненное. Данное злонамеренное действие (*чабал ыранарга*), как полагали, таило опасность для хозяина такой вещи. Считалось, что такой человек в скором времени заболеет или умрет. Поэтому следовало незамедлительно нейтрализовать вредное воздействие. В связи с этим хакасы проводили специальный обряд [34, с. 70].

В традиционном сознании хакасов мышь, будучи поганым и нечестивым существом, распространяла указанное свойство на все, с чем соприкасалась. Попадание мыши в различные емкости с пищевыми продуктами, особенно уже готовых к употреблению людьми, напрямую отождествлялось с осквернением. Их незамедлительно выбрасывали [31, с. 192].

Таким образом, образ мыши получил широкое распространение в фольклоре и верованиях хакасов. Многие ее мифологические характеристики были обусловлены ее биологическими особенностями. В традиционных представлениях народа это животное преимущественно воспринималось в негативном контексте.

КРОТ – ОЙДА ТАМАС

В мировоззрении хакасов крот входит в категорию хтонических животных. В отличие от мыши, его семантическое поле не столь обширно и разнообразно, что может быть объяснено «некоторой отдаленностью» от людей. Несмотря на это, его образ все же представлен в верованиях и фольклоре рассматриваемого народа.

Как известно, вся жизнедеятельность крота непосредственно связана с подземным пространством. Это его постоянное место обитания. Крот устраивает в нем логовище с запутанной и разветвленной системой проходов. На земной поверхности он появляется крайне редко, за исключением отдельных его видов. Это нашло отражение в хакасской загадке: «*Күн көрбес Көрбетей* [собств. имя] (*ойда тамас*)» – ‘Көрбетей, который [никогда] не видит солнца (крот)’ [26, с. 73]. Указанную особенность его биологического поведения хакасы интерпретировали как неодолимый страх и трепет маленького подземного обитателя перед величественной небесной святыней – Солнцем. Они говорили: «Крот боится солнца, потому выходит из норы только по ночам» [27, с. 648].

Обращает на себя внимание и то, что анатомическое строение тела крота приспособлено к подземному образу жизни. Он обладает вытянутым и округлым туловищем, покрытым густым, ровным и бархатистым мехом. Особого внимания заслуживают его передние лапы. Они имеют лопатообразную форму и вывернуты наружу так, чтобы было удобно рыть перед собой землю и отбрасывать ее назад. Эту особенность хакасы считают основным маркирующим признаком крота, что нашло отражение в самом его наименовании: *ойда тамас* – букв. ‘вывернутая лапа’, *төдир азах / тискер азах* – букв. ‘вывернутая нога’ [19, с. 297, 585, 625, 659].

В хакасском фольклоре в отношении крота нередко приводятся следующие образные характеристики: «существо, не имеющее глаз», «маленькое существо, никуда негодное», «добродушный крот» [24, с. 211]. Например, в сказке «Орел» описываются такие его положительные качества, как доброта, заботливость и предупредительность. Согласно сюжету, горделивый орел проигнорировал рекомендацию крота воздержаться от строительства гнезда на дереве, корни которого полностью сгнили. Царь птиц посчитал ниже своего достоинства получать какие-либо советы от слепого и ничтожного, по его мнению, подземного животного. В результате из-за своей гордыни орел потерял свою семью. Однажды дерево вместе с гнездом рухнуло и насмерть придавило орлицу с птенцами. Повествование завершается констатацией того факта, что крот, обитая под землей, вместе с тем владеет знаниями, недоступными для многих других существ [24, с. 211].

Согласно верованиям хакасов, крот обладает не только обширными знаниями о том, что происходит под землей, но и некими тайными знаниями. В фольклоре сообщается о том, что к нему, как к мудрецу, обращаются животные с различными вопросами. Например, в мифе «Совет птиц» крот поведал всему пернатому царству тайну о том, как раздобыть огонь [22, с. 131].

В религиозно-мифологических представлениях хакасов и других тюркских народов Южной Сибири крот как подземное существо входит в круг ближайших помощников владыки Нижнего мира – Эрлик-хана [35, с. 212]. Совершенно не случайно это животное широко использовалось в шаманских практиках. В хакасской традиции было принято изготавливать культовые изделия *төс*, выполнявшие различные функции: покровительственную, охранительную, промысловую, лечебную и др. По внешнему оформлению, материалу изготовления и масштабам *төс’ы* были чрезвычайно разнообразны. Они имели антропоморфный, зооморфный и иной вид, причем как реалистичные, так и весьма условные. Среди них встречался кротовый *төс*. Он представлял собой цельную высушенную тушку этого животного [36, с. 126].

Итак, в культуре хакасов кроту придавалось немаловажное значение. Его образ представлен в фольклоре, причем преимущественно в положительной коннотации. Биологические особенности этого животного способствовали его включению в культовую практику хакасов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В мировоззрении хакасов мышь и крот являлись символически значимыми животными. Им отводилось особое место в фольклоре и в традиционных верованиях. В религиозно-мифологическом сознании эти животные относились к категории хтонических существ, поскольку вся их жизнедеятельность была тесно связана с землей и подземным пространством. На их ми-

фологические образы большое влияние также оказали размеры их тела, особенности поведения. В связи с этим в воззрениях хакасов образ мыши наделялся такими качествами, как активность, вездесущность, скрытность, осторожность, жадность, прожорливость и др. Негативное восприятие образа мыши в культуре хакасов объясняется ее мифологической связью с подземным миром как обителью мертвых. Согласно народным верованиям, мышь не только имела прямое отношение к враждебным духам, но нередко и сама являлась их воплощением. Считалось, что злонамеренность мыши, проявлялась как в реальном ущербе, причиняемом его жилищу, хозяйственным постройкам, утвари, одежде, в уничтожении пищевых запасов человека, так и в мистическом плане – в осквернении. А это имело своим следствием болезни и смерть домашних животных, случалось, и самих людей.

Образ крота в устном народном творчестве и верованиях хакасов, вопреки его хтонической сущности, не носил столь ярко выраженной отрицательной характеристики, как мыши. Наоборот, он воспринимался в качестве существа добродушного, предупредительного и мудрого. Верили, что крот имеет доступ к тайным знаниям и обладает мистической силой. Убежденность в этом способствовала включению его образа в систему шаманизма.

Носители традиционной культуры, в том числе хакасы, проживая в тесном контакте с природой, стремились познать ее законы и определить свое место в ней. Повседневная жизнь человека была неотделима от процессов познания окружающего мира. Одним из ключевых объектов этой деятельности был мир животных, который нашел отражение в устном народном творчестве. Сопоставляя качества животных со свойствами человеческой природы, люди постигали не только окружающую природу, но и свой внутренний мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1990. 622 с.
2. Соколова З.П. Животные в религиях. СПб., 1998. 288 с.
3. Гуря А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. 912 с.
4. Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. 448 с.
5. *Gubernatis Angelo de.* Zoological Mythology or the Legends of Animals. L., 1872. 472 p.
6. Morey D.F. & Wiant M.D. Early Holocene domestic dog burials from the North American Midwest // *Current Anthropology*, 1992. Vol. 33 (2). P. 225–229.
7. Pollock M.S., Rainwater C. *Figuring Animals: Essays on Animal Images in Art, Literature, Philosophy and Popular Culture.* Publisher: Palgrave Macmillan, 2004. 304 p.
8. Aftandilian D. What are the Animals to Us?: Approaches from Science, Religion, Folklore, Literature, and Art. Univ. of Tennessee Press, 2007. 343 p.
9. Reinhard K.J., Ambler J.R., & Szuter C.R. Hunter-gatherer use of small animal food resources: Coprolite evidence // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2007. Vol. 17 (4). P. 416–428.
10. Losey R.J., Bazaliiskii V.I., Garvie-Lok S., Germonpré M., Leonard, J.A., Allen A.L. et al. Canids as persons: Early Neolithic dog and wolf burials, Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2011. Vol. 30 (2). P. 174–189.
11. Representing the modern animal in culture / ed. by Jeanne Dubino, Ziba Rashidian, and Andrew Smyth. N. Y., 2014.
12. Francesca Lugli. Mongolian nomads and their dogs // *The Intangible Elements in Ethnoarchaeological Research*, 2016. Springer International Publishing Switzerland, 2016. P. 125–139.
13. Baulo A.V. The Old Man of a Sacred Town?: Ancient and Recent Representations of a Bear-like Deity // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2016. Vol. 44 (2). P. 118–128.
14. Baulo A.V. Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21st Century // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2018. Vol. 46(3). P. 122–128.
15. Badmaev A.A. Chthonic Animals in the Traditional Buryat Culture // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2018. Vol. 46(4). P. 94–99.
16. Burnakov V.A., Burnakov A.A. Remnants of the Snake Cult Among the Khakas (Late 19th to Mid 20th Century) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2019. Vol. 47/2. P. 122–130.
17. Топоров В.Н. Мышь // *Мифы народов мира*. М., 1988. Т. 2. С. 190.
18. Так в Сибири говорят. Красноярск, 1964. 91 с.
19. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
20. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. Абакан, 2008. 376 с.
21. Старших будешь слушать, долгими будут дни твои. – Улугныи чоогын иссен, узада күнни көрөрсиз. Абакан, 2004. 32 с.
22. Несказочная проза хакасов. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 34).
23. Хакасские народные сказки. Новосибирск: Наука, 2014. 769 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 33).
24. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
25. Мудрое слово (Хыйга сөс). Хакасские пословицы, поговорки и загадки. Абакан, 1976. 127 с.
26. Доможаков В.И. Хакасские загадки // *Зап. ХакНИИЯЛИ*. Абакан, 1951. Вып. 2. С. 60–84.
27. Попов Н.А. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // *Изв. ИРГО*. СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 645–659.
28. Бадмаев А.А. Образы основных животных водно-подземного мира в традиционной бурятской культуре // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2018. № 4 (46). С. 94–99.
29. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей. Абакан, 1996. 224 с.
30. Бутанаев В.Я. Хакасский гороскоп. Абакан, 1991. 32 с.
31. Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898. 298 с.
32. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 61 с.
33. Бурнаков В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006. 197 с.
34. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.
35. Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. М.; Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.
36. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л., 1979. 195 с.

REFERENCES

1. Tokarev S.A. Early forms of religion and their development. Moscow, 1990, 622 p. (In Russ.)
2. Sokolova Z.P. Animals in religions. Saint-Peterburg, 1988, 288 p. (In Russ.)
3. Gura A.V. Symbols of animals in the Slavic folk tradition. Moscow, 1997, 912 p. (In Russ.)
4. Vinokurova I.Yu. Animals in the traditional worldview of Veps (reconstruction experience). Petrozavodsk, 2006, 448 p. (In Russ.)
5. *Gubernatis Angelo de*. Zoological Mythology or the Legends of Animals. L., Trübner & Co., 1872, 472 p.
6. Morey D.F., & Wiant M.D. Early Holocene domestic dog burials from the North American Midwest. *Current Anthropology*, 1992, vol. 33, no. 2, pp. 225–229.
7. Pollock M.S., Rainwater C. Figuring Animals: Essays on Animal Images in Art, Literature, Philosophy and Popular Culture. N. Y., Palgrave Macmillan 2004, 304 p.
8. Aftandilian D. What are the Animals to Us?: Approaches from Science, Religion, Folklore, Literature, and Art. N. Y. Univ. of Tennessee Press, 2007, 343 p.
9. Reinhard K.J., Ambler J.R., & Szuter C.R. Hunter-gatherer use of small animal food resources: Coprolite evidence. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2007, vol. 17, no. 4, pp. 416–428.
10. Losey R.J., Bazaliiskii V.I., Garvie-Lok S., Germonpré M., Leonard J.A., Allen, A. L. et al. Canids as persons: Early Neolithic dog and wolf burials, Cis-Baikal, Siberia. *Journal of Anthropological Archaeology*, 2011, vol. 30, no. 2, pp. 174–189.
11. Dubino J., Rashidian Z., and Smyth A. (eds.) Representing the modern animal in culture. N. Y., Palgrave Macmillan, 2014, 255 p.
12. Lugli F. Mongolian nomads and their dogs. *The Intangible Elements in Ethnoarchaeological Research*, Cham, Springer International Publishing Switzerland, 2016, pp. 125–139.
13. Baulo A.V. “The Old Man of a Sacred Town”: Ancient and Recent Representations of a Bear-like Deity. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, no. 2, pp. 118–128.
14. Baulo A.V. Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21st Century. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, no. 3, pp. 122–128.
15. Badmaev A.A. Chthonic Animals in the Traditional Buryat Culture. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, no. 4, pp. 94–99.
16. Burnakov V.A., Burnakov A.A. Remnants of the Snake Cult Among the Khakas (Late 19th to Mid 20th Century). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, no. 2, pp. 122–130.
17. Toporov V.N. Mouse. *Mify narodov mira*. Moscow, 1988, vol. 2, p. 190 (In Russ.)
18. Khovratovich B. (comp.) So in Siberia: proverbs and sayings of the peoples of Siberia, Krasnoyarsk, 1964, 90 p. (In Russ.)
19. Subrakova O.V. (ed.) *Khakass-Russian Dictionary*. Novosibirsk, 2006. 1114 p. (In Russ., Khakass)
20. Butanaev, V.Ya., Butanaeva, I.I. *World of Khongor (Khakass) folklore*. Abakan, 2008, 376 p. (In Russ., Khakass)
21. You will listen to the elders, your days will be long. Abakan, 2004, 32 p. (In Khakass, Russ.)
22. Achitaeva L.K. et al. (comps.) *Fairy-tale prose of the Khakass people*. Novosibirsk, 2014, 540 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 34). (In Russ., Khakass).
23. Sadalova T.M. (ed.) *Khakass folk tales (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Vol. 33)*. Novosibirsk, 2014, pp. 585–587. (In Russ., Khakass)
24. Katanov N.F. *Adverbs of Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (samples folk literature of Turkic tribes issued V.V. Radloff)*. Saint Peterburg, 1907, vol. 9, 640 p. (In Russ.)
25. A wise word. *Collection of Russian folk proverbs, sayings and puzzles*. Abakan, 1976, 128 p. (In Russ., Khakass)
26. Domozhakov V.I. *Khakass riddles. Zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*, vol. 2. Abakan, 1951, pp. 60–84. (In Khakas., Russ.)
27. Popov N.A. Beliefs and some customs of the Kachin Tatars. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 1884, vol. 20, no. 6, pp. 645–659. (In Russ.)
28. Badmaev A.A. Images of the main animals of the water-underground world in the traditional Buryat culture. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2018, vol. 46, no. 4, pp. 94–99. (In Russ.)
29. Butanaev, V.Ya. *Traditional culture and life of the Khakass: Manual for teachers*. Abakan, 2004, 224 p. (In Russ.)
30. Butanaev, V.Ya. *Khakass horoscope*. Abakan, 1991, 32 p. (In Russ.)
31. Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. *Minusinsk and Achinsk natives*. Krasnoyarsk, 1898, 298 p. (In Russ.)
32. Adrianov A.V. *Essays of the Minusinsk region*. Tomsk, 1904, 61 p. (In Russ.)
33. Burnakov V.A. *The spirits of the Middle world in the traditional worldview of the Khakas people*. Novosibirsk, 2006, 197 p. (In Russ.)
34. Butanaev V.Ya. *Burkhanism of Turks in Sayano-Altai*. Abakan, 2003, 260 p. (In Russ.)
35. Ivanov S.V. On the issue of the meaning of the symbols on ancient objects of worship among the peoples of the Sayan-Altai highlands. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Moscow, Leningrad, 1955, vol. 16, pp. 165–264. (In Russ.)
36. Ivanov S.V. *The Sculpture Altai, Khakases and Siberian Tatars (XVIII – the first quarter of XX century)*. Leningrad, 1979, 195 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.02.2020

Дата рецензирования 25.02.2020

Статья принята к публикации 30.03.2020

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200207
УДК 94(47)"1905/1907"+070(09)

Н.Н. РОДИГИНА

ОБРАЗЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЖУРНАЛЕ «БОЖИЯ НИВА» 1905–1907 гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

На основе критического дискурсного анализа статей журнала «Божия нива» за 1905–1907 гг. выявлено отношение их авторов к Первой русской революции, выяснено, в каких рубриках и жанрах актуализировалась «революционная» тематика в журнале, с помощью каких риторических приемов, слов-маркеров описывали революцию и в каких контекстах они чаще всего использовались, какие меры «спасения от революции» предлагались в качестве эффективных и на какое последствие читателей они были рассчитаны. Выявлены ключевые сюжеты, актуализировавшие образы революции, ее виновников и жертв, определены задачи, которые издание формулировало перед своими читателями – учителями церковноприходских школ, рассмотрены дискурсивные стратегии журнала, направленные на борьбу с революционными идеями.

Ключевые слова: религиозно-педагогические журналы, Первая русская революция, образы революции.

NATALIYA N. RODIGINA

IMAGES OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION IN THE MAGAZINE “BOZHIYA NIVA” IN 1905–1907

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Based on a critical discourse analysis of texts published in the religious and educational journal “Bozhiya Niva” for 1905–1907 the article reveals the attitudes of these texts’ authors to the First Russian Revolution; clarifies headings and genres where the “revolutionary” topic was actualized in the journal; defines some rhetorical techniques, key words which helped to describe revolution and some contexts in which they were used most often; determines the measures of “salvation from the revolution” proposed as effective and what aftereffect of readers was expected after these measures. The monthly pedagogical journal “Bozhiya Niva” was published by the Holy Trinity St. Sergius Lavra with subtitles “Troitsky interlocutor for parochial schools” (1902–1905), and “Troitsky interlocutor for Orthodox school and family” (1906–1917). The magazine editor was the bishop (later the archbishop) Nikon (in the world N. I. Rozhdestvensky), a supporter of the “popular” Orthodoxy. The magazine’s key topic from January 1905 to December 1907 was the revolutionary threat. Advanced articles, didactic texts from the internal review of “Our Diary”, critical reviews of periodicals were devoted to it, besides it was raised in the bibliographic section. The following main issues related to the revolution were reflected in the magazine: 1) the fear of revolution, which was one of the symptoms impending the monarchy’s disintegration (described by metaphors of disease, death, destruction), the triumph of atheism, mass egoism and militant utilitarianism; 2) the Russian intellectuals, who uncritically assimilated Western ideas, as the turmoil of social upheavals, and the Russian people, strong with their sincere Orthodox faith, as the main savior of the country; 3) the theme of children’s suffering and sacrifices related to the pernicious experience of the revolution as the triumph of the “modern plague of nihilism” and “western ideas” 4) heroes–rescuers of Russia from revolutionary ideas.

Key words: religious and pedagogical journals, First Russian Revolution, revolution images.

Наталья Николаевна Родигина – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4938-0924>

Nataliya N. Rodigina – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Представления о революции в русской общественной мысли и массовом сознании традиционно привлекают внимание как профессиональных исследователей, политиков, журналистов, писателей, так и людей, которые не вовлечены в поля науки, политики и искусства, но в процессе своих идентификационных исканий обращаются к прошлому. Каждое поколение ищет в текстах о революции ответы на вызовы «своей» эпохи, используя для интерпретации этого понятия свои языки описания, фиксируя внимание на тех образах и метафорах революции, которые кажутся наиболее выразительными для формулирования ими вопросов не столько к прошлому, сколько к настоящему. При этом чаще всего интерес вызывают прецедентные тексты, обсуждение которых не только включает в диалог с предшественниками и современниками, но и дарит надежду на их ценность для потомков. Мне же представляется важным на примере журнала «Божия нива» осмыслить те версии революции, которые транслировали современникам православные педагогические журналы начала XX в.

С одной стороны, обращение к таким изданиям позволит понять, какие именно рецепты революции были востребованы их авторами для описания современных им событий и явлений, при помощи каких метафор они говорили о революции со своими читателями, в каких контекстах и с какими целями обращались к этой теме. С другой стороны, это даст возможность составить представление о том, как и что «было принято» сообщать о новых явлениях в политической жизни Российской империи учителям церковноприходских школ (далее – ЦПШ), как вообще мыслилась их роль в быстро меняющейся реальности начала XX в.

Нельзя утверждать, что проблема отношения церковной периодики к русским революциям начала XX в. является маргинальной в отечественной историографии, однако способы конструирования образов революции в религиозно-педагогическом еженедельнике «Божия нива», насколько мне известно, еще не становились предметом специального анализа.

Я опиралась на публикации К.Е. Нетужилова, А.Н. Кашеварова о влиянии общественно-политической и социокультурной ситуации начала XX в. на рост количества и разновидностей церковных периодических изданий, об их направлениях, структуре, тематических приоритетах, читательской аудитории [1; 2]. Статьи Нетужилова о «народной» церковно-педагогической журналистике, личности и публицистической деятельности редактора «Божией нивы» – архимандрита Никона (Рожественского) позволили выяснить как историю интересующего меня издания, так и биографию его идеолога-основателя, уточнить образ читателя-адресата, на которого ориентировался журнал, а также его авторский корпус [3; 4].

Исследования А.Ю. Полунова, А.В. Репникова, А.А. Тесли [5; 6; 7; 8] дали возможность уточнить отношение власти в лице обер-прокурора Синода

К.П. Победоносцева к «простому народу» и его воспитателям, которым в конечном итоге предназначался заинтересовавший меня журнал, понять, какие именно идеи К.П. Победоносцева были усвоены авторами журнала. Работы В.В. Ведерникова, С.Л. Фирсова об отношении православной церкви к политическим реформам в период Первой русской революции позволили конкретизировать представления церковных интеллектуалов об общественной роли церкви, о восприятии ими освободительного движения [9; 10]. Публикации Т.Е. Житенева, Т.Г. Леонтьевой, Л. Манчестер помогли уточнить образ адресата журнала – учителей ЦПШ, выявить их численность и состав, образовательный уровень, социокультурный облик [11; 12; 13; 14].

Представляется важным наблюдение М.А. Гончарова и М.Г. Плоховой об идеальной, с точки зрения правительственной политики и Синода, модели учителя ЦПШ, которая реализовалась в системе их профессиональной подготовки: с невысоким образовательным цензом, ограниченным кругозором, с четко сформированными идеологическими установками охранительного характера [15, с. 111]. О размере потенциальной читательской аудитории журнала в какой-то степени свидетельствует количество церковных школ, достигшее апогея к 1903 г., составив 44 тыс., включая школы грамоты [16, с. 111].

Таким образом, моими предшественниками в общих чертах раскрыт исторический, в том числе идейный контекст, в котором функционировал журнал; выяснен образ коллективного автора и адресата дискурса «Божьей нивы» о Первой русской революции.

Моя задача – на основе дискурсного анализа текстов журнала за 1905–1907 гг. выявить: как именно в разных рубриках и жанрах актуализировалась «революционная» тематика, при помощи каких риторических приемов, слов-маркеров описывали революцию, какие меры «спасения от революции» предлагали в качестве эффективных. Источниками, выявленные мною в результате сплошного просмотра, стали разножанровые тексты, в которых упоминается слово «революция» и его синонимы и которые опубликованы в журнале в 1905–1907 гг. Я обращаюсь к тому варианту критического дискурсного анализа, который предложен Т. ван Дейком и предполагает приоритетное внимание к следующим вопросам: 1) как та или иная «мы-группа» (в данном случае – редакция журнала) контролировала не только производство дискурса (в нашем случае – текста), но и контекст, решая, кто и с какими целями его создает; 2) как структуры самого дискурса становилась предметом контроля (что должно быть сказано, с использованием каких риторических приемов и т. п.); 3) какие дискурсивные жанры использовались создателями журнала для реализации своей символической власти [17, с. 28, 57].

Ежемесячный педагогический журнал «Божия нива» издавался Троице-Сергиевой лаврой с подзаголовком «Троицкий собеседник для церковно-приходских школ» (1902–1905) и «Троицкий собеседник

для православной школы и семьи» (1906–1917). Редактором журнала был яркий и, по словам историка К.Е. Нетужилова, достаточно нетипичный для мира православной журналистики епископ (а потом и архиепископ) Никон (в миру Н.И. Рождественский) – сторонник «народного» православия, не имевший религиозного академического образования [4, с. 170]. «Божия нива» была одним из издательских проектов Никона наряду с популярнейшими «Троицкими листками» и изданием для детей «Зернышки Божией нивы». Журнал адресовался главным образом учителям ЦПШ и был одобрен Училищным советом при Святейшем Синоде для школьных библиотек. В качестве авторов привлекались священники и учителя ЦПШ. Годовая подписка на журнал стоила 1 руб. (с пересылкой), цена одного номера составляла 10 коп. Постоянные тематические рубрики дают представление о круге интересов этого издания: «Церковь и школа», «Семья и школа», «Школа и народная жизнь», «Школа как воспитательница эстетических чувств», «Посевы и всходы», «Летопись церковных школ», «Переписка наших читателей», «Наш дневник». В объявлении о подписке редакция обозначала свою цель и образ адресата издания следующим образом: «служить... раскрытию и решению вопросов школьного воспитания», а также тех вопросов «нашего тревожного времени», «которыми может интересоваться не только школа, но и семья, не только труженики на ниве народного просвещения, но и родители...» [18, с. 242].

ДИНАМИКА ОБРАЗОВ РЕВОЛЮЦИИ

Тема революционной угрозы становится одной из ключевых для издания, начиная с первых выпусков 1905 г., и не теряет своей актуальности до лета 1907 г. Она поднималась в страстных передовых статьях будущего доктора богословия, профессора Д.И. Введенского, во внутреннем обозрении «Наш дневник», в обзорах периодической печати и в библиографическом разделе. Из 30 номеров журнала, вышедших с января 1905 г. по июнь 1907 г., в 24 упоминаются те или иные революционные события, а также содержатся оценки революции как явления.

О предчувствии революции и значимости предполагаемых ее последствий свидетельствует редакционная статья в первом январском выпуске 1905 г., посвященная анализу событий предшествующего года. Начинается она апокалиптическим заявлением: «Многострадальная... Как приложим этот эпитет в настоящий момент к нашей родине, пережившей в минувшем году тяжелые беды, которым и доселе еще не видно конца» [19, с. 2]. В передовой статье актуализируются две угрозы: первая – коварный языческий восток (время Русско-японской войны), которому страна в жертву приносит своих сынов, вторая – общественная мысль, «всколыхнувшая в тяжелую годину» непонятное самообличение, обидное и бесцельное самобичевание, призывы к самоисправлению. Однако само слово «революция» в первой половине 1905 г. употреблялось довольно

редко. Чаще всего вместо него использовались либо эфемизмы, либо (по мере нарастания революционных событий) метафоры и эмоционально-оценочные суждения. Так, в февральском номере 1905 г. нейтрально говорится о массовом рабочем движении, о том, что до боли грустно читать о стачках и забастовках, отмечается, что воспитывающая школа не должна обходить их молчанием. Редакция издания видит в происходящих событиях упрек «ревнителям народного просвещения... в недостаточной подготовке к жизни питомцев своих школ и предостерегающий призыв к более добросовестному исполнению своего долга, состоящего... в воспитании родине честных и мирных граждан» [20, с. 58]. Однако с лета 1905 г. слово «революция», как синоним «тяжких, многоскорбных времен», «ужасного кошмара», «побеждающего насилия», активно используется авторами издания.

Сюжет о грядущем конце «родной земли», соотносящийся с революционными событиями, можно назвать сквозным для передовых статей и рубрики «Наш дневник» на всем протяжении изучаемого периода. Приведу типичную в этом смысле реплику, позволяющую судить о риторических приемах, используемых для программирования читательской аудитории: «Давно воспевавшая приход “весны” известная часть нашего общества дождалась... и “теплого лета”. Без одежды внешней порядочности и без всяких прикрытий во всей наготе вышла она на простор и, несдерживаемая, не стройными голосами стала распевать о “правах” “свободного” гражданина. А среди этих общих голосов, позорящих и порицающих все коренное русское, слышались и подголоски наших учителей, мнимых “народников”... Сердце рвется от боли за Русь, раздраемую внешними смутами, а они тянут себе: свобода, свобода-о-да. Как походит на выкрикивание толпы полуголодных римлян: зрелищ, зрелищ, зрелищ...» [21, с. 190].

Показательны и заголовки текстов 1905–1907 гг.: «Жертвы современного молоха», «Все мечутся», «Потряженные». В публикациях активно используются риторические вопросы, обращения, практически все виды риторических восклицаний, антитезы, гиперболы, градации (чаще всего климакс) и метафоры. По мере нарастания революционных событий эмоциональная, в том числе метафорическая насыщенность текстов усиливается, очевидно стремление редакции держать читателей в постоянном напряжении. Так, анонимный рецензент на брошюру Яковлевича «Русская революция и еврейская социал-демократия» (Харьков, 1905) в марте 1906 г. восклицает: «Время ужасов и неудержимого помешательства на забастовках заставляет, без сомнения, всех тех, кому вверено воспитание детей, обратить на это губительное для нашей несчастной родины явление. Не только взрослые, но даже и юноши и дети... слышат часто о забастовках и революции..., которые чинят мятежники, недвольные существующим строем жизни и готовые поправить все святое, дорогое православным людям. Вот почему... добрым руководителям детей и труженикам

школ небесполезно ознакомление с сущностью революционного движения в целях уяснения его тем, кто инстинктивно отвращается от всех замыслов революционеров, но не понимает существа этого пагубного явления» [22, с. 100].

Журнал активно обращается и к такому приему идеологического программирования, как многократные повторы ключевых слов-маркеров. Причем этот прием характерен для всех рубрик издания. В качестве примера с уже знакомыми нам словами приведу стихотворение опять-таки с «говорящим» названием «Скорбь русского сердца», причем соотносящееся с наблюдаемыми автором революционными событиями. Автор – предположительно, согласно словарю И.Ф. Масанова, священник С.А. Козубовский, помимо упомянутых повторов, апеллирует к ценностям традиционной культуры: «Забыты заветы, забыты преданья, забыт и труд честный с молитвой святой. Повсюду лишь горе, стон и страданье, погромы, пожары, кровь льется рекой... И колют, и режут, и грабят открыто, терзают жестоко родную страну ...» [23, с. 233].

Однако, давая эмоциональную оценку революционным событиям, акцентируя основное внимание на стачках, забастовках, уличных беспорядках, съездах земских учителей, Манифесте 17 октября 1905 г., авторы журнала старались формулировать перед учителями ЦПШ конкретные задачи текущего момента. Типична следующая реплика внутреннего обозревателя журнала: «Да, великая работа и великие задачи предстоят нашей школе – воспитать в подрастающем молодом поколении должные понятия об уважении чужой собственности, чужого имущества, о труде, о религии. И вот когда чувствуется особенно настоятельная, неотложная необходимость иметь народных учителей с твердым нравственным направлением, которые воспитанию детей отдавали бы должное место и не избирали бы детей объектами для проведения “просветителями” разных теорий и идей, не имеющих ничего общего с народным православно-русским обучением детей» [24, с. 327]. При этом, провозглашая необходимость борьбы с идеями, вызвавшими революцию, авторы журнала формулировали задачи и созидательного характера, например, говорили о необходимости участия школы в подготовке учеников к роли народных представителей в новых выборных органах власти, в том числе в Государственной думе, «для сознательного и плодотворного участия в устройении счастья и благополучного преуспеяния дорогой родины – в устройении, к которому государем призваны лучшие ее представители» [25, с. 129].

К 1907 г. по мере угасания революционной активности интересующая нас тема становилась все менее актуальной для журнала. В мае 1907 г. священник А.Д. Италинский с удовлетворением констатировал, что революция существенно не повлияла ни на рост количества ЦПШ, ни на количество учащихся, ни на школьную дисциплину, сами же учителя (за единичными исключениями) играли скорее пассивную, чем активную роль в революционных событиях: «Итак, ниче-

го существенного и важного в судьбе наших церковных школ не произошло. Из горнила революции вышли они чистыми и почти неприкосновенными» [26, с. 156].

ДЕТИ – ЖЕРТВЫ И ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ

Остановимся на контекстах и приемах формирования образов революции в журнале. Один из них – актуализация темы детских страданий и жертв в связи с тлетворным влиянием революции как триумфа «современной язвы нигилитины» и «западных идей».

В декабре 1906 г. журнал сообщал «леденящие душу» подробности о героической смерти от рук дружинников-мятежников маленького героя – сына московского мещанина Александра Линера, который мешал им строить баррикады. Завязка рассказа о подвиге «маленького героя из народа» в определенной степени типична и показательна для понимания риторики «говорения» о Первой русской революции: «Несомненно слухи о недавних декабрьских, и особенно, московских, ужасах успели уже распространиться по самым отдаленным уголкам нашей многоскорбной родины. Но среди этих ужасов с особою неумолимою живучестью встает перед нами одна, леденящая душу, подробность, которая, может быть, прошла незамеченно в местных органах печати, склонной иногда затушевывать подвиги скромных героев, часто жертвующих своей жизнью ради блага родины» [27, с. 66]. Далее на основе одной из московских газет (ее название в тексте не упоминается) следует описание действий мальчика, начавшего «своими слабыми ручонками с мужеством достойным взрослого» убирать хлам и перерезать проволоку, при помощи которых были сделаны баррикады. Позволю себе привести еще один отрывок из текста: «Тогда мятежники, видя, что работа мальчугана не бесплодна, схватили его... и через мгновение недалеко от баррикад лежал окровавленный трупик мальчика, послужившего своими малыми силами делу разрушения баррикад» [27, с. 66].

Можно сказать, что тема детей актуализировалась на страницах педагогического журнала при помощи двух ключевых сюжетов – детей-жертв (реальных или потенциальных) и детей-героев, описание которых по многим параметрам близко к каноническим описаниям пионеров-героев в детских изданиях конца 1920–1930-х гг. При этом, как принято в патриотическом дискурсе начала XX в., критерием героизма был не столько поступок ребенка, сколько его принадлежность «к нашим», т.е. выступление на стороне той «мы-группы», интересы которой формировало и отражало издание. К примеру, о похожем поступке мальчика, защищавшего баррикады, построенные рабочими, мы встречаем практически «зеркальный» текст, в котором оценки поступка и мальчика заменены на противоположные в сравнении с описанием смерти Саши Линера.

«В библиотеке “Юного читателя” есть один рассказ “Из жизни уличного мальчика”. Герой этого рассказа – продукт свободного воспитания. Способный мальчик-шалун, он спокойно разгуливает по улице.

Попад в толпу забастовщиков и не будучи в состоянии справиться с охватившим (где же свобода?) его общим настроением, он “бунтует”, “кричит”, берет “красный флаг”, протягивает руку с камнем и падает под пулей... Вот самоопределяемость предоставленного свободно-му саморазвитию юнца... Это ли идеал? Мальчик погиб от пули... А что бы было с этим дитятей свободы, если бы он благополучно избавился от нее?» [28, с. 54].

Ключевая характеристика детей в журнале – признание их в качестве объекта заботы и защиты от действий «богопротивных» сил. Показателен в этом смысле риторический вопрос из рубрики «Наш дневник»: «Итак, всюду политика, политика и политика: все приносится в жертву политике. Забываются при этом и дети. Разве не забвение, даже более, разве не пренебрежение детьми, если и школа, и храм – это общее училище благочестия, превращаются в насадителей нужной врагам нашей родины политики?!» [29, с. 200].

КТО ВИНОВАТ В РЕВОЛЮЦИИ?

Один из способов конструирования образов революции в издании – поиск причастных к тому, что она стала возможной. Главным виновником «наших немочей» называлась русская интеллигенция, некритически усвоившая западные идеи, а главным спасителем – русский народ, сильный своей искренней православной верой. К примеру, в статье Д. Введенского с символическим названием «Без крыльев» (июль 1906 г.) читаем: «Душно русскому народу от всего иноземного, от европейской свободы... Просит он воли честному труду, не хочет свободы преступным деянием, не желает воспитывать детей без заповедей закона Божия – по одномумышлению человеческому... И однако ему навязывают эту “свободу”, его заставляют быть свободным, освобождают его детей от подчинения высшему – и Божескому, и человеческому авторитету. И он, не умеющий использовать и осмыслить эту свободу, чувствует какой-то душевный разлад, какую-то сердечную тугу...» [30, с. 158].

Отмечу, что собирательный образ Запада на страницах издания достаточно амбивалентен, что, в принципе, присуще культурно-географическим образам как феномену массового и индивидуального сознания. С одной стороны, западная культура в самом широком смысле была несомненным авторитетом для сотрудников журнала, и они идентифицировали себя с ее достижениями, называя передовой. Так, один из его идеологов Д.И. Введенский писал: «... увлекаясь западной культурой, мы как-то плохо воспринимаем лучшее из нее... Мы говорим об общеобязательности обучения, но эта “общеобязательность” у нас почти всегда направляется желанием изгнать из школы воспитывающее обучение. <...> По долгу совести и во имя лучшей настроенности детей и, если нужно говорить об авторитете Запада, то и во имя этого авторитета, мы должны дать им “духовный хлеб”, мы должны воспитывать их в правилах честности и нравственной порядочности» [31, с. 43, 46].

Вместе с тем, Запад позиционировался как символический «Другой», и та часть русской интеллигенции, которая рассматривала Россию как часть западной культуры, игнорируя национальную специфику, обусловленную православием, монархией и самобытностью русского народа-богоносца и патриота, наделялась ответственностью за распространение атеизма, утилитаризма, идей революционного переустройства общества. Суть отношения редакции издания к Западу, наверное, четче других сформулировал неоднократно упомянутый Д.И. Введенский: «Пусть же смолкнут голоса непривзванных пророков, желающих угрожать нашему народу полным падением, если он не вкусит от плодов европейской цивилизации. Наш народ с его верою, с его беззаветною преданностью своей родине сам пророчески за себя, и его пророчество оправдывается жизнью по вере. И смысл этого пророчества ясен: Россия будет “непобедима”, если труженики школ и наш добрый русский народ, усвоив от передовой культуры все лучшее, не погасит вместе с тем в себе главного – православной веры и живого религиозного чувства» [19, с. 4–5].

Можно предположить, что образ Запада в журнале выполнял вполне прагматические и инструментальные функции: наиболее подходящие к случаю характеристики этого образа востребовались для подтверждения тех или иных авторских аргументов, в зависимости от которых и менялись оценочные суждения в отношении западной культуры, в том числе политической.

К виновным в «русской беде» – революции авторы журнала в первую очередь относили идейных противников ЦПШ, деятельность которых способствовала «революционной смуте»: учителей земской школы, издателей детских и педагогических журналов (таких как «Юный читатель», «Учитель» и др.), участников учительских и земских съездов. Для авторов журнала типичен следующий вариант конструирования образа сторонников светского начального образования как чужих русскому народу сил (про областной съезд учителей Владимирской губернии): «Точно коршуны кровожадные со всех сторон налетели на Русский народ разные, “чуждые ему по вере и крови” его мнимые радители – развратители, точно черные вороны они выются и каркают над необозримыми пространствами нашей родной земли. То слетаются они на разные “съезды” и “митинги”, – то разлетаются по своим гнездам, чтобы зорко наблюдать, как бы не ушла от них добыча» [32, с. 27].

Номер за номером журнал разоблачал «происки» сторонников светского образования, начиная с срывания масок с таких многообещающих заявлений: «Личина сброшена!», «Суди, Господи, обидевших мя!». В полемической статье «Всуе мятутся!», подписанной «учитель И. Скородумов», автор рассуждает о пагубности и беспочвенности атеизма, называя его новой религией, и соотношении знания и веры. Признавая основными преимуществами христианской религии то, что она дает понятное всем решение всех

вопросов и, в отличие от науки, живущей верой в будущее, призрачное, несбыточное, верит в вечное, настоящее, духовное, непреложное, Скородумов обвиняет сторонников светской школы в незнании народа. Обвинение интеллигенции в незнании своего народа – одно из самых часто встречающихся в журнале, является своего рода каркасом для конструирования образа этой социокультурной группы (он, как и образ «правильного» учителя, тоже выстраивался по принципу бинарных оппозиций по отношению к народу: педагоги ЦПШ – те, кто знает народ, близок к его запросам, является его помощником, и интеллигенты (западники, либералы) – чужие и чуждые народу, толкающие его в «пропасть безверия и смуты»). Сошлюсь на одно из многих характерных в этом смысле высказываний: «Сами потеряли Бога, разлюбили родину, сами живут в состоянии крайней нравственной неудовлетворенности и других зовут на путь пагубы. Вожди слепые, врачи неисцеленные! Отняв Бога, что вы дадите взамен? Вашу хваленую абстрактную науку, которой имя – пустота, суета, которая вас – пророков безбожия – не удовлетворяет? Вы не знаете народа, души народной» [33, с. 86].

НА КОГО ОПИРАТЬСЯ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Наряду с разоблачением виновников революции, редакция журнала конструировала свой пантеон героев, на которых должны были равняться «учащие» и учащиеся ЦПШ. Этих героев можно разделить на две группы: 1) герои для народа – его учителя и наставники; 2) герои из самого народа.

Герои-наставники – митрополит Филарет, «верный страж» К.П. Победоносцев, «друг народа» С.А. Рачинский. Смысл им посвященных дидактических статей, как правило, раскрывался в первых же строчках, схожих по смыслу с отзывом С. Козубовского о Рачинском: «В настоящее время, когда все смешалось – и доброе, и злое, и ложь, и истина, и любовь, и злоба, особенно важно останавливаться на тех явлениях жизни и на тех светлых личностях, в коих с поразительной ясностью, с непререкаемой очевидностью воплотилась невозмущенная правда жизни, истина евангельская» [34, с. 85]. В числе достоинств тех, кому следует подражать учителям ЦПШ, встречаем такие характеристики: любовь к народу, не позволяющая «насиловать и коверкать совесть и весь жизненный уклад крестьянской жизни во имя дурно понятой цивилизации и прогресса»; «смирненное» сознание, что народ не хуже, а лучше нас и у него многому нужно поучиться; нелюбовь к «интеллигенции, с ее умственной анархией и блужданием у алтарей богов иных»; стремление освободить народ от пьянства и векового невежества [34, с. 85–89]. «Да, это был верный, могучий страж земли Русской, охранитель национальных, исторически сложившихся особенностей Русского государства... Не экономические начала, не материальное благо, а «единство духовного самосознания» Русского народа и правительства – вот что, по нему,

должно было возвеличить Россию и обеспечить в ней внутренний мир», – читаем в некрологе К.П. Победоносцеву [35, с. 114].

По сути, редакция журнала развивала идеи самого Победоносцева о влиянии консервативной прессы на общественное мнение не только и не столько путем участия в полемике по насущным вопросам текущей повестки дня (в ней, по мнению обер-прокурора, либералы были чаще убедительнее консерваторов), а при помощи публикаций дидактически-назидательного характера – рассказов о славном прошлом, биографий «скромных тружеников провинции» – рядовых священников, учителей [6, с. 65].

В галерее героев из народа встречаем в основном собирательные образы без указания места жительства и других идентификационных характеристик: крестьянку вдову Василису, которая счастлива тем, что ее сыновья погибли за царя в Русско-японской войне, и сама была готова пойти на войну [19, с. 2–5]; отставного солдата, на последние деньги покупающего книги религиозного содержания [36, с. 127–128] и др.

Можно предположить, что именно такие герои воплощали идеал «народного православия», трактуемый редакцией журнала в рамках понятной читателям схеме: религиозность, монархический патриотизм, приверженность всему исконно русскому (патриархальная семья, уклад жизни предков), отрицание чуждых и враждебных русской жизни новаций (земской школы, светской литературы и др.).

ФУНКЦИИ ЖУРНАЛА В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Анализ публикаций «Божией нивы» о революции дает основания утверждать, что журнал присваивал себе директивные функции и претендовал на прямое управление действиями своих читателей, что, впрочем, было характерно и для подавляющего большинства светских «направленческих» ежемесячников второй половины XIX – начала XX в. В этом смысле показательна следующая цитата: «Грустно, грустно до боли было читать сообщения периодической печати о стачках и забастовках рабочих... Но да не будет ... предателей в среде честных тружеников нашей православной русской школы. Пусть сплотятся они воедино и своей напряженной работой и дружным усилием восстанут против развития в подрастающем поколении узкого, своекорыстного эгоизма» [20, с. 58–59].

Важной для журнала была контролирующая функция. Главным образом она подразумевала контроль за чтением педагогов и учащихся. Исследовательница О. Лучкина подробно охарактеризовала Св. Синод как один из центральных институтов детской рекомендательной библиографии в позднеимперской России [37]. Материалы журнала позволяют утверждать, что сотрудники издания претендовали не только на рекомендацию желательной, с их точки зрения, литературы, но и на запрет тех текстов, которые способствовали распространению атеизма и революцион-

ных идей. Квинтэссенция позиции журнала по этому вопросу может быть сформулирована словами из рубрики «Наш дневник»: «Долг всякого честного руководителя стать на страже детской чистоты и невинности и во имя этой чистоты детской природы решительно отметить все, что приносится в среду детей “прелазящими от иуды”. Чем сильнее наступает на нас враг, тем настойчивее нужно противостоять ему, чем более он будет стараться обмирщить наших детей, тем решительнее мы должны одухотворять их и иметь руководственное попечение о том, что читать им» [38, с. 184].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в годы Первой русской революции борьба с ней становится основной темой журнала. Революцию описывали при помощи метафор смерти, болезни, разрушения; ЦПШ признавали оплотом борьбы с революцией и с врагами православной Руси (революционерами, атеистами, социалистами). При конструировании образа врага журнал использует приемы, которые впоследствии оказались востребованы в революционных событиях 1917 г. и Гражданской войны всеми воюющими сторонами: апелляция к детским страданиям, присвоение права вещать от имени народа, демонизация врага. Тексты «Божией нивы» содержат следующие дискурсивные жанры прямого управления действием: 1) с помощью дискурса, выполняющего директивные прагматические функции, а именно – регуляций, инструкций; 2) при помощи формирования образа другого как врага, осуждение которого было призвано сплотить единомышленников; 3) контролирующего дискурса; 4) помимо принуждающих форм дискурса, воздействие на предполагаемые действия достигалось с помощью описания будущих или возможных событий, действий и ситуаций, например в форме прогнозов, которые часто комбинируются с разными видами советов.

Однако и в годы Первой русской революции журнал продолжает выполнять консолидирующую функцию, создавая общее коммуникативное пространство для педагогов ЦПШ, предоставляя им возможность и для обсуждения профессионально и лично значимых проблем, обмена опытом; информационную функцию – сообщая о новых книгах, значимых событиях и явлениях в жизни Русской православной церкви; идентификационную – давая возможность отождествлять или не отождествлять себя с профессиональным сообществом педагогов ЦПШ, осознавать ценности этого сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX века. СПб., 2008. 266 с.
2. *Кашеваров А.Н.* Печать Русской Православной Церкви в XX в.: очерки истории. СПб., 2004. 162 с.
3. *Нетужилов К.Е.* Архимандрит Никон (Рождественский) и формирование «народной» церковно-консервативной журналистики в XIX веке // *Вестн. СПб ун-та.* 2008. Сер. 9. Вып. 3, ч. II. С. 320–324.
4. *Нетужилов К.Е.* Церковно-педагогическая журналистика в России в конце XIX – начале XX века // *Изв. РГПУ им. А.И. Герцена.* 2009. № 93. С. 166–173.
5. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. 374 с.
6. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в 1890-е – начале 1900-х гг.: механизмы воздействия на общественное мнение // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России.* 2010. № 1. С. 60–73.
7. *Репников А.В.* Победоносцев Константин Петрович // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века / отв. ред. В.В. Шелохаев.* М., 2010. С. 362–368.
8. *Тесля А.А.* Русский консерватор: о системе политических воззрений К.П. Победоносцева 1870–1890-х гг. // *Социологическое обозрение.* 2017. Т. 16, № 1. С. 151–172.
9. *Ведерников В.В.* Православная церковь и политические реформы в период Первой русской революции // *Азиатская Россия: люди и структуры империи.* Омск, 2016. С. 281–289.
10. *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. 623 с.
11. *Житнев Т.Е.* Школы грамоты Российской империи конца XIX – начала XX в. // *Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева.* 2014. № 4 (17). С. 183–191.
12. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. 253 с.
13. *Леонтьева Т.Г.* Церковно-приходская школа в системе начального образования второй половины XIX века // *Неизвестные страницы истории Верхневолжья.* Тверь, 1994. С. 33–43.
14. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А.Ю. Полунова. М., 2015. 448 с.
15. *Гончаров М.А., Плохова М.Г.* Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – начале XX в. // *Вестн. православного Свято-Тихоновского гуманит. ун-та. Сер. 4. Педагогика, психология.* 2012. № 2 (25). С. 101–117.
16. *Житнев Т.Е.* Деятельность Русской Православной Церкви в сфере народного образования в конце XIX – начале XX века // *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика.* 2012. № 19 (138), вып. 24. С. 109–113.
17. *Тен А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М., 2014. 344 с.
18. Нашим читателям // *Божия нива (далее – БН).* 1905. № 46. С. 241–243.
19. *Введенский Д.И.* По поводу событий минувшего года // *БН.* 1905. № 37. С. 2–5.
20. Наш дневник // *БН.* 1905. № 38. С. 58–60.
21. Там же. № 43. С. 190–191.
22. Библиография // *БН.* 1906. № 51. С. 100–101.
23. [*Козубовский С.А.*] Скорбь русского сердца // *БН.* 1906. № 57. С. 233–234.
24. Наш дневник // *БН.* 1906. № 49. С. 325–327.
25. Посевы и всходы // *БН.* 1906. № 52. С. 129–131.
26. *Италинский А.* Из дневника епархиального наблюдателя: под грозой октябрьских и декабрьских событий 1905 г. // *БН.* 1907. № 65. С. 153–156.
27. Наш дневник // *БН.* 1906. № 50. С. 66–67.
28. *Введенский Д.И.* Скучно жить // *БН.* 1907. № 62. С. 50–54.
29. Наш дневник // *БН.* 1906. № 55. С. 197–200.
30. *Введенский Д.И.* Без крыльев // *БН.* 1906. № 54. С. 158–162.
31. *Введенский Д.И.* Во имя нравственности и авторитета Запада... // *БН.* 1906. № 50. С. 42–46.
32. Наш дневник // *БН.* 1906. № 49. С. 27–30.
33. *Скородумов И.* Все мнутяся // *БН.* 1907. № 63. С. 85–87.
34. *Козубовский С.А.* За кем нам идти? (Друг народа С.А. Рагинский) // *БН.* 1906. № 51. С. 85–89.

35. *Введенский Д.И.* Верный страж // БН. 1907. № 64. С. 114–117.

36. *Козубовский С.А.* Русские классики как воспитательный материал для школьного и народного чтения // БН. 1905. № 41. С. 127–131.

37. *Лучкина О.* Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие // Детские чтения. 2012. Т. 2. № 2. С. 115–135.

38. Наш дневник // БН. 1907. № 66. С. 183–184.

REFERENCES

1. *Netuzhilov K. E.* Church periodicals in Russia in the XIX century. Saint Petersburg, 2008, 266 p. (In Russ.).

2. *Kashevarov A. N.* The seal of the Russian Orthodox Church in the XX century: essays on history. Saint Petersburg, 2004, 162 p. (In Russ.).

3. *Netuzhilov K. E.* Archimandrite Nikon (Rozhdestvensky) and the formation of “popular” church-conservative journalism in the 19th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9*, 2008, no. 3, pt. 2, pp. 320–324. (In Russ.).

4. *Netuzhilov K. E.* Church-pedagogical journalism in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 2009, no. 93, pp. 166–173. (In Russ.).

5. *Polunov A. Y. K.P. Pobedonostsev* in the socio-political and spiritual life of Russia. Moscow, 2010, 374 p. (In Russ.).

6. *Polunov A. Y.* Constantin Pobedonostsev in the 1890s – early 1900s: mechanisms of influence on the public opinion. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya Istoriya Rossii*, 2010, no. 1, pp. 60–73. (In Russ.).

7. *Repnikov A. V.* Pobedonostsev, Konstantin Petrovich. *Russkiy konservativizm serediny XVIII – nachala XX veka*. Moscow, 2010, pp. 362–368. (In Russ.).

8. *Testya A. A.* The Russian conservative: on the system of political views. Pobedonostsev 1870–1890s. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2017, vol. 16, no. 1, pp. 151–172. (In Russ.).

9. *Vedernikov V. V.* The Orthodox Church and political reforms during the period of the First Russian Revolution. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, 2016, pp. 281–289. (In Russ.).

10. *Firsov S. L.* The Russian church on the eve of changes: (late 1890s – 1918). Moscow, 2002, 623 p. (In Russ.).

11. *Zhitenev T. E.* Schools of literacy of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2014, no. 4, pp. 183–191. (In Russ.).

12. *Leont'eva T. G.* Faith and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. Moscow, 2002, 253 p. (In Russ.).

13. *Leont'eva T. G.* Parish school in the system of primary education of the second half of the XIX century. *Neizvestnye stranitsy istorii Verkhnevolzh'ya*. Tver, 1994, pp. 33–43. (In Russ.).

14. *Manchester L.* Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia: transl. by A. Y. Polunov. Moscow, 2015, 448 p. (In Russ.).

15. *Goncharov M. A., Plokhova M. G.* Parish schools and their place in preparing teachers in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4. Pedagogika, psikhologiya*, 2012, no. 2, pp. 101–117. (In Russ.).

16. *Zhitenev T. E.* The Russian Orthodox church in the sphere of public education in the late XIX – early XX centuries. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2012, no. 19, iss. 24, pp. 109–113. (In Russ.).

17. *Van Dijk T. A.* Discourse and power: representation of dominance in language and communication. Moscow, 2014, 344 p. (In Russ.).

18. To our readers. *Bozhiya niva*, 1905, no. 46, pp. 241–243. (In Russ.).

19. *Vvedensky D. I.* On events of the past year. *Bozhiya niva*, 1905, no. 37, pp. 2–5. (In Russ.).

20. Our diary. *Bozhiya niva*, 1905, no. 38, pp. 58–60. (In Russ.).

21. Our diary. *Bozhiya niva*, 1905, no. 43, pp. 190–191. (In Russ.).

22. Bibliography. *Bozhiya niva*, 1906, no. 51, pp. 100–101. (In Russ.).

23. *Kozubovsky S. A.* The sorrow of the Russian heart. *Bozhiya niva*, 1906, no. 57, pp. 233–234. (In Russ.).

24. Our diary. *Bozhiya niva*, 1905, no. 48, pp. 325–327. (In Russ.).

25. Crops and seedlings. *Bozhiya niva*, 1906, no. 52, pp. 129–131. (In Russ.).

26. *Italinsky A.* From the diary of a diocesan observer: under the thunderstorm of the October and December events of 1905. *Bozhiya niva*, 1907, no. 65, pp. 153–156. (In Russ.).

27. Our diary. *Bozhiya niva*, 1906, no. 50, pp. 66–67. (In Russ.).

28. *Vvedensky D. I.* It's boring to live. *Bozhiya niva*, 1907, no. 62, pp. 50–54. (In Russ.).

29. Our diary. *Bozhiya niva*, 1906, no. 55, pp. 197–200. (In Russ.).

30. *Vvedensky D. I.* Without wings. *Bozhiya niva*, 1906, no. 54, pp. 158–162. (In Russ.).

31. *Vvedensky D. I.* In the name of the morality and authority of the West... *Bozhiya niva*, 1906, no. 50, pp. 42–46. (In Russ.).

32. Our diary. *Bozhiya niva*, 1906, no. 49, pp. 27–30. (In Russ.).

33. *Skorodumov I.* Everybody is in a rush. *Bozhiya niva*, 1907, no. 63, pp. 85–87. (In Russ.).

34. *Kozubovsky S. A.* For whom should we go? (S. A. Rachinsky, a friend of the people). *Bozhiya niva*, 1906, no. 51, pp. 85–89. (In Russ.).

35. *Vvedensky D. I.* Faithful guardian. *Bozhiya niva*, 1907, no. 64, pp. 114–117. (In Russ.).

36. *Kozubovsky S. A.* Russian classics as an educational material for school and people reading. *Bozhiya niva*, 1905, no. 41, pp. 127–131. (In Russ.).

37. *Luchkina O.* Silhouettes of leaders of children's reading: priest, minister, general and others. *Detskie chteniya*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 115–135. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.02.2020

Дата рецензирования 28.02.2020

Статья принята к публикации 02.04.2020

DOI: 10.15372/HSS20200208
УДК 94 (571.5)"1904/1907"

Е.В. ПЛОТНИКОВА

ЗАЕМЩИКИ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ТОРГОВОГО БАНКА В 1904 – 1907 гг.

Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

В статье дается характеристика и классификация заемщиков Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. Анализируется состав заемщиков банка. Исследуется банковская политика в отношении кредитруемых лиц. На основании проведенного анализа отмечается отсутствие четко регламентированной политики Иркутского отделения банка в отношении заемщиков при сохранении тенденции к увеличению кредитного лимита в зависимости от годовых оборотов и товарного обеспечения клиентов. Подчеркивается исключительное отношение кредитного института к сообществу наиболее крупных предпринимателей, обратившихся в банк за кредитным ресурсом. Делается вывод о преимущественном кредитовании Иркутским отделением банка мелкого и среднего сегмента бизнеса дореволюционной России.

Ключевые слова: Иркутское отделение Сибирского Торгового банка, заемщики, банковская кредитная политика, денежный оборот, капитал.

E.V. PLOTNIKOVA

BORROWERS OF THE IRKUTSK BRANCH OF THE SIBERIAN COMMERCIAL BANK IN 1904–1907

Irkutsk State University,
1, K. Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

The paper objective is to establish directions of the credit policy of the Irkutsk Branch of the Siberian Trade Bank in 1904–1907. The following tasks have been set and solved: to find archival documents relating to credited persons and entities in the Branch; to identify the range of individuals and organizations credited to the Branch during the specified period; to structure and analyze data on borrowers' compartment; to conclude on the Branch policy related to credited individuals and organizations range. The article relevance is due to the lack of information in the scientific circulation about the private banking sector activity in the region, in general, and the local branch of the Siberian Commercial Bank, in particular. At present, there is no analysis of the lending volume, composition of credited individuals and organizations, and therefore it is impossible to make a more or less reliable idea on the direction of the regional banking policy during the pre-revolutionary period. This work is intended to fill a gap in the history of the private banking sector's development in the Irkutsk Province concerning the local branch activity of the Siberian Commercial Bank in terms of lending. The research is based on the principles of historicism and objectivity. The author used along with general scientific approaches of cognition, which include analysis, synthesis, generalization, also methods of special historical research: historical-genetic, historical-comparative, and historical-systematic ones. Based on the study the author made conclusions about the absence of a well-regulated policy of the Bank's Branch in relation to borrowers while maintaining a tendency to increase the credit limit depending on the annual turnover and commodity security of customers; the exclusivity of the banking institute's attitude to the community of the largest entrepreneurs applied to the Bank for credit resources; the preferential lending to small and medium-sized business segments by the Irkutsk Branch of the Siberian Commercial Bank in pre-revolutionary Russia.

Key words: Irkutsk Province, Irkutsk, Irkutsk Branch of Siberian Commercial Bank, borrowers, Bank credit policy, money turnover, capital of entrepreneurs

Елена Владиславовна Плотникова – аспирант, Иркутский государственный университет, e-mail: elena-angarsk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3171-7261>

Elena V. Plotnikova – Postgraduate Student, Irkutsk State University.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории развития банковских учреждений в России предполагает анализ совокупности условий их образования, общих этапов эволюции, организационно-правовых и административных основ управления, а также деятельности плеяды выдающихся личностей, которые стояли во главе их основания и создания системы их управления. Кроме того, понимание процессов формирования и эволюции банковской сферы требует знания количественной составляющей, нашедшей свое отражение в банковских отчетах, сохранившихся в архивных фондах кредитных учреждений. Значение банковской отчетности как источника для изучения деятельности дореволюционных российских банков отмечали такие историки, как В.И. Бovyкин и С.А. Саломатина [5, с. 3]. Анализ количественных данных банковской отчетности значительное внимание в своих трудах уделяли советские историки И.Ф. Гиндин [2], П.И. Лященко [3], В.И. Бovyкин [1], Г.Х. Рабинович [4].

Финансовые показатели и другие количественные данные свидетельствуют о направленности кредитной политики банка, ее соответствии нуждам эпохи, развитию промышленного сектора страны и региона, а также об успешности функционирования кредитного учреждения в целом. Актуальность исследования отдельных периодов деятельности региональных банков и их отделений, а также общего процесса их развития объясняется в первую очередь малой изученностью этих явлений. На сегодняшний день публикации, затрагивающие историю развития Иркутского отделения Сибирского Торгового банка, практически отсутствуют. Это обусловлено небольшим объемом и фрагментарностью сведений об отделении, хранящихся в местных архивах.

Цель данной статьи – систематизировать имеющиеся сведения о составе заемщиков Иркутского отделения банка в 1904 – 1907 гг. и на основании их детального анализа дать характеристику кредитной политики отделения в указанный период.

Сибирский Торговый банк был учрежден на основании устава, утвержденного 5 июля 1872 г. в г. Екатеринбурге¹. Банк являлся акционерным, среди его учредителей были такие видные государственные деятели, как П.А. Шувалов и П.П. Дурново, известный купец и финансист Г.О. Гинцбург, промышленник и общественный деятель М.А. Нуров, военный и наследственный золотопромышленник В.И. Асташев, банкир и крупный золотопромышленник Н.Д. Бенардаки, крупный финансист и общественный деятель Л.М. Розенталь. В г. Иркутске отделение Сибирского Торгового банка открылось 25 февраля 1873 г.²

ССУДНАЯ ОПЕРАЦИЯ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
БАНКА В 1904 – 1907 гг.

В архивах банка отсутствуют сплошные статистические данные о работе отделения на протяжении всего его существования, однако, в рамках конкретного периода (1904 – 1907 гг.) вполне возможно проследить состав заемщиков и размеры предоставляемых кредитов.

Всего за указанный период в банк обратилось 187 чел. Это были выходцы из разных сословий дореволюционной России, но все составляли, как сейчас принято говорить, одно предпринимательское сообщество. Кредитной поддержки банка искали представители купеческого сословия, мещане, а также крестьяне, ведущие предпринимательскую деятельность по торговым свидетельствам. Кроме них, в банк обращались различные организации, преимущественно представлявшие собой товарищества и торговые дома. Среди последних отмечены товарищества «Филатов и Цицерман», «Иркутское Лесопромышленное», «Русско-Азиатское», «Бр. Грейсер», торговые дома «С.Е. Шишкин и К^о», «Лушникова Наследники», «Вульф», «Братьев Полотовых Помус и К^о» и др.³

В Иркутское отделение банка обращались не только местные, но и иногородние предприниматели, в том числе красноярский ситопромышленник Ш.П. Капулин, Кожевников из с. Полотняный Завод Калужской губернии, Мокржицкий из Могилевской губернии, Сендарович из с. Кабанск, Новомейский из г. Баргузин, Шенфиль из Верхнеудинска Забайкальской области, Манусович из Томской области, Круглихин из Ново-Николаевска, Андреев из Челябинска, Голых из Енисейска, торговые дом «Бр. С. И. Х. Славины в Одессе» из Одессы и др.⁴ Среди заявителей были и иностранные граждане: Бансвур из г. Вильны, Мовшович из Варшавы, Литвин из Лодзи, Райхштейн из г. Лаузи (Германия)⁵.

Из 187 заявлений, поданных с целью открытия кредита, в делах банка сохранилось 178. Не все из них были одобрены банком, среди последних – заявление Мишарина из с. Тутурское Иркутской губернии, Литвина из Лодзи (Польша), Вайнталя из Верхнеудинска. В случае одобрения кредита на заявлении делалась соответствующая отметка с указанием одобренной отделением банка суммы. Следует отметить, что отдельные заявления не содержат пометок, разрешающих или запрещающих открытие кредита, поэтому нельзя с уверенностью сказать, относились ли их податели к заемщикам банка. Возможно, данные таких заявлений подлежали дополнительной проверке или заявителя требовали индивидуального клиентского подхода, о чем впоследствии делались дополнительные распоряжения, что, однако, не нашло отражения в банковских архивах. По крайней мере, ряд заявлений содержит отметки служащих бан-

¹ Устав Сибирского Торгового банка от 5 июля 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLVII. Отделение 2. С. 61. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9964/#page/62/mode/1up> (дата обращения: 18.01.2020).

² Иркутские губернские ведомости. 1873. 10 марта. С. 3.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 29, 60, 84, 133, 160, 165, 168, 171.

⁴ Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 3, 27, 28, 32, 33, 65, 73, 80, 154, 164, 180.

⁵ Там же. Л. 9, 36, 54, 87.

Таблица 1

Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. с денежным оборотом до 50 тыс. руб. в год

Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904 – 1907 with a cash turnover up to 50 thousand rubles per year

№ п/п	Заемщики Borrowers	Годовой оборот, руб. Annual turnover, RUB.	Размер одобренного кредита, руб. Approved loan amount, RUB
1	Попов М.И.	20 000	2 000
2	Вейсе Г.К.	25 000	1 000
3	Могилева А.Н.	25 000	3 000
4	Женжиров А.И.	30 000	2 000
5	Абашев Г.И.	30 000	2 000
6	Двинин В.М.	40 000	2 000
7	Максимович Н.П.	40 000	2 000
8	Румянцев С.А.	40 000	1 000
9	Шахновский С.З.	40 000	4 000
10	Кривоборский А.И.	45 000	1 000

Составлено и рассчитано по материалам: ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 14, 31, 109, 120, 130, 134, 138, 139, 167.

ка о том, что вопрос о предоставлении кредита «необходимо пока считать открытым». В данной публикации речь пойдет лишь о тех лицах, принадлежность которых к заемщикам банка можно с уверенностью установить. Таковых в 1904 – 1907 гг., согласно архивным данным, оказалось 76 чел.

По всей видимости, в отделении банка не существовало жестких требования относительно одобрения кредитов. Это можно объяснить тем, что в начале XX в. поток клиентов не был столь велик, как в современном мире, не имелось общих баз данных, позволяющих моментально проверить кредитную историю, и т.п., не последнюю роль при одобрении кредита играло и такое понятие, как деловая репутация и даже «нравственное положение клиента»⁶. Вероятно, при открытии кредита руководствовались индивидуальным подходом к заявителям. Об отсутствии четко регламентированных кредитных лимитов свидетельствуют цифры одобренных займов, не вполне коррелирующие с размерами годовых оборотов заемщиков. Например, размер кредита, одобренный в размере 3 тыс. руб., встречается как среди заемщиков с денежным оборотом 20 тыс. руб. в год, так и среди заемщиков, имеющих годовой оборот от 500 тыс. до 1 млн руб. Вместе с тем кредит в 25 тыс. руб. предоставлялся клиентам с годовым оборотом в 200 тыс. и 400 тыс. руб., тогда как для клиентов с оборотом в 300 тыс. руб. размеры кредитов обычно составляли 5 – 10 тыс. руб. Тем не менее зависимость размера одобренного займа от предпринимательского оборота все же прослеживается, сильно размытые кредитные рамки для разных категорий свидетельствуют о применении ярко выраженного индивидуального подхода к клиентам Иркутского отделения банка.

**ЗАЕМЩИКИ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ БАНКА
В 1904 – 1907 гг.**

Всех заемщиков банка в 1904–1907 гг. целесообразно подразделить на 8 категорий в зависимости от суммы годового оборота: до 50 тыс. руб.; от 50 до 100 тыс. руб.; от 100 до 200 тыс. руб.; от 200 до 300 тыс. руб.; от 300 до 400 тыс. руб.; от 400 до 500 тыс. руб.; от 500 тыс. руб. до 1 млн руб. и свыше 1 млн руб. (табл. 1).

Первая категория заемщиков входила в прослойку мелких предпринимателей г. Иркутска начала XX в. Половина из них занималась торговлей гастрономическими товарами, к которым относились мясные, рыбные, молочные, фруктово-бакалейные и хлебные продукты, другие торговали продукцией промышленного производства: галантерейными, металлическими, кожевенными и другими изделиями. Их обороты в год не превышали 45 тыс. руб., а стоимость товаров на складах достигала 20 тыс. руб. Лишь 60 % заемщиков этой категории имели недвижимость, остальные проживали в арендуемом жилье и занимались торговлей на съемных площадях. К последним относились: Г.К. Вейсе, А.И. Женжиров, С.А. Румянцев и А.И. Кривоборский⁷. Кредитная политика банка в отношении этих клиентов была осторожной, размер займов варьировался от 1 до 4 тыс. руб., что не превышало среднемесячного торгового оборота данной категории предпринимателей.

В вторую категорию заемщиков банка входило 23 чел. (табл. 2).

Это была самая многочисленная когорта предпринимателей в рамках приведенной классификации. Большинство из них занимались торговлей продовольствием. Только 9 из них не обладали собственной

⁶ ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 17. Л. 76–77.

⁷ Там же. Д. 11. Л. 31, 109, 130, 138.

Т а б л и ц а 2

Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. с денежным оборотом от 50 тыс. до 100 тыс. руб. в год

Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904 – 1907 with a cash turnover from 50 thousand to 100 thousand rubles per year

№ п/п	Заемщики Borrowers	Годовой оборот, руб. Annual turnover, RUB	Размер одобренного кредита, руб. Approved loan amount, RUB
1	Газин А.	50 000	2 000
2	Коновалов Ф.И.	50 000	1 000
3	Корот В.Р.	50 000	3 000
4	Нецель Г.Ю.	50 000	4 000
5	Пульман М.М.	50 000	2 000
6	Фруктер М.Л.	50 000	5 000
7	Шапиро И.Н.	50 000	4 000
8	Юдалевич Л.М.	50 000	5 000
9	Кабрицкий М.А.	60 000	2 000
10	Казиевский А.Б.	60 000	2 000
11	Брамзон Э.М.	70 000	3 000
12	Горелов Г.Н.	70 000	1 000
13	Егоров А.Е.	70 000	5 000
14	Сендарович И.Б.	70 000	2 000
15	Казанцев И.А.	72 000	10 000
16	Юдельсон С.И.	75 000	5 000
17	Виноградов И.Н.	80 000	2 000
18	Гершгорин Л.Б.	80 000	3 000
19	Шенфиль И.М.	80 000	5 000
20	Юревич Ф.М.	80 000	10 000
21	Кузьмичев И.Н.	85 000	5 000
22	Крылов Н.И.	90 000	5 000
23	Мармонтов А.Г.	90 000	3 000

Составлено и рассчитано по материалам: ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 8, 28, 30, 41, 47, 48, 50, 65, 66, 68, 71, 105, 107, 119, 131, 136, 141, 142, 145, 146, 170, 172, 176.

недвижимостью, из которых один проживал в доме супруги. В отношении этой категории политика банка была менее сдержанной: 14 клиентам были одобрены кредиты в размере до 4 тыс. руб.; 7 заявителям банк разрешил выдачу займа в размере 5 тыс. руб., а 2 предпринимателям одобрил десятитысячные кредиты – владельцу типографского бизнеса И.А. Казанцеву и Ф.М. Юревичу. Последний факт объясняется значительными размерами их капитала: стоимость недвижимого и оборотного капитала И.А. Казанцева составляла 132 тыс. руб., Ф.М. Юревича – 250 тыс. руб.⁸

В третью категорию заемщиков вошли предприниматели с годовым оборотом от 100 до 200 тыс. руб. (табл. 3).

Всего в категорию заемщиков с годовым оборотом от 100 тыс. до 200 тыс. руб. входило 11 чел. Торговлей продуктами питания в качестве основной или дополнительной деятельности занимались 7 из 11 предпринимателей. Нижний кредитный лимит для этой группы

предпринимателей составлял 3 тыс. руб., максимальный – 10 тыс. руб. Однако четкая кредитная политика банка в отношении этой категории заемщиков не прослеживается, так как, с одной стороны, банк одобрил выдачу кредита в размере 8 тыс. руб. иркутскому цеховому мастеру Р.Ф. Эйхлеру, имевшему недвижимость в г. Иркутске стоимостью всего 6 тыс. руб., и в то же время разрешил выдачу лишь четырехтысячного кредита крупному предприятию «ТД Никифор Дедюхин и сыновья», в собственности которого находились недвижимые активы, оценивавшиеся в 500 тыс. руб. Это подтверждает предположение о том, что на позицию банка при определении размера кредита влияли дополнительные обстоятельства, не всегда чисто экономического характера. Учитывались деловая репутация заявителя, личное знакомство, возможно, и востребованность на рынке результатов деятельности предпринимателя. В таком случае была бы легко объяснима выдача банком достаточно крупного пятидесяти тысячного займа Г.А. Сахаровому, занимавшемуся строительными подрядами: принимались во внимание

⁸ ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 172.

Т а б л и ц а 3

Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. с денежным оборотом от 100 тыс. до 200 тыс. руб. в год

Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904 – 1907 with a cash turnover from 100 thousand to 200 thousand rubles per year

№ п/п	Заемщики Borrowers	Годовой оборот, руб. Annual turnover, RUB	Размер одобренного кредита, руб. Approved loan amount, RUB
1	Рябинин И.П.	100 000	5 000
2	Протасов Г.И.	100 000	3 000
3	Меер И.К.	110 000	3 000
4	Галашев Г.Ф.	130 000	5 000
5	Сахаров Г.А.	140 000	5 000
6	Гайдаров Д.И.	150 000	5 000
7	ТД «Никифор Дедюхин и сыновья»	150 000	4 000
8	Капельман Н.Л.	150 000	5 000
9	Поляков И.И.	150 000	10 000
10	Эйхлер Р.Ф.	150 000	8 000
11	Лесов Т.Е.	180 000	3 000

Составлено и рассчитано по материалам: ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 12, 15, 51, 55, 103, 115, 118, 140, 173, 175, 185.

уже произведенные им работы при постройке зданий публичной библиотеки, общества «Утоли моя печали», Иркутской мужской гимназии, архиерейского дома, завода Дарнберга, типографии Казанцева и др. Заказчики могли давать рекомендации, характеризующие репутацию этого застройщика, его востребованность на рынке услуг, что могло повлиять на вышеуказанное ре-

шение банка о предоставлении кредита Г.А. Сахарову. Максимальный лимит выдаваемых банком денежных средств – 10 тыс. руб. – в этой категории предпринимателей получил золотопромышленник И.И. Поляков, что объяснялось ведущим положением данной отрасли горной промышленности в жизни Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Т а б л и ц а 4

Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. с денежным оборотом от 200 тыс. до 300 тыс. руб. в год

Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904 – 1907 with a cash turnover from 200 thousand to 300 thousand rubles per year

№ п/п	Заемщики Borrowers	Годовой оборот, руб. Annual turnover, RUB	Размер одобренного кредита, руб. Approved loan amount, RUB
1	Бутлицкий И.Г.	200 000	3 000
2	Гольдберг А.А.	200 000	7 000
3	Горбунов М.Д.	200 000	15 000
4	Левенсон А.С.	200 000	25 000
5	Манусович Х.И.	200 000	4 000
6	Миль А.С.	200 000	5 000
7	Самсонович А.Л.	200 000	10 000
8	Т-во Покровского стеклоделательного завода «Лейбович, Хаслявского и К ^о »	200 000	10 000
9	ТД «Бр. Полутовых Помус и К ^о »	200 000	20 000
10	Штейнер А.И.	200 000	3 000
11	Лесопромышленное т-во «П.С. Чернаенко и К.И. Самойлов»	225 000	8 000
12	Быков И.В.	250 000	14 000
13	Гватуа Н.Г.	260 000	7 000

Составлено и рассчитано по материалам: ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 11, 27, 52, 77, 82, 90, 110, 117, 122, 129, 133, 158, 159.

В четвертой категории заемщиков (табл. 4) следует отметить возросшую долю организаций – 23 % от клиентов этой категории. Почти всем из них были одобрены значительные кредиты в размере от 8 до 20 тыс. руб. Наибольший заем из обратившихся в банк организаций получил ТД «Братьев Полутовых Помус и К^о», размер которого составил 20 тыс. руб., что было обосновано широким масштабом его торговли в г. Иркутске. В качестве гарантий обеспечения кредита товарищество указало имущество стоимостью 200 тыс. руб. и 150 тыс. руб. оборотного капитала. Среди частных лиц наиболее кредитоспособными, по мнению банка, были иркутский купец второй гильдии А.С. Левенсон, занимавшийся торговлей на Лене, иркутский купец М.Д. Горбунов, осуществлявший мясную торговлю в г. Иркутске, и мещанин И.В. Быков – держатель гостиничного бизнеса, с оборотом 250 тыс. руб. в год; им были одобрены займы в 25, 15 и 10 тыс. руб. соответственно.

В пятую категорию заемщиков вошли всего два предпринимателя, имевшие годовой оборот от 300 тыс. до 400 тыс. руб. (табл. 5).

А.С. Френкель с 1894 г. торговал в г. Иркутске крупными, а также мясными и жировыми товарами. Он имел товарных остатков на складах на сумму 150 тыс. руб. и 150 тыс. руб. собственного капитала, вложенного в дело. Недвижимостью в г. Иркутске не владел. Е.Г. Цыгальницкий являлся верхнеудинским купцом, занимавшимся продажей мануфактурных товаров.

В свое дело он вложил собственный капитал в размере 350 тыс. руб., в Верхнеудинске у него имелся дом, оцениваемый в 55 тыс. руб.

Оба предпринимателя, вошедшие в данную категорию заемщиков, обладали значительным собственным капиталом в виде недвижимых и оборотных активов, сопоставимым с их годовым денежным оборотом. Е.Г. Цыгальницкий смог рассчитывать на больший кредит по сравнению с А.С. Френкелем, так как, в отличие от последнего, в дополнение к оборотному капиталу обладал недвижимым имуществом, оцениваемым в 55 тыс. руб.

Шестая категория заемщиков включала предпринимателей, безусловно, относившихся к крупному сегменту бизнеса начала XX в. Товарные остатки у них доходили до 400 тыс. руб. В отношении этих заемщиков кредитная политика банка была более смелой, суммы выдаваемых займов превышали 20 тыс. руб., причем «Товарищество Братьев Бревновых» получило кредит 50 тыс. руб. – один из крупнейших кредитных лимитов отделения банка за 1904 – 1907 гг.

В седьмую категорию заемщиков вошли крупные предприниматели, о чем свидетельствуют их годовые обороты. Верхний предел одобренных кредитов здесь достигал 25 тыс. руб. Относительно невысокие суммы займов были одобрены банком заявителям, указавшим сравнительно небольшое кредитное обеспечение: это «Товарищество Братьев Хараламповых» и баргузинский купец М.А. Новомейский. Наименьший заем

Т а б л и ц а 5

Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. с денежным оборотом от 300 тыс. до 400 тыс. руб. в год

Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904 – 1907 with a cash turnover from 300 thousand to 400 thousand rubles per year

№ п/п	Заемщики Borrowers	Годовой оборот, руб. Annual turnover, RUB	Размер одобренного кредита, руб. Approved loan amount, RUB
1	Френкель А.С.	300 000	5 000
2	Цыгальницкий Е.Г.	360 000	10 000

Составлено и рассчитано по материалам: ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 166, 184.

Т а б л и ц а 6

Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. с денежным оборотом от 400 тыс. до 500 тыс. руб. в год

Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904 – 1907 with a cash turnover from 400 thousand to 500 thousand rubles per year

№ п/п	Заемщики Borrowers	Годовой оборот, руб. Annual turnover, RUB	Размер одобренного кредита, руб. Approved loan amount, RUB
1	Померанц М.В.	400 000	25 000
2	Рафилъдон А.Р.	400 000	25 000
3	«Т-во Братьев Бревновых»	400 000	50 000
4	Шепшелевич И.П.	400 000	20 000

Составлено и рассчитано по материалам: ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 62, 100, 132, 182.

Т а б л и ц а 7

Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. с денежным оборотом от 500 тыс. до 1 млн руб. в год

Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904 – 1907 with a cash turnover from 500 thousand to 1 million rubles per year

№ п/п	Заемщики Borrowers	Годовой оборот, руб. Annual turnover, RUB	Размер одобренного кредита, руб. Approved loan amount, RUB
1	Боннер И.Л.	500 000	25 000
2	Иркутское Лесопром. т-во	500 000	15 000
3	«Т-во Братьев Хараламповых»	500 000	5 000
4	Новомейский М.А.	700 000	5 000
5	Вишняк Г.Я.	800 000	25 000
6	Петтинато М.К.	961 691	3 000

Составлено и рассчитано по материалам: ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 89, 135, 152, 154, 171, 179.

Т а б л и ц а 8

Заемщики Иркутского отделения Сибирского Торгового банка в 1904 – 1907 гг. с денежным оборотом свыше 1 млн руб. в год

Borrowers of the Irkutsk branch of the Siberian Commercial Bank in 1904 – 1907 with a cash turnover of over 1 million rubles per year

№ п/п	Заемщики Borrowers	Годовой оборот, руб. Annual turnover, RUB	Размер одобренного кредита, руб. Approved loan amount, RUB
1	Швец М.Н.	1 000 000	Одобрено
2	«ТД Лушниковы Наследники»	2 000 000	100 000
3	ТД Шишкин и К ^о	2 000 000	Одобрено

Составлено и рассчитано по материалам: ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 11. Л. 84, 160, 163.

получил одесский предприниматель М.К. Петтинато, что объясняется его отдаленностью (вероятно, у банка были сложности с проверкой активов и подтверждением деловой репутации предпринимателя). В качестве общего правила в своих циркулярах правление Сибирского Торгового банка не рекомендовало кредитовать предпринимателей, которые вели свой бизнес в других регионах. Исключение могло делаться для тех, кто имел в местах локализации отделений банка свои филиалы. Причины такой политики банк объяснял следующим образом: если предпринимателю пришлось обращаться в отдаленное от своей основной деятельности отделение банка, значит, либо ему отказали в кредитных институтах по месту его пребывания, либо его кредитный лимит уже исчерпан и дальнейшие займы могут привести к невозможности их покрытия вследствие неблагоприятного положения дел предпринимателя⁹.

Восьмую категорию заемщиков составляли предприниматели с денежным оборотом более 1 млн руб. в год (табл. 8).

М.Н. Швец, иркутский купец второй гильдии, владел недвижимостью в г. Иркутске, с 1885 г. занимался золотопромышленностью, подрядами на Забайкаль-

ской железной дороге, имел комиссионное и транспортное дело (являлся арендатором городской переправы). «Торговый дом А.М. Лушниковы Наследники» имел годовой оборот свыше 2 млн руб. и занимался чайной и пушной торговлей в России, Китае и Америке с 1850-х гг., «Торговый дом С.Е. Шишкин и К^о» имел оборот денежных средств около 2 млн руб. в год, владел недвижимостью в Кяхте, где вел свои дела, и имел отделения фирмы в Москве, Семипалатинске и Ташкенте.

Последняя категория заемщиков являлась самой привилегированной, банк дорожил этими клиентами и в ряде случаев, как можно заметить, практиковал одобрение кредита без указания верхнего предела займа, как это было с заемщиками М.Н. Швецом и «Торговым домом Шишкин и К^о».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как следует из вышесказанного, заемщиками Иркутского отделения Сибирского Торгового банка, в основном были предприниматели Иркутской губернии, относившиеся преимущественно к представителям мелкого и среднего бизнеса дореволюционной России. На основании тех данных, которые позволяют нам сделать окончательные выводы о принадлежности пред-

⁹ ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 17. Л. 76–77.

принимателей к клиентам банка, мы можем видеть, что в категорию заемщиков с денежным оборотом до 300 тыс. руб. в год вошло 57 чел., в то время как число заемщиков с годовым оборотом от 500 тыс. до 1 млн руб. составляло 12 чел. К заемщикам, имевшим годовой оборот свыше 1 млн руб., относилось всего 3 предпринимателя, что позволяет сделать вывод о том, что самый крупный сегмент предпринимательского сообщества чаще всего кредитовался в других банковских учреждениях. Политика банка в отношении кредитруемых лиц была выдержанной, хотя и не отличалась четкой регламентацией. Размеры кредитных рамок представляются довольно размытыми, в политике банка не прослеживается четкой зависимости от кредитной обеспеченности клиентов. Тем не менее общая тенденция к увеличению размеров выдаваемых займов все же присутствует. Так, предприниматели с годовым оборотом до 200 тыс. руб. редко получали кредит более 10 тыс. руб., таковых по документам банка насчитывалось всего 3 чел., или 6,8 % от числа заемщиков данной категории. Из сегмента кредитруемых лиц с оборотом денежных средств от 200 тыс. до 500 тыс. руб. в год займы в размере 10 тыс. руб. и выше получили уже 11 чел., что составляло 61,1 % от числа предпринимателей данной категории. Число кредитруемых из разряда клиентов с оборотом от 500 тыс. до 1 млн руб. в год составило 3 чел., или 50 %. В отношении клиентов последней категории с денежным оборотом свыше 1 млн руб. в год проводилась политика наибольшего благоприятствования. В их отношении банк практиковал более чем двухкратное увеличение кредитного лимита по сравнению с остальными заемщиками, причем одобрение кредитной линии происходило без ука-

зания точного размера займа. Такое отношение банка обуславливалось его заинтересованностью в привлечении в ряды своих клиентов представителей наиболее крупного бизнеса дореволюционной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 294 с.
2. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948. 454 с.
3. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1950. Т. II: Капитализм. 735 с.
4. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 328 с.
5. Саломатина С.А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 304 с.

REFERENCES

1. Bovykin V.I. The financial capital's origin in Russia. Moscow, Izd-vo TGU, 1967, 294 p. (In Russ.)
2. Gindin I.F. Russian commercial banks: from the history of financial capital in Russia. Moscow, Gosfinizdat, 1948, 454 p. (In Russ.)
3. Lyashchenko P.I. History of the national economy of the USSR. Vol. 2: Capitalism. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat, 1950, 735 p. (In Russ.)
4. Rabinovich G.H. Bourgeoisie and monopoly capital in the Siberian economy of the late XIX – early XX centuries. Tomsk, Izd-vo TGU, 1975, 328 p. (In Russ.)
5. Solomatina S.A. Commercial banks in Russia: dynamics and structure of operations, 1864–1917, Moscow, Rosspan, 2004, 304 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.02.2020

Дата рецензирования 26.02.2020

Статья принята к публикации 30.03.2020

DOI: 10.15372/HSS20200209
УДК 930 (470+571)"1921/1929"

А.П. КИЛИН

ЧАСТНОЕ ТОРГОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ГОДЫ НЭПА: ИСТОРИОГРАФИЯ 1990–2000-х гг.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

В статье анализируется современный этап (1990–2000-е гг.) изучения частного торгового предпринимательства в годы нэпа в СССР. Рассматриваются работы, которые позволяют дать анализ указанной проблемы в политическом, экономическом и социальном аспектах как на макро-, так и на микроуровне. В историографический обзор включены исследования отечественных и зарубежных авторов. Сделан вывод о специфике данного этапа, определены основные направления научного анализа частного торгового предпринимательства. Отмечено, что применение междисциплинарного подхода, обширный круг источников являются надежными ориентирами в дальнейшем изучении нэпа накануне его столетнего юбилея.

Ключевые слова: историография, нэп, частный капитал, торговля, кредит, предпринимательство, экономика, политика, государственное регулирование.

A.P. KILIN

PRIVATE TRADING ENTREPRENEURSHIP IN THE YEARS OF THE NEP: HISTORIOGRAPHY OF THE 1990 – 2000S

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
19 Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

The article is devoted to the modern stage of studying private trade entrepreneurship during the NEP years. The fundamental difference is that under modern conditions researchers have an opportunity to use different theoretical approaches, apply various methods, and rely on various historical sources. A significant distinctive feature of the modern stage of historiography is a closer integration of domestic and foreign researchers, wide use of interdisciplinary and integration approaches in studying the past. The new economic policy as a model of transition economy includes various methods of state regulation, implying both planned and market beginnings, both economic and administrative measures of influence, assumes the existence of a multi-layered economy and a complex system of links between its constituent elements. Under these conditions, trade mediation played a significant role in NEP economics' system of relations. While at the previous historiographical stage it was not given adequate attention, then under conditions of market relations formation, it attracted greater interest. Accordingly, attention to these relation carriers – private entrepreneurs – increased. Being the most economically active part of population, private entrepreneurs were discriminated on the basis of their profession and deprived of the right to vote. The procedures of deprivation and restoration of rights are a special subject of research, as they help to understand the process of constructing a new society, principles of its social stratification. The attention of researchers to marginal social strata and groups is another distinctive feature of the historiographical stage under consideration. Contemporary studies in private commercial entrepreneurship emphasize social aspects of the problem as opposed to the political ones that dominated during the Soviet period. Thanks to using such historical sources as personal files of “lishentsy”, reports of the Joint State Political Directorate, judicial and investigative cases, memoirs, it became possible to address the fate of private entrepreneurs, to get information from the first person. The modern period is characterized by both attention to macroeconomic processes and study of economic practices at a micro level, as well as traditional attention to public policy, and investigating the individuals' fate based on an anthropological approach. The diversity of research and differences in approaches of modern scientists are organically consistent with the diversity of NEP decade, in this regard, the author concludes on the relevance and good significant prospects to study this topic on the eve of NEP's centenary.

Key words: historiography, NEP, private capital, trade, way of life, entrepreneurship, economy, politics, state regulation.

Алексей Павлович Килин – канд. ист. наук, доцент кафедры, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: alexey.kilin@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1655-8730>

Alexey P. Kilin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение того или иного этапа как в отечественной, так и в зарубежной историографии связано с необходимостью «смотреть в зеркало прошлого», а день сегодняшний оценивать в контексте исторической ретроспективы. Интерес к переходным и противоречивым этапам отечественной истории обусловлен столь же противоречивой ситуацией, в которой находится исследователь здесь и сейчас. Это может быть вызвано кризисом в методологии или проблемами с доступностью источникового материала, актуализацией (в идеологическом или коммерческом – грантовом ключе) научной проблематики.

К нэпу обращаются в период расширения свобод и актуализации либеральных настроений в различных областях жизни российского общества – от культуры до экономики. Напротив, индустриализация и война – темы, которые приобретают особое значение в период мобилизации и централизации, в том числе с целью консолидации населения в рамках официальной идеологии или же в формате «традиционных ценностей». Историография нэпа огромна, она стала предметом специальных исследований. Рассмотрение трудов предшественников по столь яркой и противоречивой теме представляется не только увлекательной, но и трудно выполнимой задачей. Нам импонирует подход И.Б. Орлова, который в своей докторской диссертации историографический анализ построил на следующем принципе: хорошо исследованные и слабо исследованные темы, аспекты нэпа, в отношении которых существует консенсус, и проблемы, которые вызывают живые дискуссии [1]. Можно констатировать, что круг дискуссионных проблем, касающихся нэпа, со временем не сужается, а их накал не снижается.

Историографические труды, написанные как на общесоюзном, так и на региональном материале, демонстрируют устойчивый интерес к данному периоду [2; 3; 4]. На Урале сложилась солидная историографическая школа. Работы В.Д. Камынина, А.Т. Тертышного, Е.Б. Заболотного и других исследователей дают достаточно полное представление об уровне и глубине изучения раннесоветского общества [5]. Однако проблематика частного торгового предпринимательства не являлась для указанных авторов приоритетной.

«Торгаши – это воры» – данное утверждение широко распространено не только в среде обывателей, но и транслируется руководством государства. Это явный признак того, что торгово-посредническая деятельность не рассматривается как существенный элемент рыночных отношений, от качественного состояния которого зависит благосостояние общества в целом. Проблемы существования малого и среднего предпринимательства и его сосуществования с государственным сектором хозяйства полны драматизма не только в период нэпа, но и сегодня. Анализ двойственности положения наиболее экономически активной части населения, проблемы защиты частной собственности и создания условий для реализации потенциала

различных укладов в современной России, согласования интересов многообразных акторов хозяйственной жизни, внедрения и реализации инноваций в хозяйственную практику, наконец, вопросы подлинного федерализма, решение которых невозможно без формирования собственной доходной базы как муниципалитетов, так и субъектов федерации, – все эти проблемы делают тему настоящего исследования значимой как в теоретическом, так и в практическом плане.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Используя проблемно-хронологический подход, выделим три этапа в историографии изучаемой нами темы. Первый этап (1920–1930-е гг.) характеризуется тем, что работы писались буквально «по горячим следам» происходивших событий; второй этап (1940–1980-е гг.) назовем «советским» и третий этап (1990–2000-е гг.) – «постсоветским» или «новейшим». Данная статья посвящена третьему этапу в изучении частного торгового предпринимательства в годы нэпа. По своему многообразию и широте охвата темы он, пожалуй, может конкурировать с первым периодом, когда проблема частного капитала рассматривалась как стратегически важная, способная повлиять на перспективы построения социалистического государства.

Идеологический и методологический плюрализм, введение в оборот новых источников, повышенный спрос со стороны общественности на подлинное научное знание – эти и многие другие причины актуализировали изучение нэпа. На данном этапе появляются исследования, посвященные различным аспектам нэпа, в том числе частному предпринимательству. Не претендуя на исчерпывающую полноту анализа, выделим наиболее значимые, на наш взгляд, труды по избранной теме.

ЭКОНОМИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Основные проблемы, которые решают исследователи на современном этапе, связаны с ответами на следующие вопросы: чем были детерминированы решения властей; насколько они были адекватны реальным условиям; каким образом происходило конструирование политической реальности раннесоветского общества, когда стали использоваться такие инструменты, как товарно-денежные отношения и распределение (уравнительное или дифференцированное, эгалитарное или элитарное).

Исследователи экономической истории сосредотачивают свое внимание на отраслевой структуре хозяйства страны и ее отдельных регионов; на динамике хозяйственной деятельности, экономической конъюнктуре в конкретный исторический период; специфике денежно-кредитной политики; методах планирования; на управленческих практиках, которые в условиях «диктатуры пролетариата» можно было обозначить как «экономические» [2; 6; 7; 8; 9; 10].

Труды ученых кафедр исторической информатики МГУ демонстрируют потенциал использования математических методов исследования при обработке

массовых источников и возможности метода моделирования, позволяющие формулировать гипотезы относительно вариативности исторического процесса [11]. Исследуя частное предпринимательство на материалах Украины, Л.И. Бородин и М.А. Свищев при помощи математических моделей распространили сделанные выводы на всю территорию СССР. Они утверждают, что при экстраполяции динамики развития частного предпринимательства на перспективу становится очевидным, что реальной угрозы капиталистического перерождения советского строя не существовало [12], соответственно, угроза частного сектора была преувеличена.

Проблема конструирования советского общества в целом и в рамках отдельных направлений решалась при реализации исследовательского проекта «Ранне-советское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования» [13; 14]. В этой коллективной монографии рассмотрен широкий круг проблем: теоретические основы социального проектирования (Л.Н. Мазур, О.В. Горбачев); историография темы (О.С. Поршнева); идея коммуны и коммунитарные практики (О.М. Семерикова); пространственное планирование (Т.В. Соловьева); эволюция властных структур (О.В. Горбачев, В.А. Бондарь); культурные практики (Е.В. Барышева, К.Д. Бугров, Л.Н. Мазур, О.В. Горбачев); роль военного и мобилизационного факторов при реализации советского проекта (И.В. Даренская, О.С. Поршнева); процесс формирования «нового человека» (О.С. Поршнева, А.П. Клилин) и советского общества в социальном измерении в целом (Л.Н. Мазур). Анализ экономики переходного периода позволяет историю частного торгового предпринимательства в годы нэпа рассмотреть в более широком хронологическом и тематическом контексте, выявить закономерности его развития.

НИСХОДЯЩАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Значительное количество работ, вышедших в свет в 1990–2000-е гг., посвящено «включенности» (или «исключенности») отдельных групп в социальную структуру общества (С.А. Красильников, С.В. Шейхетов, Д.Д. Миненков, А.И. Савин, Л.И. Сосковец, А.А. Шадт). Оценка этих процессов могла меняться на диаметрально противоположную с позиций «советской» и «постсоветской» историографии. При этом авторы, как правило, идеализировали «своих» и демонизировали «чужих» (кооператор / нэпман, бедняк / «кулак», рабочий / «спец» и т. п.). Существенную роль в формировании гипертрофированных образов антагонистов сыграли не только исторические исследования, но и произведения изобразительного искусства, художественной литературы и кинематографа. Т.М. Смирнова считает: «Ими был создан в значительной степени клишированный, гротесковый образ “бывших хозяев жизни” – “буржуинов”, на которых, по образному выражению М. Горького, “классовый признак” наносился на лицо, “словно бородавка”» [15, с. 9]. Внима-

ние к маргинальным слоям населения также весьма симптоматично. «Анализируя роль советской исторической науки, необходимо учесть один важный момент: историческое исследование имеет свою логику и разворачивается в определенной последовательности: от описания события (реконструкции) к его теоретическому осмыслению и далее – к исследованию антропологических аспектов изучаемого явления, т. е. фактов несобытийной истории (повседневность, ментальность, мифология проч.)» [13, с. 12].

Проблемой «исключительности исключенных» занимаются сотрудники Центра сравнительных и исторических исследований Пермского государственного университета. В рамках компаративного подхода в поле их внимания попадают как исторические, так и современные сюжеты. Частные торговцы, несомненно, относятся к сонму гонимых и привлекают внимание исследователей [16; 17].

Большевики, «диалектически» сочетая идеологический догматизм и прагматизм в оперативном управлении, с одной стороны, декларировали демократические принципы, а с другой – подвергали дискриминации значительную часть населения. Механизм внесудебного лишения избирательных прав позволял отстранить от легальных форм управления на самых разных уровнях власти и в самых разнообразных сферах не только «бывших», но и «неблагонадежных». Среди представителей последних были как те, кто эксплуатировал чужой труд, так и те, кто занимался торговлей. Лишение частных предпринимателей избирательных прав, т. е. дискриминация граждан по признаку профессиональной деятельности, заслуживает особого внимания в свете того обстоятельства, что торговля являлась легальным занятием, не была запрещена, а торговцы уплачивали налоги.

Анализ личных дел «лишенцев» являлся благодатной почвой при написании многих научных и научно-популярных статей, а также диссертаций, в том числе на региональном материале (Д.В. Валуев, Н.М. Морозова, М.С. Саламатова) [18; 19; 20].

Благодаря работам Ш. Фицпатрик (Sheila Fitzpatrick), посвященным раннесоветскому обществу, мы имеем возможность рассмотреть социальную структуру нового строя во всем его многообразии, взаимозависимости и противоречивости отдельных социальных групп [21]. Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволяет Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе [22, с. 9].

Значительный вклад в изучение этой темы внесен работой Г. Алексопулос (Golfo Alexopoulos) [23], которая проанализировала значительный объем личных дел граждан, лишенных избирательных прав (хранятся в г. Ялуторовске Тюменской области). Фактографические материалы, касающиеся «лишенцев» (подавляющее большинство из них составляли торговцы), позволили автору сделать ряд выводов относительно взаимовлияния государства и общества в процессах лишения и восстановления в избирательных правах.

Автор полагает, что это влияние не было односторонним, а представляло собой сложное переплетение сил и интересов, которые формировали как новую публичную власть, так и новое общество.

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЦЫ

На обширном источниковом материале в монографии Е.Д. Твердюковой анализируется государственное регулирование внутренней торговли в СССР [24], отдельные параграфы в ней посвящены нэповскому десятилетию. В центре внимания автора – криминальные практики, которые использовались в торговле, в различных секторах и регионах. Изучение собранного автором материала стимулирует читателя к построению ряда гипотез, позволяющих не только выявить, но и обосновать определенные закономерности в развитии советской торговли, а также объяснить устойчивость криминальных практик. Анализ нормативно-правовых актов как специфического вида исторических источников ставит перед исследователем проблему оценки эффективности и правоприменительных практик, и экономических последствий принятых решений.

Приоритет в изучении частных предпринимателей в качестве самостоятельных акторов исторического процесса принадлежит зарубежным коллегам. Работа А. Балла (Alan M. Ball) непосредственно посвящена «последним русским капиталистам». На момент ее написания в 1990 г. это уже было не совсем верное определение – появление «новых русских» лишило нэпманов 1920-х гг. статуса «последних» [25]. О развернувшемся кооперативном движении в СССР в 1990-е гг. автор пишет в предисловии к своей монографии. А. Балл сосредоточил внимание на классических хронологических рамках нэпа 1921–1929 гг., он рассмотрел характер и масштабы деятельности частных предпринимателей, источники их снабжения (товары и сырье), а также те последствия, которые повлекли за собой многочисленные изменения в официальной политике по отношению к частнику. В заключительной главе автор проследил судьбу нэпманов и оценил их значение в советской экономике как весьма значительное, поскольку несовершенство распределительной системы и дефекты социалистического производства необходимо было микшировать.

Истории «мешочничества» посвящены монографии А.Ю. Давыдова [26; 27]. Мешочники – своего рода предшественники нэпманов, а мешочничество – источник первоначального накопления капиталов для легальной частной торговли времен нэпа. Мешочничество является важной составной частью в изучении торгового посредничества в раннесоветском обществе, которое в работе автора представляется вездесущей и всепроникающей силой, позволявшей решать проблемы, вызванные дефектами государственной распределительной системы.

Монография Д. Хэслер (Julie Hessler) посвящена торговле в советском обществе, ее роли в разрешении

продовольственных кризисов, созданных, по мнению автора, усилиями самого государства [28]. Подход отечественных историков контрастирует с периодизацией, предложенной в работе Д. Хэслер. В центре ее внимания находятся розничная торговля и обеспечение населения товарами повседневного спроса, а также процесс формирования советской модели распределения в целом, ее вариант периодизации строится на модели «от кризиса к кризису» (как антитеза принципу «от победы к победе»). Автор выделяет несколько кризисов, которые переживала страна в первые годы советской власти, и концентрирует внимание именно на таких болевых точках. Это периоды 1917–1922, 1928–1933 и 1939–1947 гг. При этом автор отмечает два экстремальных периода – Гражданская и Вторая мировая война, а также период первых пятилеток, когда шел процесс слома нэпа и формирования советской распределительной системы.

Еще один аспект историографии проблемы представляется нам актуальным: это соотношение элитарности и эгалитарности в рамках раннесоветского социального проекта. Данная проблема имеет особое значение, поскольку детерминирует уравнивательное или иерархическое распределение материальных благ, делает необходимой или напротив – абсолютно излишней торговлю как вид посреднической деятельности.

Этот аспект находится в центре внимания монографий Е.А. Осокиной [29; 30], которая интегрирует достижения отечественной и зарубежной историографии. В одной из работ она обратилась к периоду 1927–1941 гг. [30], предлагает дробную его периодизацию, основой которой служит политика властей в создании, а затем преодолении кризисных ситуаций в сфере снабжения. Первый этап (1927–1930) характеризуется рядом мероприятий по разрушению рынка, к которым относятся нарушение баланса между спросом и предложением, что послужило причиной формирования товарного дефицита и введения карточной системы (1927–1929), а также коллективизация (1929–1930). Второй этап (1931–1935) ознаменовался отказом от эгалитарного подхода и реанимацией элементов рыночного хозяйства. Третий этап (1936–1941) Е.А. Осокина рассматривает как синкретизм или параллельное существование механизмов централизованного распределения и относительно свободной (точнее ненормированной, бескарточной) торговли.

«Свободу» торговли не следует переоценивать по мнению ряда исследователей, поскольку политика государства была полна противоречий, а разрешительные правовые нормы с лихвой компенсировались запрещающими. Как считает Г. Алексопулос, «к середине 1930-х годов партия стала более терпимо относиться к мелкой неформальной торговле и даже продвигала “культурную” торговлю. Тем не менее, ее политика оставалась столь же амбивалентной, как и в предыдущие годы, поскольку легализация некоторых видов рыночной торговли сочеталась с суровыми уголовными приговорами для лиц, которые осуществляли “спекулятивные” продажи» [23, p. 167].

Несмотря на то, что монография Э. Рэндалл (Amy Elise Randall) посвящена розничной торговле и потреблению в СССР в годы первых пятилеток и выходит за пределы хронологических рамок нэпа, она дает представление о процессах трансформации «советской торговли» [31]. Автор рассматривает различные аспекты реализации кампании по формированию новой, «советской торговли», изменение политики партии в отношении распределения. Не выделяя специфические периоды, она противопоставляет торговые и распределительные практики 1920-х и 1930-х гг., отмечает изменение политики государства, выражающейся в отказе от эгалитарного потребления и переходе к дифференцированной, стимулирующей его разновидность. В ее работе рассматриваются новые стандарты потребления, анализируется стахановское движение в советской торговле, а также процедуры контроля, которые использовались в практике розничной торговли.

Особый интерес вызывают работы, написанные на региональном материале, поскольку демонстрируют многообразие торгово-посреднических практик, обусловленных спецификой местных условий. Значительный вклад в изучение частного предпринимательства в региональном аспекте внесла Е.В. Демчик [32]. Ее работы задали определенное направление региональным исследованиям. Автор настаивает на тезисе о насильственном характере вытеснения частного капитала из хозяйства страны с использованием государством административных и внеэкономических методов. Анализируя эволюцию частного предпринимательства, Е.В. Демчик выделяет три этапа, которые соответствуют жизненному циклу любой системы: 1921–1923 гг. – возрождение частного предпринимательства; 1924–1926 гг. – развитие частнопредпринимательской деятельности и 1927–1930 гг. – ликвидация частной торговли и промышленности. Каждый из этапов рассматривается на материалах Сибири, с учетом общесоюзного контекста.

В статьях С.В. Шейхетова также рассматривается деятельность частных предпринимателей в Сибири [33]. Приведенные им данные живописно иллюстрируют противоречивость положения этой социальной группы.

Роль частного сектора в развитие аграрного сектора в Сибири находится в центре внимания В. А. Ильиных [34; 35]. Значимость хлебного рынка высоко оценивалась руководством страны. Он служил индикатором возможностей и ограничений государственных регулятивных мер в отношении частной торговли. По этой причине кризис в сфере хлебозаготовок в конце 1920-х гг. спровоцировал решительное наступление на частника, привел к его форсированной ликвидации. Помимо хлебного, автор уделяет внимание отдельным рыночным сегментам, классификация которых основана на товарной специализации (масло, мясо, птица, кустарно-ремесленная продукция и т. п.).

Торгово-посредническую деятельность при рассмотрении практик адаптации и различных способов выживания населения Урала анализирует И.В. Нарский [36]. В его работе на обширном источниковом

материале показан перманентный кризис, который было вынуждено переживать и преодолевать население страны в борьбе за более или менее сносное существование.

Изучению частого предпринимательства в годы нэпа на материалах Башкирии посвящены работы Р.А. Хазиева [37; 38; 39]. Он рассматривает деятельность частных предпринимателей, в том числе в торговой сфере, а также кредитно-финансовые отношения. Автор подчеркивает рыночную направленность экономики региона, которая проявлялась даже в период «военного коммунизма».

Стремление объединить социальные и экономические аспекты проблемы предпринимались и на материалах Урала [40]. Категория «частнопредпринимательский уклад», по нашему мнению, определяется формой собственности, способом экономического оборота и характером существующих в обществе социальных взаимодействий. Эта дефиниция открывает возможности для использования синергетического подхода и реализации потенциала междисциплинарных исследований. Взаимовлияние и взаимопроникновение различных укладов позволяет по-новому рассмотреть проблему «смычки» – не столько как государственную политику, а как множество частных практик. Автор анализирует «замкнутый круг частного сектора хозяйства», включающий помимо торгового посредничества финансово-кредитные институты в форме Обществ взаимного кредита [40, с. 236–301].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историография нэпа обширна как по охвату проблем, так и по глубине их изучения, однако торговля как таковая и частная торговля в качестве самостоятельного объекта исследования менее изучены по сравнению с другими темами, касающимися нэпа и раннесоветского общества в целом.

Дискриминация и маргинализация частнопредпринимательских слоев в условиях советского общества вырабатывали пренебрежительное отношение к «изгоям». Внимание к этим темам актуализировалось в последнее время, когда в противовес «основным» классам – рабочим и крестьянам – на авансцену были выдвинуты локальные, а порой и маргинальные социальные группы – торговцы, «спецы», «лишенцы», спецпоселенцы и др.

Полагаем, что в современных условиях деление историографии на «отечественную» и «зарубежную», впрочем, как и деление на «уральских» и «сибирских» историков непродуктивно, поскольку в этом случае на первое место выдвигается скорее географический, чем концептуальный признак. Интеграционные процессы превращают барьерные границы в контактные, формируют исследовательские ареалы, в пределах которых совместными усилиями достигается качественный результат.

Сегодня происходит эволюция взглядов на частных предпринимателей. В 1990-е гг. их рассматривали

исключительно в качестве жертв режима или носителей предпринимательских традиций, которые необходимо возрождать в современной России, но по мере введения в оборот новых источников и погружения в тему картина стала приобретать дополнительные оттенки. Черно-белую гамму сменила яркая палитра разнообразия, противоречивости и непоследовательности процессов. Государственная политика перемежала «наступление» и «отступление» на частника; частный и обобществленный секторы выступали не только как антиподы, но и дополняли друг друга в системе многоукладной экономики; легальные и криминальные торговые практики тесно переплетались друг с другом; интересы частника и представителей региональных органов власти были построены не только на противопоставлении, но и на консолидации усилий при решении проблем снабжения.

Вполне закономерно, что в этих условиях возникла необходимость в анализе альтернатив развития, моделировании ситуации при реализации различных сценариев. Такой подход становится востребованным тогда, когда перед современным обществом возникает проблема поиска и выбора альтернатив развития. Изучение нэпа, к столетнему юбилею которого мы приближаемся, является в этой связи весьма актуальной задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлов И.Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы, 1921–1928 гг.: дис... д-ра ист. наук : М., 2000. 365 с.
2. Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–116.
3. Некрасов А.А. Англо-американская историография новой экономической политики в СССР : учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 99 с.
4. Бехтерева Л.Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии. // Вестн. Удмурт. ун-та. История и филология. 2010. № 1. С. 57–64.
5. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е годы XX века в отечественной историографии. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2004. 448 с.
6. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: / сост., авт. предисл. и коммент. Э.Б. Корицкий. Л.: Лениздат, 1989. 223 с.
7. Горинев М.М. НЭП: поиск путей развития. М.: Знание, 1990. 62 с.
8. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. 544 с.
9. Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.
10. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. 2-е изд. М.: URSS, 2019. 140 с.
11. Бородкин Л.И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб: Алетейя, 2016. 303 с.
12. Бородкин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность в период нэпа. К вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. 1990. № 5. С. 105–121.
13. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. / под ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Ч. 1: Страна Советов: пространство, власть, экономика. 468 с.
14. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. / под ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. Ч. 2: Советское общество: культура, сознание, поведение. 462 с.
15. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917–1936 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 53 с.
16. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М.: Мир истории, 2003. 296 с.
17. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С.А. Красильников. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2017. 598 с.
18. Валуев Д.В. Лишenci в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР): дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003. 275 с.
19. Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук: Саранск, 2005. 233 с.
20. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: На материалах Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 292 с.
21. Фицпатрик Ш. Русская революция. / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 320 с.
22. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 375 с.
23. Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. P. 243
24. Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. 326 с.
25. Ball A. M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 226
26. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб: Наука, 2002. 341 с.
27. Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб: Алетейя, 2007. 396 с.
28. Hessler Julie. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton: Princeton University Press. 2004. P. 366.
29. Осокина Е.А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
30. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. доп. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2008. 251 с.
31. Randall A. The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s. Basingstoke, UK and New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 251.
32. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации: монография / под ред. Г.Л. Соболева. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. 240 с.
33. Шейхетов С.В. Нэпманы // Маргиналы в социуме, маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). 2-е изд. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 99–164.
34. Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте : Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг. / отв. ред. Н.Я. Гушин. Новосибирск : Наука, 1992. 222 с.
35. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПА, (1921–1928 гг.) / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 282 с.
36. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.

37. Хазиев Р.А. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг. Уфа: Башк. ун-т, 2000. 184 с.

38. «Последние из могикиан: красные купцы эпохи нэпа»: Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. / сост., статья, предисл. и примеч. Р.А. Хазиева. Уфа, 2003. 312 с.

39. Хазиев Р.А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: хаос, контроль и стихия рынка. М.: РОС-СПЭН, 2007. 229 с.

40. Клиш А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

REFERENCES

1. Orlov I.B. New economic policy: public administration and socio-economic problems, 1921–1928: dissertation. Moscow, 2000, 365 p. (In Russ.)
2. Orlov I.B. Modern Russian historiography of NEP: achievements, problems, prospects. *Otechestvennaya istoriya*, 1999, no. 1, pp. 102–116. (In Russ.)
3. Nekrasov A.A. Anglo-American historiography of the new economic policy in the USSR: a textbook. Yaroslavl', Yaroslavl' State Univ., 2005, 99 p. (In Russ.)
4. Bekhtereva L.N. Problems of the new economic policy of the 1920s in modern Russian historiography. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*, 2010, no. 1, pp. 57–64. (In Russ.)
5. Kamynin V.D., Tsygina E.A. Problems of political and economic history of the Urals in the 1920s in Russian historiography. Ekaterinburg, Izd-vo UrGEU, 2004, 448 p. (In Russ.)
6. Koritskiy E.B. (comp.) What should the plan be like: discussions of the 1920s. Leningrad, Lenizdat, 1989, 223 p. (In Russ.)
7. Gorinov M.M. NEP: searching for the ways of development. Moscow, Znanie, 1990, 62 p. (In Russ.)
8. Senyavskiy A.S. (ed.) NEP: economic, political, and socio-cultural aspects. Moscow, ROSSPEN, 2006, 544 p. (In Russ.)
9. Pavlyuchenkov S.A., Amanzholova D.A., Buldakov V.P., Vatlin A.Yu., Kuleshov S.V., Jrlov I.B., Osokina E.A., Telistyn V.L. NEP's Russia. Moscow, Novyi khronograf, 2002, 468 p. (In Russ.)
10. Manevich V.E. Economic discussions of the 1920s. 2nd ed. Moscow, URSS, 2019, 140 p. (In Russ.)
11. Borodkin L.I. Modeling of historical processes: from reconstruction of reality to analysis of alternatives. Saint Petersburg, Aleteiya, 2016, 303 p. (In Russ.)
12. Borodkin L.I., Svishechev M.A. Social mobility during the period of NEP. On the problem of capitalism growth from small-scale production. *Istoriya SSSR*, 1990, no. 5, pp. 105–121. (In Russ.)
13. Mazur L.N. (ed.) Early Soviet society as a social project, 1917–1930s. Vol. 1: The Soviet State: space, power, economy. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2018, 468 p. (In Russ.)
14. Early Soviet society as a social project, 1917–1930s. Vol. 2: Soviet country: culture, consciousness, behaviour. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2019, 462 p. (In Russ.)
15. Smirnova T.M. «Former people» in the social structure and everyday life of the Soviet society: 1917–1936: diss. abstr. Moscow, 2010, 53 c. (In Russ.)
16. Smirnova T.M. «Former people» of Soviet Russia: survival strategies and ways of integration, 1917–1936. Moscow: Mir istorii, 2003, 296 p. (In Russ.)
17. Krasil'nikov S.A. (ed.) Marginals in the society. Marginals as a society. Siberia (1920–1930s). 2nd ed. Moscow, ROSSPEN, 2017, 598 p. (In Russ.)
18. Valuev D.V. Lishentsy in the system of social relations (1918–1936) (based on materials of the Western Region of RSFSR): dissertation. Bryansk, 2003, 275 p. (In Russ.)
19. Morozova N.M. Deprivation of electoral rights in Mordovia in 1918–1936: dissertation. Saransk, 2005, 233 p. (In Russ.)
20. Salamatova M.S. Disenfranchisement as a form of socio-political discrimination in the mid 1920s – 1936: on materials of West Siberia: dissertation. Novosibirsk, 2002, 292 p. (In Russ.)
21. Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Moscow, In-t Gaidara, 2018, 320 p. (In Russ.)
22. Fitzpatrick Sh. Off with the masks! Identity and imposture in twentieth century Russia. Moscow, ROSSPEN, 2011, 375 p. (In Russ.)
23. Alexopoulos G. Stalin's outcasts: aliens, citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, Cornell Univ. Press, 2003, 243 p.
24. Tverdyukova E.D. State regulation of trade in the USSR (late 1920s – mid 1950s): historical and legal analysis. Saint Petersburg, SPbGU, 2011, 326 p. (In Russ.)
25. Ball A.M. Russia's last capitalists: the nepmen, 1921–1929. Berkeley, Univ. of California Press, 1990, 226 p.
26. Davydov A.Yu. Illegal supply of the Russian population and the power of 1917–1921: meshochniks. Saint Petersburg, Nauka, 2002, 341 p. (In Russ.)
27. Davydov A.Yu. Meshochniks and dictatorship in Russia. 1917–1921. Saint Petersburg, Aleteiya, 2007, 396 p. (In Russ.)
28. Hessler J. A social history of Soviet trade: trade policy, retail practices, and consumption, 1917–1953. Princeton, Princeton Univ. Press, 2004, 366 p.
29. Osokina E.A. Hierarchy of consumption: on the life of people under conditions of Stalin's supply, 1928–1935. Moscow, Izd-vo MGOU, 1993, 144 p. (In Russ.)
30. Osokina E.A. Behind the facade of “Stalin abundance”: distribution and market in supplying population during industrialization period. 1927–1941. 2nd ed. Moscow, ROSSPEN, 2008, 251 p. (In Russ.)
31. Randall A. The Soviet dream world of retail trade and consumption in the 1930s. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan, 2008, 251 p.
32. Demchik E.V. Private capital in Siberian cities in the 1920s: from revival to liquidation. Barnaul, izd-vo Alt. gos. un-ta, 1998, 240 p. (In Russ.)
33. Sheikhetov S.V. Nepmany. Marginals in society, marginals as a society. Siberia (1920–1930s). Novosibirsk, 2007, pp. 99–164. (In Russ.)
34. Il'inykh V.A. Commerce on the grain front: the state regulation of bread market under NEP, 1921–1927. Novosibirsk, Nauka. Sib. otdnie, 1992, 222 p. (In Russ.)
35. Il'inykh V.A. The state regulation of agricultural market of Siberia under NEP, (1921–1928). Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005, 282 p. (In Russ.)
36. Narsky I.V. Life in a disaster: everyday life of the Ural population in 1917–1922. Moscow, ROSSPEN, 2001, 632 p. (In Russ.)
37. Khaziev R.A. The state administration of the Ural economy and market in 1917–1921. Ufa, Bashk. un-t, 2000, 184 p. (In Russ.)
38. Khaziev R.A. (comp.) «The last of the Mohicans: red merchants of NEP era»: materials and documents about the Ural merchants of 1921–1928. Ufa, 2003, 312 p. (In Russ.)
39. Khaziev R.A. Centralized management of the Ural economy in 1917–1921: chaos, control and market elements. Moscow, ROSSPEN, 2007, 229 p. (In Russ.)
40. Kilin A.P. Private trade and credit in the Urals during NEP: economic, political and social aspects. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2018, 606 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.02.2020

Дата рецензирования 20.02.2020

Статья принята к публикации 16.04.2020

DOI: 10.15372/HSS20200210
УДК 94(571)"1912/1917"

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

**ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ
КАК АКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СИБИРИ НАЧАЛА XX в.**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В исследовании деятельность городской потребительской кооперации Сибири в 1912–1917 гг. рассматривается в контексте проблем становления гражданского общества, развития гражданского самоуправления. Тема раскрывается с привлечением широкого круга литературы, периодики начала XX в. и архивных источников в рамках модернизационной парадигмы, концепции диффузионизма, акторного подхода. Показано, что в дореволюционный период потребительские кооперативы имели реальную правовую, институциональную и идеологическую основу для автономии от государства, самодеятельности и самоуправления. Определяющими факторами их развития и усиления влияния на общество являлись не финансовые или технические, а организационные: преодоление авторитаризма в управлении, коллегиальность, гласность, привлечение профессиональной экспертизы, ответственных специалистов.

Ключевые слова: потребительская кооперация, гражданское общество, акторный подход, демократическое самоуправление, Сибирь.

G. M. ZAPOROZHCHENKO

**CONSUMER COOPERATION AS A FACTOR IN THE FORMATION
OF CIVIL SELF-GOVERNMENT IN SIBERIA AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study focuses on the activities of Siberian urban consumer cooperation in 1912–1917 in the context of the problems of civil society and developing civil self-government. The author investigates the topic using a wide range of literature and sources within the framework of modernization theory, diffusionism concept, and «actor» approach. During the pre-revolutionary period, consumer cooperatives had an institutional, ideological, and real legal basis for autonomy from the state, self-activity, and self-government. This contributed to forming a new culture of social action related to the public control development over cooperative's affairs and local life. Cooperatives performed an important function of social transformation of peasants who had moved to the cities into responsible citizens, mobilization of innovatively active people. The author analyzes data on 75 general meetings in 14 large Siberian city cooperatives; shows examples of cooperatives' significance in economic, social and cultural spheres of Siberian cities, formation of new modern models of shareholders' behavior. Pre-modern values of a part of shareholders, social disunion within cooperatives, and abuse of the cooperative-administrative resource by the left socialists had a deterrent effect on this process. The determining factors were not financial or technical, but organizational ones: collegiality, transparency, involvement of professional expertise, responsible specialists. Forming consumer societies as democratic self-governing public organizations led to strengthening their influence on the social life, especially during the First World War, when cooperation developed effective links with municipal government to solve food, school and other issues of local life.

Key words: consumer cooperation, civil society, «actor» approach, democratic self-government, Siberia.

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема движущих сил модернизации, ее агентов и проводников, является одной из важнейших при изучении процессов российской модернизации. Исследователи приходят к выводу, что несмотря на противоречия стратегии имперской российской модернизации в начале XX в., все-таки «в реальности преобладало взаимодействие, причем нередко конструктивное, с обоюдной заинтересованностью, между властными структурами, местным самоуправлением, общественностью, социальными стратами» [1, с. 41]. Добровольные общественные организации рассматриваются в качестве активных агентов модернизационных процессов, способствовавших росту общественной инициативы и самоорганизации социума [2, с. 242].

Одной из таких организаций была потребительская кооперация – широкое общественное движение, ставившее целью улучшение благосостояния своих участников посредством организации потребления, минуя частных торговцев. К 1917 г. в России насчитывалось 23,5 тыс. потребительских обществ с числом членов 6,8 млн чел., паевым капиталом 109 млн руб. и оборотом до 1,8 млрд руб. [3, с. 298–299]. Важным показателем идентичности кооперативных организаций являлась их приверженность в своей деятельности принципам демократического самоуправления, воплощавшим дух доверия, солидарности, сотрудничества. В Сибири городская потребительская кооперация непрерывно и устойчиво развивалась с 1912 г. По мере изменения общественно-политических условий и нарастания кризиса в экономике в течение 1917 г. в кооперативном движении проявились мощные тенденции к централизации, отрицательными последствиями которой становились бюрократизация управления и утрата важнейших черт, присущих кооперации свободного периода – самостоятельности и самоуправления

Задачей статьи является исследование деятельности городских потребительских кооперативов Сибири в 1912–1917 гг. как общественных организаций, оказавших важное влияние на развитие гражданского самоуправления. Анализ эффективности кооперативного самоуправления выступает важным критерием при оценке развития гражданского общества как результата модернизационных усилий общества.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЫЕ РЕСУРСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ДОСОВЕТСКОЙ КООПЕРАЦИИ

В обширной историографии досоветской кооперации значимость целей и результатов деятельности кооперативов ограничивалась, как правило, хозяйственно-экономическими параметрами, представлениями о ней как о важном общественном феномене, служившем существенным подспорьем для революционных сил. На рубеже 1980–1990-х гг. кооперативная проблематика расширилась за счет использования модернизационного подхода, дискурса гражданского общества, дискутирования альтернативности путей развития

российского общества в исследованиях Л.Е. Файна, К.Е. Балдина, А.П. Корелина, В.В. Кабанова, В.В. Шелохаева, Б.Н. Миронова, С.В. Тютюкина, А.В. Лубкова, Ким Чан Чжина, Е.Ю. Болотовой, К. Салзман, Я. Коцониса, Ш. Мерля и др. На международном коллоквиуме «Эпоха войн и революций: 1914–1922» (Санкт-Петербург, в 2016 г.) Алистер Дикинс (Манчестерский университет, Великобритания), Марк Стейнберг (Иллинойский университет, США), В.И. Шишкин солидаризировались в том, что легальные кооперативные организации с их рочдельскими правилами, принципом массового участия в выборах, общественного контроля над делами дали социалистам политическую культуру, которая послужила основанием для независимых, коллективных, демократических действий в КОБах и могла вылиться в альтернативный путь (эволюцию) по отношению к Октябрьской революции [4, с. 59–62, 66]. В целом существует дефицит исследований, целенаправленно рассматривающих потребительскую кооперацию в контексте проблем становления гражданского общества [5, с. 136]. Изучение имеющих важную социальную ценность практик демократического самоуправления в кооперативных организациях предпринимается впервые. Предварительная систематизация материала по теме представлена в монографии [6]. Исследование опирается на комплекс законодательных, нормативных, делопроизводственных документов, отложившихся благодаря функционированию кооперативных организаций, в центральных (РГИА, ГАРФ) и региональных (ГАТО, ГАНО, ИАОО, ГАТ) архивах. Особое значение для изучения структур гражданского общества имеют материалы периодической печати, дающие возможность судить о мотивациях, способах мышления и образах поведения, характерных для инициативных и рядовых участников кооперативного движения. Они делают более доступными для изучения процессы в социуме, которые не получили формализованного выражения или не прослеживаются по документальным источникам.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Модернизационная парадигма в последнее время продуктивно обогащена теорией экзогенных факторов модернизации, концепцией диффузионизма, акторным подходом к изучению модернизационных трансформаций. Раскрывая цивилизационное своеобразие российской имперской модернизации, они позволяют выявить, что государственная, этатистская модернизация не исключала модернизационных процессов, идущих «снизу», со стороны общества и проявляющихся в становлении новых форм миропонимания и деятельности [7, с. 10–50]. Потребительская кооперация может рассматриваться как один из экзогенных факторов, экзотических модернизационного перехода в соответствии с концепцией диффузионизма, основанной на идее распространения форм культуры из центра их выработки к периферии и культурного синтеза в ходе взаимодействия с местными условиями [8, с. 46–55].

Кооперативные организации наряду с другими общественными структурами выступают актором формирования современных ценностей, агентом модернизации в традиционном обществе. Деятельностный (акторный) подход сосредоточивает внимание на выявлении основных путей и стратегий людей, которые они используют, чтобы справиться с трудностями переходного периода. При таком подходе создается более четкий образ модернизирующегося общества. Эвристическую ценность приобретает изучение готовности человеческих ресурсов страны к модернизационным преобразованиям, соответствия модернизационного пути ожиданиям и запросам общества [2, с. 29].

ПРАКТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

В Сибири на 1 января 1917 г. насчитывалось около 1 тыс. потребительских кооперативов из 5 тыс. кооперативов всех видов с 500 тыс. членами и оборотом 20 млн руб. С учетом членов семей кооператоров они обслуживали 2 млн чел., или 22 % населения региона¹. Доля городских обществ по сравнению с сельскими в общем количестве потребительских кооперативов Сибири была невелика и постоянно снижалась – с 5,2 %, в 1912 г. до 1,6 % в 1917 г. – вследствие бурного роста деревенской кооперации [9, с. 101]. Но по численности, размаху деятельности, величине оборотов городские кооперативы заметно превосходили сельские, причем городская кооперация была почти исключительно потребительская.

Города являлись экономическими, демографическими, управленческими и культурными центрами формирования бессословного модернизированного общества. Городское население в Сибири в результате индустриализации, железнодорожного строительства, колонизации выросло с 6,2 % в 1897 г. до 10,8 % в начале 1914 г., в большей степени за счет механического прироста [10, с. 435]. Исследователи не раз обращали внимание на окрестывание городов и реанимацию в среде городского населения стандартов и стереотипов крестьянского сознания и поведения [11, с. 349], на незавершенность процессов вертикальной мобильности в крестьянско-мещанской среде, результатом которой должен был стать, но не стал полноценный «средний слой» городского социума [12, с. 131–132]. Этнос крестьянского мира с ограниченными интересами, узким кругозором, религиозностью, патернализмом, неуважением к частной собственности был вполне живуч в городской среде рассматриваемого периода.

Функцию социальной трансформации прибывших крестьян в бессословную категорию граждан, мобилизации инновационно активных людей город выполнял посредством органов местного самоуправления, разветвленной сети общественных организаций, в том числе кооперативных.

¹ Изв. Общества потребителей Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 11.

Демократическое самоуправление в потребительских кооперативах развивалось под воздействием трех факторов – институционального, правового, идеологического. С институциональной точки зрения потребительский кооператив, как доказал И.В. Емельянов, представлял собой экономическую фикцию, в отличие от капиталистических предприятий. Кооператив с его средствами служил действующей частью объединенных экономических единиц. Его собственное экономическое поведение было продиктовано объединенными хозяйствами его членов и всего лишь отражало характер и устремления пайщиков [13, с. 102]. Это создавало возможность участия кооперативов в решении широкого круга социально-экономических и культурных задач.

Правовые основы обеспечивались нормами законодательства, в целом дававшими возможность свободного, массового вступления населения в кооперативы, а не принятия какой-либо инстанцией. Нормальный устав потребительных обществ 1897 г. закреплял принципы верховенства общего собрания, коллегиальности управления выборными сменяемыми органами – правлением и ревизионной комиссией, равноправного голосования пайщиков независимо от числа паев.

Идеологами кооперативного движения подчеркивалось, что основная черта кооперативной организации – автономность и самостоятельность. Не случайно первый номер журнала «Союз потребителей» в январе 1903 г. открывался программной статьей профессора И.Х. Озерова, где освещались «двоякого рода выгоды от кооперации – экономические и духовные», а затем прямо заявлялось, что кооперация – это прежде всего «школа общественной жизни». В кооперативе, по мнению автора, люди группировались вокруг общего дела, учились совместно действовать, думать, привыкали к уважению мнения оппонента, что имело особое значение при «бедной российской общественности»². Кооперативы, как отмечал Я. Коцонис, были важны не только потому, что были многочисленными, но и потому, что они стояли в ряду немногих пореформенных институтов, сознательно создававшихся для вовлечения в совместную работу представителей всех сословий [14, с. 278]. Классические рочдельские принципы кооперативного движения в Сибири утверждались под идейным руководством Московского союза потребительных обществ (МСПО, 1898–1917 гг.)³.

Обобщенные данные о 75 общих собраниях в 14 крупных сибирских городских кооперативах в 1912–1917 гг. [6, с. 269–279] свидетельствуют о многообразии их повестки, дискуссионном характере процесса обсуждения, регламентированной процедуре принятия решений, что отразилось в большинстве сохранившихся протоколов. Наибольшее внимание пайщиков привлекали учредительные и отчетно-выборные собрания, которые в отличие от текущих собирали «многолюдную», «бурную» аудиторию, часто заканчивались далеко за полночь. Ярким примером являет-

² Союз потребителей. 1903. № 1. С. 4.

³ Союз потребителей (Юб. номер). Омск, 1918. С. 40.

ся учредительная кампания в обществе потребителей г. Тобольска 14 ноября – 3 января 1915 г. В течение четырех многочасовых собраний в Народной аудитории члены организационной комиссии читали доклады об истории возникновения обществ потребителей в Тобольске в прежние годы, о целях и задачах кооперации, голосовали по важнейшим пунктам устава, вели запись членов, прием членских взносов, продавали экземпляры устава, раздавали листовки МСПО, выбрали для кооператива название «Самосознание», избрали кооперативный актив⁴.

Такой регламент являлся образцовым началом самоуправления и разительно отличался, например, от организации чиновничьего кооператива в Енисейской губернии под руководством иркутского вице-губернатора А.С. Римского-Корсакова, когда принятый устав даже не читался и не обсуждался⁵. Так выглядели две противоположные тенденции: с одной стороны – действительное самоуправление с сознательным и заинтересованным отношением пайщиков к решению вопросов, а с другой – имитация самоуправления в казенных потребительных обществах.

Источники позволяют выделить ряд типичных проблем в развитии самоуправления в кооперативных организациях. Данные отчетов, анкетирования, материалы прессы нередко указывали на равнодушие и инертность их членов, желание извлечь как можно больше выгод из кооператива, не давая ничего взамен. Приток в годы войны в потребительскую кооперацию большого числа «кооператоров поневоле» усугублял проблему пассивности и абсентеизма пайщиков. Как правило, в начале деятельности кооператива общие собрания посещались активно, а затем пайщики о них «забывали». Половина объявленных собраний не собирала кворума. После целого ряда несостоявшихся собраний правление «Экономии» в Новониколаевске, например, через губернскую администрацию изменило уставную норму полномочного кворума с 2/5 на 1/5 членов⁶.

Проведение собраний требовало тщательной подготовки, так как последствия принятых решений отражались на положении пайщиков. Примером значимости коллективного обсуждения являлось общее собрание членов кооператива «Экономия» в Новониколаевске 31 января 1916 г., где без должной проработки вопроса проголосовали за повышение пая, полагая это очевидным в условиях инфляции. Однако поспешное и непродуманное решение имело для общества ощутимые последствия. В течение последующих двух лет пай в «Экономии» повышался еще три раза. В результате в 1918 г. из кооператива вышли более 12 тыс. чел., и только около 6,5 тыс. его членов имели возможность оплатить полный пай в 25 руб. Это означало, что лишь половина общества представляла собой полноправных членов с правом решающего голоса, покупки товаров и получения скидок. Кроме того, каждый раз с уве-

личением размера пая приходилось вносить соответствующие изменения в устав. Альтернативой являлась концепция паенакопления, при которой сохранялось номинальное значение пая, но увеличивалось число обязательных для оплаты паев при установлении полноправного членства, начиная с одного оплаченного пая, на что указал «Экономии» в 1918 г. в аналитической записке инструктор Закупсбыта Б.И. Чернавин⁷.

Подобные случаи демонстрировали, что самоуправление само по себе не гарантировало успешной деятельности кооператива. Практика способствовала осознанию необходимости сочетания самоуправления с профессиональной экспертизой, наймом специалистов – товароведов и бухгалтеров, инспектированием со стороны МСПО и Закупсбыта.

Большим местом кооперативов являлось отсутствие финансовой самостоятельности как следствие незначительности собственных капиталов и правовой необеспеченности кооперации в вопросе получения банковского кредита. Характерна история Всесословного общества потребителей «Экономия», которая началась в мае 1912 г. согласованной и полной энтузиазма работой, присущей новому общественному делу. Многолюдные общие собрания, привлекавшие по 100 и более членов, были посвящены обсуждению не только торговой деятельности, но и планов организации библиотеки, книжного магазина, школы для взрослых, кооперативного союза.

Однако в ноябре 1912 г. появились признаки разлада в управляющих органах, Ю.Я. Конисский покинул пост председателя⁸. Несвоевременная оплата паев тормозила накопление оборотных средств. В то время как на открытие мясной торговли правление просило сдавать дополнительные 1–2 руб., за членами числился долг по оплате паев в размере 700 руб., что приравнивалось к смете по мясной лавке. В 1914 г. заметно снизился интерес пайщиков к обществу, посторонние покупали больше, чем члены кооператива⁹. Отпущенные в кредит товары служащим городских учреждений – почты, телеграфа, школы – превращались в задолженность. По итогам 1914 г. говорилось о бесхозяйственности правления, неумелом подборе сотрудников, хаосе в счетоводстве и делопроизводстве¹⁰.

Избранному в 1915 г. новому правлению во главе с председателем В.Р. Романовым, прибывшим в ссылку из Киева, с трудом удалось закончить 1915 г. без убытков, с небольшой прибылью¹¹, что позволило купить пекарню, открыть обувную мастерскую и кондитерский цех¹². Популярность и значение «Экономии» в социально-экономической жизни Новониколаевска значительно возросли в результате эффективной дея-

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 327. Л. 90.

⁸ Алтайское дело. 1912. 27 нояб.

⁹ Там же. 1914. 18 июня.

¹⁰ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 30–31 об. [Протокол общего собрания общества потребителей «Экономия» г. Новониколаевска от 11 июля 1915 г.].

¹¹ Там же. Л. 35 об.

¹² Голос Сибири. 1916. 28 сент.

⁴ Сибирский листок. 1915. 17, 19, 24, 26 нояб.

⁵ Сибирская жизнь. 1917. 12 янв.

⁶ Голос Сибири. 1916. 13, 20, 28 сент.

тельности по снабжению населения важнейшими продуктами в условиях продовольственного кризиса. На общем собрании 27 ноября 1916 г. наблюдалась совсем другая картина, чем год назад. Оно было признано «выдающимся как по количеству, так и по составу присутствовавших: зал был полон публики, явились новые лица, выступали не только присяжные ораторы, но и ораторы из народа», присутствовало много женщин¹³. Правление сообщило о значительном увеличении численного состава «Экономии» – до 1297 чел., росте торговых оборотов в 2–2,5 раза, восстановлении кооперативной торговли для малообеспеченных жителей Закаменки, начале работы культурного отдела. Один из активных кооперативных работников предоставил для организации Закаменского отделения беспроцентную ссуду и выделил помещение в своем доме для библиотеки, объяснив это желанием содействовать делу кооперации и просвещения городской бедноты в память о погибшем на войне сыне¹⁴. Собрание показало, что после четырех лет деятельности под руководством постоянно обновляемого правления сплоченность пайщиков на основе совместных интересов и успехов общего дела заметно усилилась.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Финансовая и техническая стороны в кооперативах не являлись определяющими. Как показал автор классических трудов по теории организации Д. Норт, организационные факторы играют более важную роль, чем технические, поскольку ведут к изменению институтов, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на развитие экономики [15, с. 22]. Потребительским обществам, как и всякой организации, были свойственны тенденции к концентрации власти, групповщине и авторитаризму в управлении, отрыву руководства от рядовых членов.

Особенно яркими эти проявления были во всехословных городских кооперативах, где в состав руководящих органов входили преимущественно служащие, чиновники, лица свободных профессий, а значительная прослойка рабочих и малообеспеченных горожан не были пропорционально представлена в руководстве. Настроения и риторика кооперативной аудитории носили противоречивый характер. Критика в адрес кооперативных управленцев за «торгашеские» методы ведения дел не исключала стремления пайщиков к прибыли и существенным дивидендам. Естественный антикапитализм потребителей поддерживался активной деятельностью в кооперации левых социалистов. Поэтому социальная интеграция и развитие демократического самоуправления происходили постепенно, нередко драматическим образом с острыми конфликтами, борьбой группировок и личностей.

Так, в Томске руководству «Деятеля» во главе с чиновником Ю.П. Терру оппонировали социалисты

Д.И. Голенищев-Кутузов, П.Н. Стечкин, В.И. Анучин, Н.С. Васильев, А.Ф. Иванов, В.Н. Чепалов. В ходе отчетно-выборной кампании 1916 г. они обрушили на правление вал критики (за обособление от членов «за стеной важной начальственной жизни», высокие цены, неспособность наладить взаимодействие с городской продовольственной комиссией, огромные долги, беспорядок в лавках, «барышничество», стремление к коммерческому успеху в ущерб задачам социальным), не вполне справедливой в условиях бестоварья и недоброжелательного поведения городского самоуправления¹⁵. В результате лидеры оппозиции были избраны на руководящие посты вместо старого правления, деятельность которого подверглась расследованию специальной комиссией.

В барнаульском «Сотруднике» правлению, включавшему преимущественно представителей состоятельных слоев населения, на общих собраниях постоянно противостояла группа социалистов во главе с А.В. Спекторским. Они критиковали руководителей за отсутствие демократизма и гласности, зависимость кооператива от милости «американских дядюшек» – кредиторов из мещанского общества¹⁶. Заканчивались выступления оппозиции призывами А.В. Спекторского к членам правления «Уйдите!» и к участникам собрания – «Общество в опасности! Спасайте общество от правления!». Третьим судьей в конфликте выступил Алтайский союз кооперативов, который провел проверку счетов и деятельности правления «Сотрудника»¹⁷.

В Мариинске причины разногласий также коренились в неоднородном социальном составе кооператива. Сначала из него исключили купцов и торговцев – явных недоброжелателей и конкурентов. Затем восстали служащие, недовольные низкой оплатой, а вскоре члены общества выступили в прессе с открытым письмом о недостатках в работе руководства. Они писали, что правление обращается к пайщикам только за кредитом, «не предоставляет исчерпывающих отчетов о своей работе, ограничиваясь балансом, в котором большинство ничего не понимает»¹⁸. На состоявшемся в сентябре 1916 г. многолюдном общем собрании состав правления был полностью обновлен¹⁹.

Правление Городского общества потребителей Омска, несмотря на высокую оценку его деятельности со стороны пайщиков, также не избежало критики за ошибки в управлении и требований об отставке²⁰. В Иркутске на чрезвычайном общем собрании «Кооператора» 20 ноября 1916 г. против правления резко выступила группа из членов кооператива с обвинениями в том, что оно руководствуется в своей работе не планом или системой,

¹⁵ Объединение. 1916. № 10. С. 18; Сибирская жизнь. 1916. 5, 12 мая.

¹⁶ Голос Сибири. 1916. 21 сент.

¹⁷ Жизнь Алтая. 1916. 1 нояб.

¹⁸ Утро Сибири. 1915. 23 дек.

¹⁹ Сибирская жизнь. 1916. 25 сент.; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 9. Д. 332. Л. 4.

²⁰ Омский вестник. 1915. 22 дек. (3 янв.); Степной край. 1916. 16 янв., 6 марта.

¹³ Там же. 1916. 29 нояб.

¹⁴ Там же. 1916. 3 дек.

а лишь желанием во всем конкурировать с деятельностью кооператива «Труженик»²¹. Даже в спянном рабочем кооперативе «Труд» на ст. Тайга на общем собрании 30 марта 1917 г. постановили назначить специальную комиссию для проверки слухов о допущенных правлением под руководством председателя М.Ф. Яворского и ревизионной комиссией нарушениях²².

Кооператоров Ачинска возмущало то, что их общество напоминает не демократическую организацию, а обычное торговое предприятие, управляемое несколькими лицами по своему усмотрению, которые «неизвестно, где и когда собираются, какие вопросы решают»²³. В обществе потребителей «Трудовая копейка» на ст. Иланская в Енисейской губернии возникли разногласия по вопросу об отчислении прибыли на культурные цели. Пайщики-железнодорожники полагали, что «богатые» из правления «выкачивают из кооператива деньги, прикрываясь просвещением», и предлагали назначить в правление на условиях процентного вознаграждения управленцев-специалистов, которые бы развивали прежде всего торговлю и обеспечивали членов продуктами и сбережениями²⁴.

Эти и многие другие примеры показывают, что кооперативное самоуправление представляло собой целенаправленный процесс развития коллегиальности, гласности, прозрачности управления, совершенствования обратной связи, осознания того, что кооператив должен выступать перед лицом потребителя как организация общественная. В 1915–1916 гг. в кооперативах Томска²⁵, Барнаула²⁶, Омска²⁷, Верхнеудинска²⁸ успешно прошли кампании за «открытие дверей» – допущение на заседания правления с правом совещательного голоса членов общества, ревизионной комиссии, кооперативных служащих. Пробуждение самостоятельности пайщиков происходило, кроме собраний, в общественных комиссиях (по заготовке дров, устройству пекарен, помощи беженцам, культурной работе); в районных комитетах, наблюдавших за работой лавок; а также посредством анкетирования; подготовки и участия в культурно-просветительных и досуговых мероприятиях; для женщин предусматривалась организация женской кооперативной лиги.

Влияние всех этих мер на кооперированное население прослеживается, например, в заметках о кооперативе в железнодорожном поселке на ст. Иланская Енисейской губернии. Если в 1913 г. жители поселка характеризовались как «неподвижная, недоверчивая

масса, встретившая учреждение кооператива неприязненно и враждебно», то в отчете о собрании в 1915 г. отмечалось, что члены кооператива «отнеслись вполне сознательно к поставленным вопросам и подвергли их детальному обсуждению, вникая во все мелочи, были горячие споры, но не было бессмысленных, пьяных выкриков, столь обычных на сельских сходах»²⁹.

Наибольшую солидарность демонстрировали кооператоры Омска, Тобольска, Черемхово, Тайги. Правление кооператива «Самосознание» в Тобольске под председательством ветеринарного врача А.Н. Чеботарева успешно руководило его деятельностью с начала основания в ноябре 1915 г. Когда в связи с изменившейся в феврале 1917 г. общественно-политической ситуацией правление в полном составе подало в отставку, общее собрание ее не приняло, переизбрав кооперативный актив в прежнем составе на новый срок, что говорило о полном доверии руководству³⁰. В отчете правления кооператива служащих и рабочих на Черемховских угольных копях в Иркутской губернии отмечалось, что несмотря на трудности (пожар, недостачу, кражи), правление постоянно ощущало поддержку пайщиков и видит главный результат своей работы, помимо коммерческой стороны, в объединении населения для решения насущных жизненных задач³¹.

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ НА ОБЩЕСТВО

Становление потребительских обществ как демократических самоуправляющихся общественных организаций обусловило усиление их влияния на жизнь общества, особенно в годы Первой мировой войны. По мнению немецкого исследователя Х.-Д. Лёве, война разрушала социальный капитал и не особенно способствовала развитию элементов гражданского общества. Но она делала их более различимыми, если они занимали эту нишу еще в довоенный период. В ходе Первой мировой войны гражданское общество выстроило многие аспекты российской социальной, экономической и политической жизни, особенно в деле снабжения городов [5, с. 128–131].

Кооперативы стали выполнять новую для себя функцию организации хозяйственной жизни города, уезда, губернии, что в Сибири было важно из-за отсутствия земства, удаленности от промышленных центров. И это при том, что несмотря на впечатляющий численный рост, потребительные общества из всех других видов кооперации характеризовались как менее всего обеспеченные средствами, страдающие «разрозненностью, непрактичностью, слабым развитием сознательности»³². Тем более важен огромный

²¹ Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 29.

²² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Л. 23 [Выписка из книги протоколов общего собрания общества потребителей «Труд» в г. Тайге от 30 марта 1917 г.].

²³ Самостоятельность потребителя. 1916. № 1/2. С. 25.

²⁴ Объединение. 1916. № 8. С. 19.

²⁵ Протокол общего собрания от 13 сентября 1915 г. // Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 25–26.

²⁶ Жизнь Алтая. 1916. 5 июля.

²⁷ Омский вестник. 1915. 22 дек. (3 янв.); Степной край. 1916. 16 янв., 6 марта.

²⁸ Иркутский кооператор. 1916. № 11. С. 9.

²⁹ Объединение. 1915. № 1. С. 17; Сибирская деревня. 1915. № 1. С. 22.

³⁰ Государственный архив Тобольска. Ф. 154. Оп. 8. Д. 204. Л. 7.

³¹ Отчет Черемховского общества потребителей села Черемхово Иркутской губернии, Балаганского уезда за I операционный год (с 22 декабря 1912 г. по 9 июня 1914 г.). Иркутск, 1914. С. 16, 18.

³² Вестн. кооперации. 1914. № 6–7. С. 135–136.

шаг вперед со стороны кооперативов по установлению сотрудничества с муниципальными структурами, которое к 1916 г. приняло, за исключением отдельных случаев, массовый характер³³.

Кооператоры разрабатывали в помощь городскому самоуправлению планы продовольственных кампаний, реализовывали в своих магазинах заготовленные городом и собственными силами продукты, проводили подворные обследования и анализ продовольственной ситуации. Выделяется история кооператива «Экономия» в Верхнеудинске. Поскольку в городской продовольственной комиссии тон задавали конкуренты кооператива – местные торговцы, кооператоры безуспешно пытались получить ссуду от городской думы, мещанского общества и местного отделения Госбанка на закупку продуктов для продажи всему населению по заготовительной цене с 5%-ной компенсацией³⁴. В результате они увеличили собственный закупочный фонд с помощью дополнительных взносов, получили товарный кредит в Прибайкальском товариществе кооперативов³⁵. В 1916 г. в период «мучных» и «сахарных» кризисов только в лавках «Экономии» можно было приобрести дефицитные продукты. Когда обнаружилось, что городская управа не знала точного числа жителей Верхнеудинска для введения карточек, правление «Экономии» 21 октября 1916 г. без участия гласных организовало однодневную перепись населения переписчиками-добровольцами, мобилизовав для общественной работы около 100 чел. из учителей, учащихся, служащих, рабочих, приказчиков. Счетчики обошли более 17 тыс. чел, наблюдая «отчаянные картины безысходной нужды и нищеты, таящихся в лачугах городских окраин»³⁶. Благодаря кооперативной мясной торговле и колбасному производству город легче пережил мясной кризис³⁷.

В Красноярске взаимодействие кооператива «Самодетельность» с городским управлением осложнялось из-за разногласий в правлении между социалистами по поводу сотрудничества с «бездействующей» продкомиссией, где численным перевесом обладали купцы. Тем не менее в результате регулярных обращений к муниципальным властям с записками по продовольственному делу кооператоры неоднократно получали средства на закупку зерновых и мяса для всего населения города³⁸.

По мере хозяйственного укрепления кооперативы включались в освоение культурного пространства городских поселений. Отчислялись средства на устройство народных домов, библиотек, школ, приобретение кооперативной литературы, кинематографа. Анжерское

общество потребителей в 1915 г. для 150 детей поселка, оставшихся без школьного места, оборудовало школу на деньги из собственной прибыли³⁹. Новониколаевская «Экономия» в октябре 1916 г. устроила воскресную школу для более чем 100 взрослых⁴⁰. В Мариинске в октябре 1917 г. открылась кооперативная школа для детей членов потребительских обществ уезда⁴¹.

Городское общество потребителей Омска в своей культурно-просветительной работе новаторски использовало популярную в то время идею «кооперативного клуба». Свою первую годовщину 29 мая 1916 г. оно отметило большим праздником под общим названием «День кооперации». Примечательно, что мероприятие было многолюдным, несмотря на совпадение с празднованием Троицы, что свидетельствовало об успешном формировании у кооперированного населения новых современных моделей поведения⁴².

Кооперация выдвинула когорту деятелей, которые оказались востребованы в последующий период на поприще общественного управления, таких как Н.С. Васильев, А.Ф. Иванов, В.Н. Чепалов, В.И. Анучин, Д.И. Голенищев-Кутузов, Н.А. Рожков, Е.В. Захаров, В.И. Кириллов, С.И. Кантчиков, А.Н. Гладышев, П.Н. Марков, А.Н. Чеботарев, А.В. Байкалов, А.Р. Шнейдер, И.А. Ловцов, А.К. Скворцов, В.Р. Романов и др. В Иркутске, Красноярске, Томске действовали Комитеты содействия кооперации с участием университетских профессоров П.И. Лященко, А.В. Горбунова, Н.Я. Новомбергского⁴³. Участвуя в кооперации, они устанавливали связи с городским самоуправлением, корпорациями и общественными организациями, нередко обращались с запросами к членам Государственной думы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в дореволюционный период потребительские кооперативы имели институциональную, идеологическую и реальную правовую основу для автономии от государства, самостоятельности и самоуправления. Кооперативные принципы двоецентрирования управления и ревизионной комиссии, выборности, отчетности и сменяемости управляющих органов, равноправного голосования способствовали формированию новой культуры социального действия, связанной с развитием общественного контроля над делами кооператива и местной жизнью.

На месте разрушенного в результате урбанизации деревенского «местного», «соседского» принципа горизонтальных связей в кооперативах формировалась новая ментальность свободного осознанного выбора. Однако современные ценности части пайщиков, сословное разобщение внутри кооперативов, злоупотребление адми-

³³ Сибирские записки. 1916. № 2. С. 124.

³⁴ Союз потребителей. 1915. № 10. С. 275; № 20. С. 645.

³⁵ Утро Сибири. 1917. 2 февр.; Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 25; 1917. № 6/7. С. 13.

³⁶ Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 25.

³⁷ Иркутский кооператор. 1917. № 9/10. С. 29;

³⁸ Сибирская деревня. 1915. № 6. С. 18; Объединение. 1915. № 12. С. 21; Сибирская жизнь. 1915. 3 сент.; Борисович Л. Продовольственный вопрос в Красноярске и общество потребителей «Самодетельность» // Союз потребителей. 1916. № 3–4. С. 112–113.

³⁹ Сибирская жизнь. 1915. 10 окт.

⁴⁰ Голос Сибири. 1916. 15 нояб.

⁴¹ Союз потребителей. 1918. № 18. С. 14–15.

⁴² Омский телеграф. 1916. 13, 21, 24, 26, 28 мая, 1 июня.

⁴³ Сибирская жизнь. 1915. 23 дек.; Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 17; Кооперативная жизнь. 1916. № 3/4. С. 189.

нистративным ресурсом кооперации со стороны социалистов оказывали сдерживающее влияние на развитие демократического самоуправления. Лишь отчасти процесс развития демократического самоуправления зависел от экономических параметров – величины капиталов и прибыли, несомненно порождавших энтузиазм и сплочение пайщиков. Определяющими факторами являлись не финансовые и технические, а организационные. Социальная интеграция в кооперативах происходила по мере преодоления тенденции к авторитаризму в управлении, усилению коллегиальности, гласности, привлечения профессиональной экспертизы и ответственных специалистов. Становление потребительских обществ как демократических самоуправляющихся общественных организаций обусловило усиление их влияния на жизнь общества, особенно в годы Первой мировой войны, когда постепенно складывалось действенное сотрудничество кооперации с местным самоуправлением. Кооперативы не только смягчали социальные проблемы, но и внедряли в социум новые формы организации для решения этих проблем: самоснабжение, анализ продовольственной ситуации, проведение продовольственных кампаний, развитие образования и культуры. Благодаря этому кооперация превращалась в мощную силу и в совокупности с другими важнейшими формами местной жизнедеятельности – органами городского самоуправления, сетью общественных организаций – участвовала в формировании гражданского общества на региональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Побережников И.В.* Проблемы и перспективы анализа российских модернизаций // Исторические вызовы и экономическое развитие России: мат-лы Всерос. научн. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Тип. «Альфа Принт», 2019. 540. С. 37–42.
2. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
3. *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 391 с.
4. Эпоха войн и революций: 1914–1922: мат-лы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 1916 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. 496 с.
5. *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги // Гражданское общество в глобализирующемся мире: мат-лы науч. симп. «Zivilgesellschaft: Die deutsche (europäische) Erfahrung und die Perspektiven in Rußland». Гейдельберг, 9–11 мая 2005 года / под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Солонина, Т. Туманяна. СПб.: СПб. филос. о-во, 2008. 210 с. С. 107–138.
6. *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX века. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Сиб-принт, 2015. 540 с.
7. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.
8. *Алексеева Е.В.* Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 383 с. С. 46–55.
9. *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития: мат-лы по истории кооперации (1898–1920 гг.). Ново-николаевск: Сиб. отд-ние Центросоюза, 1923. 243 с.
10. Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. 807 с.
11. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. 583 с.
12. *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 150 с.
13. *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций / пер. с англ., вступ. ст. С.А. Пахомчика. Тюмень: Тюмен. обл. гос. ин-т развития регион. образования, 2005. 304 с.
14. *Котсонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России в 1861–1914 гг. / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 313 с.
15. *Мильнер Б.З.* Теория организации. М.: Ин-т экономики РАН, 2000. 480 с.

REFERENCE

1. *Poberezhnikov I. V.* Problems and prospects of the Russian modernization analysis. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii*. Ekaterinburg, 2019, pp. 37–42. (In Russ.)
2. *Poberezhnikov I. V.* (ed.) Actors of the Russian Imperial modernization (XVIII– early XX century): regional dimension. Ekaterinburg, 2016, 316 p. (In Russ.)
3. *Korelin A. P.* Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860–1917. Moscow, 2009, 391 p. (In Russ.)
4. *Kolonitskiy B. I., Orlovskiy D.* (eds.) The era of wars and revolutions: 1914–1922: proceedings of International colloquium. Saint Petersburg, 2017, 496 p. (In Russ.)
5. *Lyove H.-D.* War and civil society – friends or enemies. *Grazhdanskoe obshchestvo v globaliziruyushchemsya mire*. Saint Petersburg, 2008, pp. 107–138. (In Russ.)
6. *Zaporozhchenko G. M.* Urban consumer cooperation in Siberia in the early XX century. Search for identity and experience of civil self-government. Novosibirsk, 2015, 540 p. (In Russ.)
7. *Alekseev V. V.* (ed.) The experience of Russian modernizations. XVIII–XX centuries. Moscow, 2000, 246 p. (In Russ.)
8. *Alekseeva E. V.* The role of exogenous factors in forming industrial civilizations. *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy: regional'noe izmerenie*. Ekaterinburg, 2009, pp. 46–55. (In Russ.)
9. *Makhov V.* Consumer cooperation in Siberia in the process of its development. Materials on the history of cooperation (1898–1920). Novonikolaevsk, 1923, 243 p. (In Russ.)
10. *Lamin V. A.* (ed.) Historical encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, 2009, vol. 2, 807 p. (In Russ.)
11. *Mironov B. N.* Social history of Russia during the Imperial period (XVIII – early XX centuries). The genesis of the individual, democratic family, civil society, and the legal state. Saint Petersburg, 2003, vol. 1, 583 p. (In Russ.)
12. *Shilovskiy M. V.* Tomsk pogrom in October, 20–22, 1905: chronicle, comment, interpretation. Tomsk, 2010, 150 p. (In Russ.)
13. *Emel'yanov I. V.* Economic theory of cooperation. The economic structure of cooperative organizations. Tyumen, 2005, 304 p. (In Russ.)
14. *Kotsonis Ya.* How the peasants were made backward. Agricultural cooperatives and the agrarian question in Russia, 1861–1914. Moscow, 2006, 313 p. (In Russ.)
15. *Mil'ner B. Z.* Theory of organization. Moscow, 2000, 480 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.02.2020

Дата рецензирования 02.03.2020

Статья принята к публикации 13.04.2020

DOI: 10.15372/HSS20200211
УДК 342.843(571)"1919"

Д.Л. ШЕРЕМЕТЬЕВА

ГОРОДСКИЕ ВЫБОРЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ А.В. КОЛЧАКА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,

Впервые в историографии на основе широкого круга источников установлены хронология, масштаб и содержание электоральных процессов на территории Сибири, подконтрольной антибольшевистскому Российскому правительству А.В. Колчака. Описаны организация, ход и итоги выборов, прошедших весной – осенью 1919 г. и охвативших подавляющее большинство городов края. В результате сделан вывод, что несмотря на условия гражданской войны и военной диктатуры, на муниципальном уровне были реализованы всеобщие, равные, тайные, прямые, конкурентные выборы на основе системы одобрительного голосования по многомандатным округам. Эти выборы обеспечили волеизъявление горожан и смену состава органов самоуправления. Однако успех продуманной электоральной политики был обесценен запоздалостью ее реализации.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, городские думы, домовладельцы, абсентеизм, гражданская война, Сибирь.

D.L. SHEREMETYEVA

CITY ELECTIONS UNDER THE CONDITIONS OF THE MILITARY DICTATORSHIP OF A.V. KOLCHAK

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study objective is to assess the experience of municipal elections within the frame of the authoritarian political regime in Siberia during the Civil War. To achieve this goal the following tasks were solved: to establish the chronology and scale of electoral processes in the anti-Bolshevik camp, to analyze the organization, progress and results of municipal elections. The research source base includes the records of urban councils, documents of the Ministry of Internal Affairs municipal department of the Russian government, and periodicals. There are gaps and discrepancies in numerous sources, and data on elections in different cities are fragmentary. However, a comprehensive approach to the study elections allows us to get closer to understanding electoral processes. The research results reveal that the municipal election campaign in Siberia lasted from early February to mid November in 1919. In other words, the election process was launched during the success of the anti-Bolshevik authoritarian political regime and lasted until its transition to the terminal stage, when the front of the struggle against the Red Army began to collapse. During this period, elections were held in 47 regional cities covering the vast majority of administrative centers of provinces (guberniya), regions (oblast) and counties (uyezd). The deep-rooted urban population of Siberia took an active part in the elections, but mobilized soldiers and officers, refugees and seasonal workers were not permitted voting. The voters turnout at the election amounted approximately 17.0 %. This level was considered low, but sufficient for the election to be recognized as valid. According to the vote results, non-political groups and organizations gained an advantage in the municipal Dumas. Despite the conditions of the Civil War and military dictatorship, the elections were general, equal, secret, direct, competitive ones at the municipal level based on a system of approval voting in multi-mandate districts. These elections ensured the will of citizens and changes of the self-government bodies composition. However, the success of a well-thought-out electoral policy was devalued by its late implementation.

Key words: elections, suffrage, municipal councils, homeowners, absenteeism, Civil War, Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Российское правительство А.В. Колчака 27 декабря 1918 г. постановило: «Городским управлениям

немедленно приступить к составлению избирательных списков и произвести выборы гласных городских дум» [1, с. 154]. Решение принималось во вре-

Дарья Леонидовна Шереметьева – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: dalas83@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2304-276X>.

Darya L. Sheremetyeva – Candidate of Historical Science, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

мья успехов на фронте, и власти казалось возможным и даже выгодным инициировать выборы в городах, считавшихся опорой режима. Предполагалось, что голосование обеспечит более квалифицированный и менее политизированный состав органов местного самоуправления. Кроме того, выборы доказывали приверженность Российского правительства демократическим ценностям, что позволяло укрепить его позиции на российской политической арене и в международных отношениях.

Значимый для современников событий электоральный процесс, охвативший весь восток России, оказался на периферии внимания исследователей. В советской историографии тема выборов в антибольшевистском лагере ограничивалась утверждениями о «почти полном абсентеизме населения» и «победе буржуазно-кадетских элементов» [2, с. 199]. На современном этапе изучения гражданской войны выборы рассматриваются в контексте истории политических движений и органов местного самоуправления [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Предметно описана только «пестрая картина» выборов в Енисейской губернии, где победили «правые силы» из-за «недовольства или безразличия населения к происходившим событиям» [10, 11].

В целом научная разработка темы находится на начальной стадии, требуется решение таких базовых задач, как установление хронологии и масштаба электоральных процессов, анализ организации, хода и итогов голосования в городах Тобольской, Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Семипалатинской, Акмолинской, Забайкальской и Якутской областей – так называемого heartland Российского правительства.

Источниковая база исследования включает дело-производство городских управ, документы городского отдела МВД Российского правительства и периодическую печать. В многочисленных источниках имеются пробелы и разночтения, данные о выборах в разных городах сохранились фрагментарно. Однако комплексный подход к изучению выборов позволяет приблизиться к пониманию электоральных процессов.

ПОДГОТОВКА ГОРОДСКИХ ВЫБОРОВ

Правила для производства выборов гласных городских дум, утвержденные Советом министров Российского правительства 27 декабря 1918 г., содержали нормы всеобщих, равных, тайных, прямых и конкурентных выборов. По сравнению с правилами 1917 г. вместо пропорциональной системы устанавливалось одобрительное голосование по многомандатным округам и ограничивалось избирательное право. Самыми значимыми нововведениями реформы избирательной системы были голосование за любых кандидатов из «открытых списков», применение принципа большинства при подсчете голосов, исключение из электората военных и введение годичного ценза оседлости¹. Эти

¹ Новые правила для производства выбора гласных городских дум. Омск, 1919. 24 с.

изменения были призваны обеспечить победу идеологически умеренных кандидатов.

Новации должны были вступить в силу 1 января 1919 г., когда формально заканчивался срок полномочий большинства действовавших городских дум. Однако из-за декабрьского антиправительственного восстания в Омске и тяжелой болезни Верховного правителя дело затянулось. Документы, положившие начало электоральной кампании, были обнародованы только в феврале, а доведены до сведения всех городских управ к апрелю.

На распоряжение правительства о проведении выборов городские управы отреагировали по-разному. Безотлагательно приступили к их организации в Зиме, Ишиме, Киренске, Славгороде, Верхоленске, Илимске, Таре, Балаганске, Кургане, Шадринске, Верхнеудинске, Иркутске, Ялуторовске, Боготоле, Баргузине, Бодайбо, Камне, Канске, Нерчинске Нижнеудинске, Петропавловске, Тюмени, Чите и Нарыме.

Откладывали выборы, но все-таки назначили их на летние месяцы в Енисейске, Зайсане, Туринске, Змеиногорске, Павлодаре, Новониколаевске, Усть-Каменогорске, Кольвани, Кузнецке, Мариинске, Томске, Ачинске, Канинске, Барнауле, Семипалатинске, Тобольске, Татарске, Бийске, Минусинске, Красноярске, Акмолинске, Акше, Березове, Каркаралинске, Сургуте и Троицкосавске. В Якутске выборы должны были состояться в сентябре, так как из-за отдаленности политические процессы здесь имели специфический сдвиг по шкале времени. До осени откладывали голосование в Тайге и Барабинске.

Своеобразно решался вопрос о выборах в Омске. Изначально городская управа запросила МВД об отсрочке выборов на неопределенный срок. Из министерства ответили решительным отказом. Управа подчинилась, но назначила выборы только на 11 сентября. В разгар подготовки к голосованию Совет старейшин думы предложил гласным перенести выборы на ноябрь. Против переноса проголосовали 13 чел., надеявшихся «расшевелить население выборами и вывести его из панического состояния»². Поддержали предложение старейшин 16 чел., считавших, что «выборы должны происходить в спокойной обстановке, а не в момент, когда от населения требуется напряжение всех сил на помощь армии»³. В результате выборы в Омскую думу были назначены на 16 ноября, готовились к их проведению в обстановке экстренной эвакуации населения, но выборы не состоялись из-за вступления в город Красной армии.

Не удалось установить, что происходило вокруг выборов в трех городах Акмолинской области – Атбасаре, Кокчетаве и Тюкалинске; малонаселенных северных городах – Туруханске, Верхоянске, Вилуйске, Алексинске и Среднеколымске, а также в бурятских Селенгинске и Мысовске.

Итак, электоральный процесс был запущен в 52 городах Сибири. При этом Иркутская губерния ока-

² Наша заря (Омск). 1919. 10 авг.

³ Там же.

залась единственной, где выборы были назначены во всех городах, кроме претерпевавшего административно-территориальные преобразования Черемхово. Акмолинская область, напротив, поставила рекорд по уклонению городских управ от организации выборов. В целом Восточная Сибирь обошла Западную на старте электоральной кампании. Объясняется это тем, что в ряде городов Западной Сибири, в том числе в Барнауле, Омске и Тобольске внеочередные выборы прошли летом – осенью 1918 г. и состав гласных был адекватен условиям контрреволюции.

Организация выборов началась с составления списков избирателей. Правом голоса пользовались граждане обоюбого пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие 21 года и проживавшие (либо имевшие домашнее обзаведение или работу) в городе не менее года. В выборах не участвовали высшие представители административной власти, военнослужащие, милиционеры, монашествующие, душевнобольные, глухонемые, самогонщики, дезертиры, взяточники, казнокрады, ростовщики, мошенники, банкроты и лица, содержавшиеся под стражей или отбывшие наказание по постановлениям следственных комиссий за противогосударственную деятельность⁴.

По сравнению с предшествовавшими выборами был повышен на год возраст избирателей, исключены из электората военнослужащие, беженцы и потенциальные противники колчаковского режима. Ограничения отсекали «временное и беспокойное» население, обеспечив волеизъявление типичного сибирского горожанина, заинтересованного в благополучии своего места жительства.

Согласно спискам городских управ, в 1919 г. правом голоса обладали около 430 тыс. чел. Это приблизительно на треть меньше по сравнению с выборами 1917 г. [12, с. 96–98, 100]. Основной причиной сокращения числа избирателей было отсечение голосов военнослужащих, тогда как в условиях Февральской революции многотысячные тыловые гарнизоны участвовали в выборах [13, с. 216]. Ценз оседлости существенно ограничил участие в выборах рабочих, которые не могли преодолеть его из-за сезонных миграций⁵. Массы мобилизованных молодых мужчин и беженцы не получили права голоса. В результате реформы городской электорат оказался дистиллирован от реалий гражданской войны.

Требования к кандидатам отличались более высоким возрастным барьером, составлявшим 25 лет, при этом ценз оседлости отсутствовал – баллотироваться можно было в любом городе. Для выдвижения необходимо было заручиться подписями избирателей в количестве, не меньшем числа мандатов, т.е. всего от 20 до 80 – в зависимости от количества избирателей в конкретном городе.

ПРЕДВЫБОРНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

О том, кто выдвигал кандидатов в городские самоуправления, можно судить по названиям опубликованных списков. Участники выборов определяли себя как: домовладельцы (28), торгово-промышленники и деловые группы (15), профсоюзы (13), квартираниматели (8), кооперативы (8), служащие (8), мещане (7), церковно-приходские советы (7), мусульмане (6), беспартийные группы (5), интеллигенция (5), казаки (4), трудовые группы (3), евреи (3), кадеты (3), социал-демократы (3), эсеры (3), социалисты (2), рабочие (2), Союз возрождения России (2), торговцы (2), увечные воины (2), энесы (2), извозчики, народно-республиканская группа, поляки, Союз сибиряков-областников и старообрядцы. При этом пятая часть списков не имели названий.

Наиболее активными и заинтересованными участниками выборов оказались «домовладельцы». Обобщенный образ представителей этой группы как «буржуазии», «цензовиков», «старых хозяев городского сундука», малочисленной группы состоятельных консервативных горожан существовал в сознании их политических оппонентов⁶. Однако вопрос о том, насколько он соотносился с социальной и политической реальностью, остается открытым.

Только Томский и Курганский союзы домовладельцев однозначно отстаивали на выборах интересы крупных собственников, биржевиков, коммерсантов и заводовладельцев. В Славгороде, Бодайбо, Тюмени, Туринске и Минусинске домовладельцы, напротив, конкурировали с торгово-промышленниками. В Чите с Союзом домовладельцев на выборах соперничал список «мелких домовладельцев и арендаторов». В Павлодаре были одновременно выставлены списки домовладельцев-купцов и домовладельцев-мелких торговцев. Боготольскими домовладельцами являлись крестьяне с городских выселков. Барнаульский блок домовладельцев, торгово-промышленников и беспартийной интеллигенции заявлял, что выражает интересы самых разных слоев городского населения – от банкиров до земледельцев. Из 60 его кандидатов только 15 сдавали квартиры внаем, ни для одного из них домовладение не являлось источником существования⁷. То есть под именем «домовладельцы» скрывались разные группы населения, объединенные относительно устойчивыми связями с местом проживания.

Домовладельцы, как правило, избегали публичной демонстрации своих политических настроений и позиций. Определить их идейно-политический статус возможно только по косвенным свидетельствам. Кандидаты от Иркутского союза домовладельцев, по мнению их оппонентов, были носителями политического радикализма – от ярко монархического до боль-

⁴ Новые правила... С. 2, 3.

⁵ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. 9 марта, 6 апр.

⁶ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 11 июля; Алтайский край (Бийск). 1919. 27 июля; Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 17; и др.

⁷ Речь Алтая (Барнаул). 1919. 15 июля.

шевистского толка⁸. Бийским домовладельцам досталась жесткая критика как недалеких, грубых и наглых ретроградов: «Санитария побою <...> Образование только для видимости <...> Бедные для того и бедные, чтобы им плохо жилось»⁹. Союз домовладельцев в Чите доказывал разумность системы, при которой богатые люди управляют городом¹⁰. Вместе с тем, в Барнауле и Красноярске домовладельцы блокировались с кадетами и подписались под прогрессивными муниципальными программами. Объединять таких разных домовладельцев могли реваншистские настроения имущих после дискриминаций, пережитых во время советской власти.

По политическим настроениям к домовладельцам тесно примыкали торгово-промышленники и деловые группы. В крупных городах, где у них был общий сильный соперник, торгово-промышленники выступали в союзе с домовладельцами. В городах с низкой конкуренцией – Славгород, Тара, Бодайбо, Туринск и Минусинск – деловые группы выставили собственные списки кандидатов.

Активно участвовали в выборах профсоюзы. В 1919 г. они сохраняли высокий авторитет и значительный организационный потенциал в рабочей среде, оказывали влияние на социально-трудовые отношения и были двигателем мощного протестного движения [14, с. 73–74]. В Ишиме, Кургане, Верхнеудинске, Боготле и Тюмени профсоюзы выставили самостоятельные списки кандидатов. В Иркутске, Чите, Новониколаевске, Томске, Барнауле, Красноярске, Тобольске и Омске они выступали локомотивами демократических или социалистических блоков.

Электоральной базой профсоюзов было преимущественно население городских окраин и рабочих предместий. Однако в агитационно-пропагандистской лексике они предпочитали использовать термины «широкие народные массы» и «демократия», которые подразумевали всех горожан, кроме «богачей» и «буржуев». Профсоюзы выдвигали популистские муниципальные программы. Только в Иркутске и Красноярске профсоюзы солидаризовались с социалистической оппозицией Российскому правительству.

Политические партии, непререкаемые участники и главные бенефициары выборов в 1917 г., продолжали борьбу только в Иркутске, Чите, Новониколаевске, Барнауле, Тобольске и Красноярске. Причем ни одна партийная организация в Сибири не выступила самостоятельно, непременно в блоках с разного рода общественными организациями. Даже кадеты, считавшиеся идеологической опорой политического режима, на муниципальном уровне выглядели такими же слабыми, разобщенными и непопулярными, как преследуемые властью социалисты, переживавшие идейный разброд, распад партийных организаций, полуправильное и нелегальное существование [15, с. 91].

Заметными участниками выборов были «квартиронаниматели». Их объединяла программа одного пункта – доступные цены на жилье. Внятных социальных границ или единой политической окраски движение квартиронанимателей не имело, а в предвыборной агитации оно обращалось к «широким народным массам». Социалисты называли квартиронанимателей «болотом», а их организаторов считали конъюнктурщиками¹¹. Тем не менее квартирный вопрос сыграл ключевую роль в двух самых массовых муниципальных выборных кампаниях, состоявшихся в Иркутске и Томске.

Участие в выборах приняли также кооперативы, отдельные группы служащих и мещан, профессиональные и национальные организации. Они выступали в основном в электоральных блоках. Самостоятельную роль сыграли только татары и киргизы в Павлодаре, Каркаралинске, Акмолинске, Петропавловске и Зайсане¹².

Итак, основными организованными участниками выборов были преимущественно такие социальные группы горожан, как домовладельцы, торгово-промышленники, рабочие, квартиронаниматели, служащие, мещане, торговцы и ремесленники. Политические институты оказались на второстепенных позициях.

В каждом городе на выборах конкурировало, как правило, два-три кандидатских списка. Максимальное количество – шесть списков – было выставлено в Чите и Тобольске. Не было соперничества в Татарске и Якутске. Общими тенденциями выборов являлись блокирование и концентрация усилий. Снижение политической фрагментации было в значительной мере следствием реформы избирательной системы. Принцип большинства, «открытые списки» и многомандатные округа не оставляли шансов аутсайдерам и радикалам. Поэтому участники электорального процесса создавали громоздкие объединения и выдвигали популярных кандидатов, нередко поступаясь принципами и политическими позициями.

Наиболее массовые и содержательные избирательные кампании прошли в Иркутске, Томске и Барнауле. Причем в административных центрах Алтайской и Иркутской губерний велась системная идейно-политическая борьба, а в Томске конкурировали списки, составленные на основе прагматичных договоренностей. Соперники, как правило, активно использовали печатную и устную агитацию. Для победы на выборах участники формулировали в общих чертах картину благополучного будущего – спасенный от разрухи и голода сибирский город, усердно тиражировали конфронтационные стереотипы «социалистов-демагогов» или «цензовиков-хапистов».

ГОЛОСОВАНИЕ И ИТОГИ ВЫБОРОВ

Одной из основных задач предвыборной агитации являлось объяснение избирателям нового порядка голосования. Проголосовать можно было либо за один из опубликованных списков кандидатов целиком, либо составить свой список, включив в него выдвинутых по округу кандидатов.

⁸ Свободный край (Иркутск). 1919. 25 мая.

⁹ Алтайский край (Бийск). 1919. 22 июня.

¹⁰ Русский Восток (Чита). 1919. 31 мая.

¹¹ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 17.

¹² Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 сент.

Правила предлагали несколько вариантов составления избирательных записок. Основной вариант – самостоятельное заполнение чистого бланка, выданного городской избирательной комиссией, – обязывал избирателя написать или напечатать на машинке фамилии, имена и отчества выбранных им кандидатов. При этом важно было правильно определить свой округ, избежать аббревиатур, исправлений, зачеркиваний, подчисток и ни в коем случае не ставить свою подпись на записке. Такой вариант подходил для образованных и ответственных избирателей, заранее позаботившихся о голосовании. Дополнительный вариант разрешал избирателю воспользоваться готовыми списками, распространяемыми кандидатами в гласные. В них нельзя было вычеркивать или вписывать фамилии. Такое участие было доступно неграмотным горожанам, но также подразумевало предварительную готовность и доверие к кандида-

там. Сложности нового порядка служили барьером для спонтанного голосования.

С 27 апреля по 31 августа почти в каждый воскресный день, а также в некоторые праздничные дни проходили выборы. Пик интенсивности электорального процесса пришелся на 1 июня. В этот день выбрали гласных по меньшей мере в девяти городах. Со второй половины июля выборная кампания пошла на спад. В августе она завершалась с заметными сдвигами, в Семипалатинске и Тобольске выборы не состоялись, а омичи перенесли дату выборов. В сентябре голосование прошло только в Якутске. Последние выборы состоялись 16 ноября в Новониколаевске во время крушения антибольшевистского фронта, за три дня до приезда в город Верховного правителя А.В. Колчака.

С конца апреля до середины ноября 1919 г. выборы прошли в 47 городах Сибири, причем в Иркутске, Новониколаевске и Боготоле – дважды (таблица).

Городские выборы в Сибири в 1919 г.
City elections in Siberia in 1919

Дата выборов Election date	Город City	Кол-во избирателей, чел. Number of voters	Явка	
			кол-во чел. Number of persons	%
1	2	3	4	5
Апрель, 27	Зима	Около 2000	Около 260	13,0
	Ишим	Около 3000	1209	Около 40,0
	Киренск	Около 1000	Около 500	Около 50,0
	Славгород	2227	379	17,0
Май, 6	Верхоленск	Около 450	Около 250	Около 56,0
Май, 11	Илимск	Около 500	–	–
	Тара	4272	541	12,7
Май, 18	Балаганск	Около 1000	Около 120	12,0
	Курган	8502	1851	21,8
	Шадринск	6700	1819	27,1
Май, 25	Верхнеудинск	9124	618	6,8
	Иркутск*	42294	9667	22,8
	Ялуторовск	Около 1500	578	Около 38,0
Май, 29	Боготол*	2676	351	13,1
Июнь, 1	Баргузин	785	414	52,7
	Бодайбо	Около 1000	Около 200	Более 10,0
	Камень	6176	451	7,3
	Канск	3982	905	22,7
	Нерчинск	2309	473	20,5
	Нижнеудинск	Около 5000	Около 530	Около 10,0
	Петропавловск	15 602	1240	7,9
	Тюмень	18 060	3468	19,2
	Чита	14 531	2184	15,0
	Июнь, 15	Енисейск	3802	1078
Зайсан		Около 3000	–	Более 10,0
Июнь, 22	Туринск	1252	352	28,1
	Змеиногорск	3667	405	11,0
	Павлодар	3581	529	14,7

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	
Июнь, 29	Новониколаевск*	24 386	5354	21,9	
	Усть-Каменогорск	Около 6000	Около 1400	Около 23,0	
Июль, 6	Колывань	3931	168	4,3	
	Кузнецк**	Около 2000	–	–	
	Маринск	5905	378	6,4	
Июль, 13	Томск	48 301	11 558	23,9	
Июль, 20	Ачинск	3902	1281	32,8	
	Каинск	Около 2800	–	Более 10,0	
Июль, 27	Барнаул	25 467	2604	10,2	
	Семипалатинск**	17 071	–	–	
Август, 3	Боготол	2676	421	15,7	
	Иркутск	42 294	8576	20,3	
	Тобольск**	9462	–	–	
Август, 10	Татарск	Около 3000	Около 500	Около 16,0	
Август, 19	Бийск	15 336	849	5,5	
Август, 19	Минусинск	5088	787	15,5	
Август, 31	Красноярск	33 153	2623	7,9	
Лето	Акмолинск	Около 3500	–	Более 10,0	
	Акша	Около 1500	–	Более 10,0	
	Березов	Около 300	–	Более 10,0	
	Каркаралинск	Около 2000	–	Менее 10,0	
	Сургут	Около 1000	–	Более 10,0	
	Троицкосавск	Около 4900	–	Менее 10,0	
	Нарым**	Около 500	–	–	
	Сентябрь, 7	Якутск	Около 2700	82	Около 3,0
	Ноябрь, 16	Омск**	45 078	–	–
Новониколаевск		24 386	–	–	

* Результаты выборов отменены судом

** Выборы не состоялись

Составлено по: Государственный архив Иркутской области. Ф. Р–2. Оп. 1. Д. 81. Л. 26; ГАРФ. Ф. Р–141. Оп. 11. Д. 14. Л. 6; Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–141. Оп. 1. Д. 14. Л. 6; Ф. Р–1700. Оп. 7. Д. 44. Л. 9–11; Ишимская жизнь. 1919. 26, 29 апр.; Единство (Петропавловск). 1919. 1 мая; Наше дело (Иркутск). 1919. 4, 24 мая, 6, 11, 15 июня, 8, 21, 28 авг.; Правительственный вестн. (Омск). 1919. 6, 8, 10, 15, 18, 24, 29, 31 мая, 7, 8, 11, 18 июня; 6, 8 июля, 2, 14, 24 авг., 17 сент.; Друг народа (Славгород). 1919. 8 мая; Каменская мысль. 1919. 18 мая; Приишимье (Петропавловск). 1919. 18 мая, 8 июня и 4 июля; Канский вестник. 1919. 20 мая, 5 июня; Курганская свободная мысль. 1919. 20 мая; Новое слово (Семипалатинск). 1919. 21, 24 мая; Прибайкальская жизнь (Верхнеудинск). 1919. 24, 29 мая, 1 июня; Наша заря (Омск). 1919. 25 мая, 29 июля; Ялуторовская жизнь. 1919. 28 мая; Заря (Омск). 1919. 1 июня; Забайкальская новь (Чита). 1919. 5 июня; Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 12, 13 июня, 8, 19, 30 июля; Наша деревня (Иркутск). 1919. 13 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 14 июня, 14 авг., 5 сент.; Вестн. Томской губернии. 1919. 16, 30 июня, 2, 7, 18, 21, 23 июля; Барабинская степь (Каинск). 1919. 19 июня; Земля и труд (Курган). 1919. 21 июня; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 28 июня, 4, 5, 18, 19 июля, 26 авг.; Алтайская мысль (Барнаул). 1919. 2 июля; Русская речь (Новониколаевск). 1919. 2 июля; Минусинский край. 1919. 19 июля, 19, 23 авг.; Ачинский край. 1919. 24 июля; Речь Алтая (Барнаул). 1919. 27, 31 июля; Алтайский вестн. (Барнаул). 1919. 29 июля; Алтай (Бийск). 1919. 17, 22 авг.; Алтайский край (Бийск). 1919. 22 авг.; Сибирская речь (Омск). 1919. 28 окт.; Якутские областные ведомости. 1919. 18 сент. Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 16–17; Выборы на Новосибирской земле. 1893–2013 г. / отв. ред. А.А. Макаревич. Новосибирск, 2013. С. 22–37; Звягин С.П. Кузбасс в годы гражданской войны. Омск, 2007. С. 38; Насибуллин С.А. К истории городского самоуправления в Чите в 1875–1921 годах // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 101; Дробченко В.А. Органы местного самоуправления в Томской губернии в период гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестн. Кем. гос. ун–та. 2015. № 2 (62) Т. 6. С. 241–247; Дементьев А.П. Избирательная кампания 1919 года в городские думы Енисейской губернии: подготовка, ход и итоги // Изв. лаборатории древних технологий. 2019. № 3 (32). С. 190–199.

Доля проголосовавших варьировалась от 3,0 до 56,0 %. Самая низкая явка наблюдалась в Якутске, Колывани и Бийске. Рекордсменами оказались Верхоленск, Баргузин и Киренск. Относительно более высокая явка была характерна для выборов в малых городах Восточной Сибири в апреле – июне, а низкая чаще фиксировалась в Западной Сибири в июле – августе. То

есть избиратели тем охотнее участвовали в выборах, чем дальше они находились от фронта. Однако эта тенденция не являлась всеобъемлющей.

Уровень электоральной активности был тесно связан с социальными, экономическими и политическими условиями, сложившимися в каждом конкретном городе к дате выборов. Тем не менее для исследования

важной представляется средняя явка. В современной историографии утверждается, что на избирательные участки на востоке России в 1919 г. явилось не более 7–10 % избирателей [7, с. 139; 11, с. 195]. Однако эту цифру невозможно проверить из-за отсутствия информации о том, на основе каких источников и каким образом проводился подсчет.

Современники событий, основываясь на прозрачной доказательной базе, приводили другие цифры. В аналитической записке городского отдела МВД Российского правительства, составленной на основе данных о выборах в 36 уездных и безуездных городах Урала и Сибири за июль–август¹³, зафиксирован средний уровень явки в 21,7 %. В статье о выборах в 22 городах Урала, Сибири и Дальнего Востока, опубликованной в журнале «Новое земское дело», автор среднюю явку определил в 17,4 %¹⁴. Оба источника можно заподозрить в ангажированности – правительство было заинтересовано в завышении статистики, а оппозиционный публицист, напротив, мог занижить цифру.

Более полные сведения о состоявшихся выборах по 38 городам Сибири за апрель–ноябрь, включая административные центры губерний и областей, позволяют уточнить приведенную информацию. Из 345 тыс. избирателей в голосовании приняло участие около 60 тыс. чел. (таблица). То есть явка на городских выборах в среднем составила около 17,0 %. Этот подсчет не является окончательным из-за разночтений и пробелов в источниковой базе. Тем не менее его можно признать близким к достоверному.

Для современников событий, помнивших небывалый ажиотаж на выборах в революционном 1917 г., поведение избирателей в 1919 г. казалось катастрофическим абсентеизмом и полной пассивностью. Вместе с тем отдельные суждения и факты ставили под сомнение общее мнение. Во-первых, базовый городской электорат участвовал в выборах 1917–1919 гг. в равной степени интенсивно, а отсеялась лишь солдатская масса¹⁵ и городские окраины¹⁶. Во-вторых, своеобразным психологическим рубежом был 10%-ный барьер, преодоление которого считалось хорошим показателем¹⁷. Томские выборы, например, с явкой в 23,9 % наблюдатели описывали как оживленные: «Во всех избирательных участках тянулись огромные ”хвосты” избирателей всех классов и сословий в продолжении целого дня. В пятом и четвертом участках очереди ждало около 500 человек»¹⁸. В Енисейске явка составила 28,3 %. Так как город находился на осадном положении, этот процент был оценен как «достаточный»¹⁹.

В конечном итоге низкая явка не препятствовала признанию выборов состоявшимися, а их результа-

тов – легитимными. Низкая явка горожан на выборах была проявлением политической апатии и индифферентизма²⁰, связанных с общим признанием второстепенности муниципальных выборов, не решающих ключевых политических вопросов. Политический бойкот был зафиксирован только в Николаевской слободе Красноярска²¹.

Оценка абсентеизма на муниципальных выборах как проявления массового протеста населения против политического режима А.В. Колчака [3, с. 252] не находит прямых подтверждений в источниках. Более того, научно установлено, что явка на выборах в принципе мало зависит от характера политического режима [16, с. 319].

После голосования избирательные комиссии подсчитывали результаты и составляли новые списки гласных в рейтинговом порядке. Избранными считались кандидаты, набравшие не менее десятой части от поданных голосов. Во всех городах, кроме Змеиногорска, удалось избрать требуемое число гласных.

Результаты выборов современники событий оценивали как победу домовладельцев. Городской отдел МВД Российского правительства зафиксировал 28 дум с домовладельческим большинством, 17 дум с преобладанием «беспартийных», пять социалистических, две «цензовых» и одну кадетскую²². Земские деятели пришли к схожему выводу, отметив, что «хозяевами городского сундука оказались домовладельцы», львиную долю голосов получило «болото», а демократия осталась в меньшинстве²³.

Такие результаты корреспондируются с фактом активного участия в выборах домовладельцев и других групп, объединенных по различным социальным признакам. Этот результат логично трактовать как торжество политической нейтральности [5, с. 64]. «Левые» потеряли свои позиции в большинстве городских дум [3, с. 252]. Однако вопрос о доминировании «правых элементов» требует дополнительных изысканий.

Оценка выборов с точки зрения соблюдения законности встречала отдельные протесты и критические суждения. Самыми существенными из них были указания на вмешательство военных. В Иркутске военная цензура чистила предвыборные издания социалистического блока, пропуская информацию того же толка в либеральной газете²⁴. В Барнауле политические аресты городского головы В.И. Николаева и его помощника И.Д. Румянцева нарушили предвыборную кампанию социалистов²⁵. В Красноярске военные наложили запрет на выпуск предвыборной газеты демократических и профессиональных организаций и запретили предвыборное собрание в рабочем пред-

¹³ Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 сент.

¹⁴ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 16.

¹⁵ Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 3 сент.

¹⁶ Наше дело (Иркутск). 1919. 6 июня.

¹⁷ Правительственный вестн. (Омск). 1919. 17 сент.

¹⁸ Вестн. Томской губернии. 1919. 16 июля.

¹⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 4 июля.

²⁰ Алтайский край (Бийск). 1919. 25 июля; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 5 сент.; Русь (Омск). 1919. 29 окт.; и др.

²¹ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 18.

²² Правительственный вестн. 1919. 17 сент.

²³ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 17.

²⁴ Свободный край (Иркутск). 1919. 22 мая.

²⁵ Алтайская мысль (Барнаул). 1919. 10 мая.

местье города²⁶. В Минусинске и Якутске из-за осадного положения проведение предвыборных собраний необходимо было согласовываться с военными²⁷. При этом действия военных не помешали победе социалистов на выборах в Иркутске, Барнауле и Минусинске, а в Красноярске являлись не первопричиной, а последним толчком к провалу демократического блока.

Сами городские управы, организовывавшие выборы, были заподозрены в махинациях в Новониколаевске и Кургане. В Новониколаевске социалистическая городская управа затягивала сообщения о победе на выборах делового списка, а затем потеряла выборное делопроизводство²⁸. Курганская дума пыталась так организовать выборы, чтобы остаться на следующий срок²⁹.

Официальные жалобы и протесты на нарушение процедур голосования были поданы в суд по поводу выборов в Иркутске, Боготоле, Новониколаевске, Красноярске, Барнауле и других городах. Основным их поводом служило нарушение тайны голосования из-за подачи избирательных записок, напечатанных на бумаге разного качества и размера. В результате судебных разбирательств в Иркутске и Боготоле выборы были касированы и назначены новые.

Публичное обсуждение хода и итогов выборов, а также судебные разбирательства подтверждают, что электоральные кампании проходили гласно и конкурентно. В абсолютном большинстве сибирских городов результаты выборов были утверждены, состав городских дум оказался обновлен законным демократичным путем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Муниципальная электоральная кампания в Сибири длилась с начала февраля до середины ноября 1919 г. То есть выборный процесс был запущен в период успехов антибольшевистского авторитарного политического режима и продолжался до его перехода в терминальную стадию, когда начал рушиться фронт. Выборы прошли в 47 городах края, охватив подавляющее большинство административных центров губерний, областей и уездов. В них приняли активное участие укорененные слои городского населения Сибири, а массовые группы мобилизованных солдат и офицеров, беженцы и сезонные рабочие не были допущены к голосованию. Явка избирателей на выборах составила в среднем около 17,0 %. Этот уровень считался низким, но достаточным для признания выборов состоявшимися. По итогам голосования преимущество в городских думах получили неполитические группы и организации.

Вопреки условиям гражданской войны и военной диктатуры на муниципальном уровне были реа-

лизованы всеобщие, равные, тайные, прямые, конкурентные выборы на основе системы одобрительного голосования по многомандатным округам. Они обеспечили волеизъявление горожан и смену состава органов самоуправления. Однако успех продуманной электоральной политики был обесценен запоздалостью ее реализации. Развертывание полноценного института демократических выборов, пусть и ограниченного муниципальным уровнем, противоречило решению первоочередных задач по организации населения и экономики в соответствии с обстановкой военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. 748 с.
2. *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 294 с.
3. *Добровольский А.В.* К вопросу о выборах в городские самоуправления Сибири в 1919 году и провал тактики блока демократических сил // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX в.: мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 249–253.
4. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. 284 с.
5. *Мышанский А.А.* Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 239 с.
6. *Чемакин А.А.* Лебединая песня «черной сотни»: «Христианский трудовой блок» и выборы в Одесскую городскую думу 1 декабря 1919 года // Вопросы национализма. 2010. № 2(26). С. 58–94.
7. *Рынков В.М.* Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны / научный ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 125–158.
8. *Баяндин В.И.* Новониколаевск в годы социальных трансформаций: выборные кампании 1917–1919 гг. // Выборы на Новосибирской земле. 1893–2013 гг. / отв. ред. А.А. Макарец. Новосибирск, 2013. С. 22–37.
9. *Дробченко В.А.* Органы местного самоуправления в Томской губернии в период гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2015. № 2 (62) Т. 6. С. 241–247.
10. *Дементьев А.П.* Выборы 1919 г. в городские думы Енисейской губернии // Россия – Сибирь – Красноярский край: сб. мат. VIII краевед. чтений. Красноярск, 2017. С. 159–176.
11. *Дементьев А.П.* Избирательная кампания 1919 года в городские думы Енисейской губернии: подготовка, ход и итоги // Изв. лаборатории древних технологий. 2019. № 3 (32). С. 190–199.
12. *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 г.). Омск, 2013. 422 с.
13. *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. 252 с.
14. *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.
15. *Шишкин В.И.* «Левый дрейф» социалистов Сибири накануне и после разгрома А.В. Колчака (конец 1919 – начало 1920 г.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8. С. 90–106.
16. *Голосов Г.В.* Сравнительная политология. СПб., 2018. 462 с.

²⁶ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26/27. С. 18.

²⁷ Якутские областные ведомости. 1919, 24 авг.; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 5 сент.

²⁸ Русская речь (Новониколаевск). 1919. 8 июля.

²⁹ Курганская свободная мысль. 1919. 11 апр.

REFERENCES

1. *Shishkin V.I.* (ed.) The Council of Ministers of the Russian Government: logs of meetings (November 18, 1918 – January 3, 1920): documents' collection. Novosibirsk, 2016, vol. 1, 748 p. (In Russ.)
2. *Ioffe G.Z.* Kolchak's gamble and its collapse. Moscow, 1983, 294 p. (In Russ.)
3. *Dobrovol'skii A.V.* On the issue of elections to the municipal self-government of Siberia in 1919 and the tactics failure of the democratic forces block. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri kontsa XVI–XX v.: materialy region. nauch. konf.* Novosibirsk, 1998, pp. 249–252. (In Russ.)
4. *Dmitrienko N.M.* Tomsk, a Siberian city, in the XIX – the first third of XX centuries: management, economy, population. Tomsk, 2000, 284 p. (In Russ.)
5. *Myshanskiy A.A.* Self-government in Siberia during the Civil War: June 1918 – January 1920: dissertation. Omsk, 2004, 239 p. (In Russ.)
6. *Chemakin A.A.* The song “Black Hundred”: “the Christian labor bloc” and Odessa municipal дума elections on December 1, 1919. *Voprosy natsionalizma*, 2010, no. 2, pp. 58–94. (In Russ.)
7. *Rynkov V.M.* Local self-government in anti-Bolshevik camp in the east of Russia (middle of 1918 – end of 1922). *Politicheskiye sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoй voyny.* Novosibirsk, 2012, pp. 125–158. (In Russ.)
8. *Bayandin V.I.* Novonikolaevsk during the period of social transformations: election campaigns of 1917–1919. *Vybory na novosibirskoy zemle. 1893–2013 gg.* Novosibirsk, 2013, pp. 22–37. (In Russ.)
9. *Drobchenko V.A.* Local governments in the Tomsk Region during the Civil War (1918–1919). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2–6, pp. 241–247. (In Russ.)
10. *Dement'ev A.P.* The municipal дума elections in the Yeniseysk Region (1919). *Rossiya – Sibir' – Krasnoyarskiy kray: sb. materialov VIII krayeved. chteniy.* Krasnoyarsk, 2017, pp. 159–176. (In Russ.)
11. *Dement'ev A.P.* The municipal дума election campaign in the Yeniseysk Region: preparation, running and results. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2019, no. 3, pp. 190–199. (In Russ.)
12. *Chudakov O.V.* Municipal self-government in Siberia during the First World War and the period of social disasters (July 1914 –early 1918). Omsk, 2013, 422 p. (In Russ.)
13. *Lar'kov N.S.* The beginning of the Civil War in Siberia. Army and power struggle. Tomsk, 1995, 252 p. (In Russ.)
14. *Rynkov V.M.* The social policy of anti-Bolshevik regimes in the east of Russia (second half of 1918 – 1919). Novosibirsk, 2008, 440 p. (In Russ.)
15. *Shishkin V.I.* “Left drift” of socialists in Siberia before and after the defeat of Kolchak (late 1919 – early 1920). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, no. 8, pp. 90–106. (In Russ.)
16. *Golosov G.V.* Comparative political science. Saint-Petersburg, 2018, 462 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.02.2020

Дата рецензирования 24.02.2020

Статья принята к публикации 26.03.2020

DOI: 10.15372/HSS20200212
 УДК 94(571.1)"1930/1940"

В.Б. ЛАПЕРДИН

«ЧИСТКИ» В КОЛХОЗАХ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В 1930-е гг.

Институт истории СО РАН,
 РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается проблема исключения колхозников из сельхозартелей («чистки») в Западно-Сибирском крае в 1930-е гг. Автор статьи выделяет в современной историографии два подхода к изучению темы. Согласно первому, чистки являются административно-репрессивным давлением государства на деревню. Второй подход связан с изучением внутриколхозного социума и анализом происходивших в нем процессов. Цель статьи – на примере материалов по Западно-Сибирскому краю показать возможность реализации обоих методологических подходов, а также ответить на вопрос – какой из них кажется наиболее приемлемым? В статье показано, что раскрытие данной проблематики будет зависеть в первую очередь от подхода самого исследователя и используемых им архивных источников. Политика государства в отношении деревни на протяжении 1930-х гг. изменялась. Поэтому немаловажную роль играет выбранный для исследования период. Время ужесточения административно-репрессивных акций сменялось периодами их ослабления. В зависимости от этого изменялся и характер чисток. Периоды спада репрессий и ослабления нажима на деревню создавали возможность для колхозников без давления извне регулировать отношения внутри своих коллективов. Чистки использовались ими как способ решения возникающих в колхозном социуме конфликтов. На это указывают работы по социальной истории. Политика руководства страны и произвол местных властей не исключали «творчества» колхозных масс, решавших при помощи чисток проблемы колхозного социума.

Ключевые слова: крестьянство, чистки в колхозах, аграрная политика государства, репрессии, колхозный социум, Сибирь.

V.B. LAPERDIN

PURGE IN COLLECTIVE FARMS OF WEST SIBERIAN REGION IN 1930S.

Institute of History SB RAS,
 8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article discusses the problem of collective farmers' exclusion from agricultural cartels («purge») in West Siberia in the 1930s. The author distinguishes two approaches in modern historiography to study the topic. According to the first one, purges were instruments of the state administrative and repressive pressure. The second approach is related to research of the collective farm society and processes taking place in it. The article objective is to show the possibility of implementing both methodological approaches using documentary materials of West Siberian Region; to answer the question – which approach seems the most acceptable? The article shows that the study of the issue will depend primarily on the approach of a researcher and archival sources he used. The state policy in the countryside during the 1930s varied. Therefore, the period chosen for studying plays an important role. Periods of tightening administrative and repressive actions were changed by periods of their weakening. Depending on this, the nature of the purges changed as well. Periods of weakening pressure on the village created an opportunity for collective farmers to regulate relations within their collectives without external pressure. Purges were used by them as a way to resolve conflicts arising in the collective farm society. This is pointed out in the works on social history. Policy of the state leadership and arbitrariness of local authorities did not exclude the “creativity” of collective farm masses, which solved the problems of collective farm societies using purge instruments.

Key words: peasantry, purge in collective farms peasantry, agrarian policy, repressions, collective farm society, Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Исключения колхозников из сельхозартелей, названные «чистками» от «антисоветских элементов», стали перманентным явлением для советской деревни

1930-х гг. Они начались вместе с коллективизацией и массовым вступлением крестьян в колхозы и продолжались на протяжении всего десятилетия. Любые хозяйственно-политические кампании (заготовки

Вячеслав Борисович Лапердин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: laperdin2011@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4827-8741>

Vyacheslav B. Laperdin – Candidate of History Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

сельскохозяйственной продукции, коллективизация, раскулачивание и т.д.) в той или иной степени сопровождалась чистками. Идеологически они обосновывались сталинской концепцией обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Главные враги пролетарского государства в деревне – кулаки и их помощники из числа несознательных крестьян – подкулачники, по мнению властей, вступая в колхозы, разваливали коллективное хозяйство изнутри, срывая намеченные сроки выполнения сельскохозяйственных кампаний и нанося вред общественному производству. Именно таких врагов, действующих «тихой сапой», выявляли во время чисток. Руководили этим процессом представители советской власти в деревне – члены сельсоветов, работники партийных и хозяйственных организаций, а также политотделов МТС в 1933–1934 гг. Они помогали колхозникам выявлять в своей среде «скрытых врагов» и исключать их из колхозов.

Процесс чистки формально носил весьма демократичный характер. Согласно Примерному уставу сельскохозяйственной артели 1935 г., исключению подлежали те колхозники, чью «вину» удалось доподлинно установить, и только после обсуждения каждой отдельной кандидатуры на колхозном собрании при участии не менее 2/3 членов артели. Хотя в уставе 1930 г. ничего не говорилось об исключениях из колхозов, но до 1935 г. чистки далеко не всегда носили характер властного произвола и проходили в том числе на колхозных собраниях. Впрочем, имели место и многочисленные случаи исключений из колхозов по распоряжению председателя, членов правления или же прибывшего в артель уполномоченного райкома или крайкома. Исключить из колхозов могли и без участия представителей местной власти. Тогда в качестве инициаторов выступали сами колхозники, намечая кандидатуры, обсуждая их и вынося решения на колхозных собраниях. Областные, краевые и центральные органы власти следили за соблюдением формальных правил процесса чисток, регулярно указывая местным властям на допущенный ими произвол и квалифицируя его в качестве «администрирования» или «левых перегибов».

Фактически «вычищенные» кулаки являлись обычными колхозниками, ничего общего не имевшими с классом эксплуататоров в доколхозной деревне. Исключить могли за любые провинности: бесхозяйственность и безалаберное отношение к своим обязанностям, причастность к падежу скота, некачественный ремонт инвентаря. Членов правления часто обвиняли в срыве заготовок, «разбазаривании» хлеба до выполнения государственных обязательств путем использования его на внутрихозяйственные нужды или раздачи колхозникам в качестве аванса. Зачастую уличали в присвоении колхозных средств. Этим не ограничивается широкий перечень провинностей. За любую допущенную оплошность могло последовать обвинение в принадлежности к кулачеству, а затем – исключение из колхоза. Таким способом власти пытались контролировать колхозные массы, «воспитывая» их в духе

правильного отношения к общественной собственности и обязательствам перед государством. При этом колхозники являлись не простыми статистами в разворачиваемом представлении, а выступали в качестве активных участников, вовлекаясь в такой процесс на колхозном собрании. Этим власти обеспечивали легитимность чисток, их видимую поддержку со стороны населения.

Работ, специально посвященных чисткам в колхозах, в отличие от партийных чисток, чисток в РККА, органах госбезопасности или хозяйственно-политических организациях, нет. Тем не менее чистки часто упоминаются в исследованиях по аграрной истории 1930-х гг. Проводить специальный историографический обзор с целью раскрытия темы в данной статье считаем нецелесообразно, однако следует выделить два основных подхода к изучению колхозных чисток в современных исследованиях. Первый основан на отечественной историографической традиции 1990-х гг. Наибольший вклад в ее развитие внесли Н.А. Ивницкий, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин [1; 2; 3]. Для них и их последователей чистки являлись частью административно-репрессивного давления на сельских жителей со стороны государства и одним из способов повышения колхозной дисциплины, необходимой для выполнения хозяйственно-политических кампаний. Сами же колхозники оказывались жертвами репрессивной государственной машины. При этом неважно, как исследователи оценивали крестьянский социум – как «единый фронт», действовавший против государства, или же видели в нем лишь разобщенные социальные группы. Крестьянство негативно относилось к вмешательству в сельскую жизнь со стороны властей, как и к любым государственным преобразованиям, ломающим многолетние устои. Чистки воспринимались им как попытка поставить колхозный социум под государственный контроль. Единственным оружием колхозников в борьбе с властями оставалось пассивное сопротивление, выражавшееся в молчаливом несогласии на колхозных собраниях.

Второй подход можно обнаружить в работах по социальной и социокультурной истории. Не отрицая факта административно-репрессивного нажима, исследователи обращают большее внимание на колхозный социум, анализируя происходящие в нем процессы и пытаясь ответить на вопрос: какое влияние оказывали на него чистки? Ш. Фицпатрик считает, что чистки, как и инициированные самими колхозниками исключения, являлись стремлением наказывать дворы, не способные нести свою долю общего бремени в колхозах. Колхозный коллектив, унаследовавший от крестьянской общины старую традицию круговой поруки, таким способом избавлялся от неугодных членов [4, с. 132]. Д.Г. Кедров рассматривает чистки как способ интеграции колхозного крестьянства, переживавшего кризис идентичности, с властями [5, с. 142].

В данной статье предпринята попытка не только восполнить историографический пробел, но и показать на материалах Западной Сибири возможность реали-

зации обоих историографических подходов при изучении колхозных чисток, а также ответить на вопрос: какой из них представляется наиболее приемлемым?

ЧИСТКИ КОЛХОЗОВ КАК ЧАСТЬ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Административно-репрессивный нажим был наиболее ярко выражен во время колхозных чисток первой половины 1930-х гг., достигнув пика в «политотдельский» период 1933–1934 гг. Тогда в полной мере проявилось своеволие местных властей, поддерживаемое со стороны центрального руководства страны. В такой ситуации исключение из колхозов стало проводиться для контроля и «социалистического перевоспитания» колхозных масс. В отдельных случаях, когда цель уже не оправдывала средства и чистки из воспитательной и хозяйственной меры превращались в произвол, приходилось вмешиваться региональному руководству. Болезнью «левых перегибов» страдали как районные власти, так и работники политотделов МТС. Весной 1933 г., когда шла подготовка к новой кампании по раскулачиванию [6, с. 97–100], в поле зрения регионального руководства попала работа администрации Тюкалинского района. Вместо изданного ранее распоряжения краевого комитета партии наметить к выселению отдельные кулацкие хозяйства из числа единоличников и колхозников и проведения подготовительной работы к новой кампании районные власти устроили массовую чистку в колхозах. Выехавшие на места районные уполномоченные, совместно с руководством сельсоветов, находили «явно кулацкие хозяйства» из числа колхозников и выносили решения об их исключении из артели и выселении. Новая кампания, по мнению районного руководства, достигла своей цели. Бюро Тюкалинского райкома на заседании 5 апреля 1933 г. утверждало: «После чистки колхозов от чуждых элементов чувствуется подъем трудовой дисциплины у колхозников»¹.

Как позже выяснила работавшая в районе комиссия крайкома, «окулачивание» происходило произвольно, «... на основании безответственных словесных заявлений, непроверенных, часто на основании личных счетов и т.п.»². В целом по району было признано кулацкими 155 хозяйств, из них 140 состояли в сельхозартелях³. Решения, принятые на колхозных собраниях по поводу исключения того или иного хозяйства, носили формальный характер. Об этом рассказывали сами колхозники: «<...> к нам приехали 4 человека <...> собрали собрание, назвали фамилии намеченных к окулачиванию, спросили: «Есть ли возражения?» Мы так же сидели и молчали, как и молчали в начале разговора с вами, они (комиссия) заявили, что принято, и уехали»⁴. На административный характер

чисток и отсутствие участия в этом процессе колхозников указывала проведенная позже работа комиссии крайкома. Посещая колхозные собрания, члены комиссии сталкивались с молчаливым безразличием к происходящему со стороны колхозников, совсем недавно ставших свидетелями работы других представителей власти, руководивших исключениями. С большим трудом комиссии удалось выяснить скрытое отношение к недавним событиям опрашиваемых членов сельхозартели: «На самом же деле колхозники недовольны, носят в себе затаенную обиду, которая высказывается только после продолжительных попыток вызвать на откровенность, на разговор. Так, в колхозе села Кошкуль в полевой бригаде мы, побеседовав с колхозниками о ходе посевной кампании, когда же начали задавать вопросы, связанные с окулачиванием, а из этого колхоза было исключено и окулачено 13 хозяйств из 67-ми, состоявших в колхозе (то есть 20 %), то колхозники замолчали, как будто бы набрав воды в рот. Мы потратили очень много усилий, практиковали различные методы подхода, чтобы вызвать их на разговоры, но колхозники отвечали упорным молчанием. И только под конец нам удалось их раскатать, и они так заявили: «Так что, по правде сказать, исключили и окулачили многих зря» и потом начали называть фамилии»⁵.

По итогам работы комиссии и согласно принятому на их основании постановлению бюро Западно-Сибирского крайкома большинство исключенных были вновь восстановлены в сельхозартелях, а активные участники чисток из числа представителей районной администрации и сельсоветов, привлечены к партийной и судебной ответственности⁶.

Многочисленные примеры изложенной выше схемы административного характера колхозных чисток в различных ее вариантах дают материалы работы политотделов МТС. При проведении чисток сотрудники политотдела Пригородной МТС, функционировавшей в Барнаульском районе, также пошли на массовые фальсификации при составлении характеристик на намеченных к исключению колхозников. Предварительная работа проходила при участии представителей политотдела, председателей колхозов, секретарей партийных ячеек и сельсоветов с привлечением местных активистов. Результатом их работы стали справки о кулацкой характеристике хозяйств, которые не глядя подписывались активистами. Колхозник сельхозартели «Мировой Октябрь» показывал: «Меня вызвали на сов[етскую] квартиру и спросили по списку, знаю ли я этих гр[ажд]ан. Я ответил, что знаю, тогда меня попросили находиться у них при сов[етской] квартире, где я пробыл почти трое суток, их человек 5, писали какие-то справки, и после того как кто вперед напишет, давали мне расписываться, которую справку зачтут, которую нет – для меня все равно, я их подписывал, но сейчас я узнал, что в справках чересчур много

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 528. Л. 85 об.

² Там же. Л. 83.

³ Там же. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 86 об.

⁵ Там же. Л. 86–86 об.

⁶ Там же. Л. 78.

лишнего написано – я отказываюсь от этих справок»⁷. Позже намеченных к исключению обсуждали на колхозных собраниях, однако отстоять ту или иную кандидатуру односельчане не имели возможности, так как голосовали «списком». В уже упоминавшейся артели «Мировой Октябрь» собрание было заранее подготовлено и проходило по спланированному сценарию. Колхозный актив оповещен и специально рассажён по всему залу в разных местах. Когда началось обсуждение намеченных к исключению и колхозники пытались в выступлениях защищаться, их прерывали выкриками из различных сторон помещения активисты: «Ты брось вилять, знаем тебя», создавая ощущение противостояния колхозника, отстаивавшего свою невиновность, и коллектива. Затем последовали ответные выступления активистов по поводу намеченных кандидатур и голосование⁸. Таким способом на собрании искусственно создавалась атмосфера участия колхозных масс, «самоочищающихся» от кулаков. Во всяком случае, именно так в документах политотделов и райкомов, адресованных вышестоящим инстанциям, подавались чистки.

Всего за 1933 г. из колхозов Пригородной МТС было исключено 573 хозяйства⁹. Однако основная цель – повышение колхозной дисциплины – так и не была достигнута. В условиях, когда собрания превратились, по выражению заместителя начальника политсектора краевого земельного управления Воронина, в «субботник по очистке колхоза от колхозников», крестьяне ответили на действия местных властей оружием слабых. Опасаясь исключения, они перестали выходить на работу либо покидали место жительства. Только после вмешательства краевого руководства, обеспокоенного снижением уровня коллективизации в районе, и отстранения руководителей политотдела Пригородной МТС от занимаемых должностей ситуацию удалось исправить.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют административно-репрессивное давление на село. Государство осуществляло нажим на колхозы, стремясь повысить производительность труда и добиться «социалистического перевоспитания» колхозных масс. Пассивное сопротивление со стороны колхозников в корне не меняло ситуацию. Даже не голосуя «за» исключения, они все равно вовлекались в колхозные собрания в роли молчаливых слушателей. Не добившись активного участия в «разоблачении» односельчан, власти достигали иной цели – на следующий день, как правило, вся артель выходила на работу. Причастные к исключениям активисты, как следует из изложенного выше материала, представляли меньшинство, хотя и хорошо организованное. Но кем они являлись: предателями крестьянских ценностей или частью сельского социума, такими же крестьянами, которые отличались от других жителей деревни несколько иной самоиден-

тификацией, связанной с отношением к власти? Для исследователей данный вопрос остается открытым. Для самих же крестьян порой этого оказывалось достаточно не только для неприязни, но и для расправы над односельчанами. Так, весной 1934 г. была убита активистка одной из артелей Любинской МТС за критическое выступление на колхозном собрании во время чистки¹⁰. Подобного рода факты используются представителями тоталитарной школы исследователей для обоснования своей концепции: крестьянство, хотя и стало жертвой, но не желало прощать как предательства своих, так и вмешательства со стороны государства.

ЧИСТКИ КОЛХОЗОВ И КОЛХОЗНЫЙ СОЦИУМ

Действительно ли административный производил оказывал столь удручающее воздействие на колхозные массы, заставляя замолчать даже наиболее смелых критиков власти? Или он открывал новые возможности для реализации колхозным социумом собственных интересов, направленных против тех, кого принято считать ренегатами? В 1933 г. политотдел Андреевской МТС Карасукского района проводил чистку от кулацких элементов колхоза им. Ярославского в с. Саратовке. Вот только «пролезшими» в артель вредителями оказались не бывшие наниматели батраков и владельцы сельхозтехники, а местная партийная ячейка, состоявшая из десяти членов и кандидатов в члены ВКП(б). Пользуясь расположением со стороны районных властей, они заняли руководящие должности в артели, назначив своих родственников и близких на наиболее «хлебные» места. Впоследствии их премировали, скрывая это от остальных колхозников. Отсутствие нормального учета трудодней приводило к тому, что руководящей группе начислили значительно больше по сравнению с основной массой колхозников, а свободный доступ к колхозным фондам позволял увеличивать нормы выдачи на трудодни хлеба, мяса и шерсти для «своих». Практиковалось и банальное воровство – ссыпаемый в амбары хлеб полностью не учитывался, зарезанный скот списывался на падеж. Полученные таким способом дополнительные фонды в документах не значились и распределялись между членами партийной ячейки и их приближенными. Остальные колхозники не могли противостоять руководству – их запугивали, штрафовали, избивали или исключали из артели. Районные власти доверяли правлению колхоза, поэтому обращаться с жалобами было бессмысленно.

Положение изменилось с появлением политотдела в Андреевской МТС. Заместитель начальника политотдела Воронин следующим образом описывает свое прибытие в колхоз: «Теперь сибирская деревня ожила. Она встретила решение партии о создании политотделов с большой радостью. По приезду в колхоз представителя политотдела окружает огромная толпа колхозников, ему составляются десятки заявлений

⁷ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 176. Л. 94.

⁸ Там же. Л. 161.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ Там же. Д. 2. Л. 70.

с изобличением в воровстве и вредительстве правления и отдельных жуликов. Потом громко и до утра выступают на собраниях. Так было и в с. Саратовке. Деревня колхозная активно взялась за борьбу, чтобы вышибить оттуда вредительские элементы. Саратовские колхозники решили вышибить вредителей, врагов народа по указу от 7 августа и вышибли»¹¹. За пафосом и явным преувеличением скрывается любопытный момент: колхозники сами обратились за помощью к работнику политотдела. После чего он занял сторону рядовых колхозников, а не ячейки ВКП(б), «вычистив» ее членов из партии и колхоза.

Между тем руководство политотдела Андреевской МТС нельзя назвать «либеральным» (в понимании того времени, мягко относившимся к нарушителям социалистической законности и невыполнению государственных обязанностей). Эти люди олицетворяли собой совершенно противоположный тип руководителей, склонных к решению проблем административным путем. Позже бюро Западно-Сибирского крайкома осудило их за роспуск колхозной ячейки. Кроме того, в подписанной начальником политотдела директиве председателям колхозов, агротехникам и помощникам директора МТС дозволялось производить аресты через сельсоветы. Причем руководство политотдела поссорилось с властями Карасукского района, обвинив их в потакании колхозным вора и жуликам¹².

Разбирая возникшую склоку, крайком неоднократно вызывал в Новосибирск начальника политотдела Саркиса, который не хотел ехать в город, что привело к нескрываемому раздражению первого секретаря крайкома Р.И. Эйхе, заявившего на заседании бюро: «... должен прямо сказать, что я не отказался бы через аппарат тов[арища] Алексеева¹³ Вас привезти»¹⁴. Тем не менее Саркис, как и его заместитель Воронин, отделились только партийными выговорами.

Проводившаяся политотделом чистка в колхозе им. Ярославского наглядно демонстрирует, как репрессивный нажим со стороны государства, осуществлявшийся типичными сталинскими администраторами, привел к смещению колхозного руководства, состоявшего из членов и кандидатов в члены ВКП(б), не пользовавшегося авторитетом у большинства колхозников. На этот раз жертвами стали сельские активисты, а не их недоброжелатели-односельчане или рядовые нарушители трудовой дисциплины. В данном случае колхозный социум избежал чистки, перенаправив репрессивный удар в нужном ему направлении, что совпадало с целями государства – политотделы МТС проводили чистки не только среди рядовых колхозников, но и среди партийных ячеек [7, с. 118–124].

Изменение государственной политики в отношении деревни накладывало свой отпечаток на процесс

чисток. В середине 1930-х гг. произошло смягчение давления государства, выразившееся и в упорядочивании чисток. Как было сказано выше, принятый в 1935 г. новый Примерный устав сельхозартели строго предписывал проводить исключения только на колхозных собраниях с участием 2/3 ее членов. Объектами чисток все чаще становились не рядовые колхозники, а председатели и члены правления. 16 января 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили проект по аграрному развитию северных районов Западно-Сибирского края [8, с. 419–422]. Кроме хозяйственных планов, он предполагал ряд социально-политических мероприятий, в том числе чистку в колхозах. Региональное руководство по ряду причин считало их засоренными «антисоветскими элементами». На севере края зачастую не происходило выселение раскулаченных крестьян. Они оставались в пределах районов своего прежнего проживания. По имеющимся у крайкома данным, сюда бежали спасавшиеся от выселения крестьяне других районов. Во время коллективизации они вступали в колхозы и занимались в них антисоветской агитацией. В 1933–1934 гг. политотделы МТС провели значительную работу по чистке колхозов Западно-Сибирского края. Однако, поскольку большая часть сельхозартелей северных районов находилась вне зоны деятельности МТС, а многие из тех, что входили, были созданы уже после окончания «политотдельского» периода, то они не подвергались проверкам. По мнению властей, «большинство колхозов северных районов <...> не сумели еще в достаточной мере укрепить и воспитать в колхозах новое отношение к труду и к колхозной собственности»¹⁵. Иными словами, степень крестьянского сопротивления здесь была выше, чем в других частях региона.

Административно-репрессивные меры предполагалось применять не ко всему колхозному населению, а только к руководящей верхушке артелей. Заниматься этим на местах должны были специально созданные комиссии, состоявшие из первых лиц района: секретаря райкома, председателя райисполкома, заведующего районным земельным отделом и представителя НКВД. В зоне действия МТС к работе привлекались заместители директоров МТС по политической части. Комиссия намечала кандидатуры к «вычищению», после чего их должно было обсудить колхозное собрание и вынести по каждой кандидатуре персональное решение. Характерной чертой кампании было то, что колхозные руководители подвергались исключению за допущенную бесхозяйственность, невыполнение государственных обязанностей, антисоветские высказывания или злоупотребления служебным положением, а не за связь с кулачеством. В расчет принимались личные и деловые качества работника, родственные отношения отошли на второй план.

В условиях оказываемого комиссией по чистке давления у колхозников срабатывал защитный рефлекс. Они могли заранее договариваться не выступать

¹¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 440. Л. 29 об.

¹² Там же. Л. 1–2.

¹³ Имеется в виду Н.Н. Алексеев – полпред ОГПУ по Западно-Сибирскому краю.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 440. Л. 11.

¹⁵ Там же. Д. 869. Л. 81.

с критикой своих односельчан, намеренно проявляли безынициативность при обсуждении, отклоняли во время голосования намеченные кандидатуры. Районное руководство все же находило возможности «продавливать» свои решения. В колхозе «Ясное поле» Тяжинского района колхозники оказались взяты измором – собрание продолжалось 12 часов. Намеченные к исключению трижды выносились на голосование: в первый раз «за» было подано 23 голоса из 104, во второй – 42 и в третий – 74¹⁶.

Однако относительная демократичность процесса чисток и безопасное положение рядовых колхозников позволили вовлечь колхозные массы в процесс обсуждения работы председателей и правлений. Собрания стали удобной площадкой для разрешения конфликтов в колхозном социуме, поэтому на многих собраниях наблюдалась высокая активность. В первую очередь коллективы воспользовались случаем смещения неугодных руководителей, действующих авторитарными методами и не учитывающих мнение рядовых членов сельхозартелей. В колхозах Чаинского района были распространены следующие высказывания: «Вот бы так года два тому назад, да почаще так приезжали, мы бы уже сейчас были другими, а то наши руководители с нами не считаются, когда мы говорим о непорядках, говорят, что не ваше дело, не суйте свой нос, раз нас поставили руководить»¹⁷. В ходе чистки среди колхозников раздавались призывы к усилению внутриколхозной демократии и увеличению ответственности руководящего состава. В том же самом районе один из колхозников заявил: «Нужно чаще слушать доклады правления колхоза, тогда бы меньше было недостатков, а то все живем кто как хочет, поэтому и получается такое безобразия»¹⁸.

Чистка открывала рядовым колхозникам возможность сместить с руководящих постов засидевшихся там односельчан, что увеличивало шансы на продвижение в колхозной иерархии. В колхозе «Ясное поле» Тяжинского сельсовета председатель ревизионной комиссии, кладовщик и бригадир, действуя сообща, на длительное время закрепили за собой занимаемые должности, меняясь ими при проведении переназначений и таким образом препятствуя выдвижению других членов сельхозартеля. Раскрыв их схему, комиссия по чистке исключила троицу руководителей, прибавив обвинения в бесхозяйственности и воровстве¹⁹.

Недовольные заработком колхозники могли обвинить в тяжелом материальном положении местное руководство, распределявшее колхозные блага и допускавшее злоупотребления в свою пользу. Председатель правления одного из колхозов Чаинского района «... зажимал бедноту, называя бедняков лодырями. При распределении доходов Вахрушев своим родственникам и друзьям выдавал на трудодень больше,

а беднякам наоборот меньше»²⁰. Стремясь восстановить социальную справедливость, колхозники проголосовали за исключение неугодного им председателя.

Не обошлось без сведения личных счетов. В колхозе «Труд и знание» Венгеровского района один из колхозников попытался оклеветать односельчанина, обвинив в воровстве зерна. Колхозное собрание встало на сторону обвиняемого, органы правопорядка завели дело на клеветника. В Чаинском районе «вычищенный» председатель колхоза, «разоблаченный» местным активистом Симаковым, решил отомстить, используя своих родственников. Те подали в органы правопорядка заявление, что Симаков «<...> в 1935 году убил лося и не оказал содействие в лечении чесоточных лошадей». При проверке изложенные факты не подтвердились – власти встали на сторону активиста²¹.

Государству удалось добиться поставленной цели – замены неугодных представителей колхозной верхушки более лояльными и обладавшими лучшими деловыми качествами. Вместе с тем колхозный социум оживился, власти сами создали условия для решения внутриколхозных конфликтов так, как того хотели члены коллективов. В случае необходимости они проваливали на голосованиях намеченные кандидатуры, пусть и не всегда успешно. Вместе с тем они смогли снять с занимаемых должностей засидевшихся там односельчан. Чистки колхозов северных районов Западно-Сибирского края в 1936 г. можно считать примером не только административно-репрессивного давления государства на деревню, но и активной жизни внутриколхозных социумов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный выше материал демонстрирует возможность реализации обоих историографических подходов при изучении колхозных чисток в Западно-Сибирском крае. Освещение данного вопроса будет зависеть в первую очередь от подхода самого исследователя и используемых им архивных источников. Кроме того, немаловажную роль играют избранные для исследования периоды: начало 1930-х гг. и время Большого террора, не затронутого в представленной статье, т.е. периоды, связанные с ужесточением административно-репрессивных акций со стороны властей и активным вмешательством государства в колхозный социум. Спад репрессий и ослабление нажима на деревню создавали возможность для колхозников без давления извне регулировать отношения внутри своих коллективов и преодолевать возникавшие в них конфликты. При этом государство могло невольно становиться инструментом их решения. И все же каждый конкретный случай чисток мог иметь свою специфику даже в рамках одного сельского района. На подобное разнообразие деревенской жизни указывают работы по социальной и социокультурной истории. Производ

¹⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 709. Л. 414–415.

¹⁷ Там же. Л. 448.

¹⁸ Там же. Л. 386.

¹⁹ Там же. Л. 419.

²⁰ Там же. Л. 382.

²¹ Там же. Л. 387.

местных властей, подстегиваемый политическим руководством страны, не исключал живого «творчества» колхозных масс, отстаивавших собственные интересы в решении своих проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избр. тр.: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 863 с.; Ч. 2. 831 с.
2. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 212 с.
3. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: [б.и.], 2000. 350 с.
4. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
5. Кедров Д.Г. Лапти сталинизма: политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 376 с.
6. Красильников С.А. Серп и молот: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2009. 344 с.
7. Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 225 с.
8. Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: док.-моногр. изд. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

REFERENCES

1. Danilov V.P. The history of peasantry in Russia in the XX century: selected works: in 2 vols. Moscow, ROSSPEN, 2011, vol. 1. 863 p. ; vol. 2, 831 p. (In Russ.)
2. Zelenin I.E. Stalin's "revolution from above" after the "great turning point", 1930–1939: politics, implementation, results. Moscow, Nauka, 2006, 221 p. (In Russ.)
3. Ivnitky N.A. The Soviet State repressive policy in the countryside (1928–1933). Moscow, 2000, 350 p. (In Russ.)
4. Fitzpatrick S. Stalin peasants. The social history of Soviet Russia in the 1930s: countryside. Moscow, ROSSPEN, 2001, 442 p. (In Russ.)
5. Kedrov D.G. Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the Russian North peasantry in the 1930s. Moscow, ROSSPEN, 2013, 376 p. (In Russ.)
6. Krasilnikov S.A. Sickle and molokh: peasant exile in West Siberia in the 1930s. Moscow, ROSSPEN, 2009, 344 p. (In Russ.)
7. Shevlyakov A.S. Political departments of MTS and state farms: extraordinary party-state governing bodies in agriculture of West Siberia in the 1930s. Tomsk, TSU, 2000, 225 p. (In Russ.)
8. Ilinykh V.A., Kavtsevich O.K. (eds.) The agrarian policy of the Soviet State and agriculture of Siberia in the 1930s: documentary-monographic edition. Novosibirsk, IH SB RAS, 2011, 608 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.02.2020

Дата рецензирования 27.02.2020

Статья принята к публикации 26.03.2020

DOI: 10.15372/HSS20200213
УДК 94(470+571+470.54):911.375.5+77.03

А.И. ДМИТРИЕВА

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ЦЕНТРА (г. СВЕРДЛОВСК) В ФОТОДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19,

В статье дан обзор элементов городской среды, представленных в фотодокументах советской эпохи, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Проанализирована тематика документирования Свердловска с 1937 по 1979 г., а также трансформация образа и статуса города. Автором разработана классификация элементов городской среды, в соответствии с которой была категоризована 9791 фотография. Базой для категоризованного стало описание содержания фотодокументов в описях фонда № Ф-1 ГАСО. Фотодокументы рассматриваемого периода позволяют визуализировать эволюцию образа Свердловска от «города-эксперимента» до регионального центра с развитой инфраструктурой, как промышленной, так и социальной. В 1960 – 1970-х гг. в связи с тем, что статус Свердловска как крупного промышленного центра страны укрепляется, меняются и интенции фотодокументирования, целью которого становится демонстрация масштаба города, благоустройства городского пространства, реализации новых градостроительных решений, отражающих значимость города как промышленного центра Урала.

Ключевые слова: фотодокументы, трансформация, городская среда, Свердловск, архив, образ города, индустрия, урбанистика, визуальные исследования, соцгород.

A.I. DMITRIEVA

URBAN ENVIRONMENT OF THE LARGE INDUSTRIAL CENTER (SVERDLOVSK) IN THE PHOTO DOCUMENTS OF THE SOVIET PERIOD

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Mira str. 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

This article offers the review of the urban environment components that can be seen on the photo documents of the Soviet period kept in the State archive of Sverdlovsk region. The fonds F-1 of the State archive of Sverdlovsk region contains 46546 photo documents (42772 are negatives, 3340 are positives) and 434 albums. The potential of the fonds for conducting the city environment research can be estimated as a large one. The author analyzed information about 9791 photographs presented in the archive books to evaluate the relevance of the search results for the search query concerning the evolution of urban environment process and concerning the elaboration of the classification of urban environment elements. The relevance acquired was 47%. 34% of the documents show the city areas and its improvement (buildings and monuments, streets, squares, the processes of construction and reconstruction of different spaces). The amount of photographs of the industrial objects and operation processes is also big. The documents describing the objects related to culture, education, medicine, sport, trade, recreation and other facilities create the image of safe and comfortable urban environment. In the 30th of XXth century Sverdlovsk was becoming an experimental area for the new technologies, new urban planning decisions and household samples implementation. Photo documents of this period are devoted to the topic of renovation and industrialization. Some aspects of improvement of public services and household practices are demonstrated in the documents of the 1940s and 1950s. The volume of documents of the period of the Great Patriotic War is small. The documents of the period after war get a certain political tint. In the middle of the 1960s, when the city population came closer to the first million, the process of creating photo documents became more status and scale oriented. The image of Sverdlovsk during the period from year 1937 until 1979 transformed a lot and this evolution can be seen with the help of photo documents. We can also make some conclusions about the factors of transformation which include the central policy and choosing Sverdlovsk as a platform of the socialistic experiment in building the “city of future”, the complex approach to the urban planning and of course the industrialization which played an enormous part in the city development. By the end of the 1970s the status of Sverdlovsk as the regional industrial center of Urals became undisputable.

Key words: photo documents, transformation, city environment, Sverdlovsk, archive, city image, industry, urban studies, visual studies, soviet city

Александра Ивановна Дмитриева – старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: alexandradmitrieva@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8072-0697>

Alexandra I. Dmitrieva – Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

ВВЕДЕНИЕ

Урбанистика – относительно молодая отрасль наук, которая только к концу XX в. выделилась в отдельную междисциплинарную ветвь научного знания со своими объектом и предметом исследования. Сейчас так называемые городские исследования занимают умы ученых из разных областей науки – историков, антропологов, социологов, архитекторов, искусствоведов. Актуализируются также задачи преобразования городского пространства и поиск способов сделать его более комфортным, эргономичным и устойчивым с целью обеспечить высокое качество жизни населению в современном мегаполисе.

Городская среда в настоящее время стала предметом обсуждения в междисциплинарных исследованиях. Особый интерес представляют градостроительные (теоретико-архитектурные) труды, в которых анализируются проблемы организации элементов городской среды, повышения комфортности и ревитализации городских пространств [1]. Такие исследования проводятся в рамках концепции планирования городского пространства [2].

В контексте социологии города анализируются проблемы социального неравенства, которые формируют определенные модели городского расселения и властного доминирования [3]. Образ города является объектом изучения философии и антропологии, в частности, следует выделить труды Е.Г. Трубиной, которая обобщила существующие теории города с акцентом на осмысление пространства и образа города, транслируемого различными городскими сообществами [4, 5].

Интерес представляет и такое направление городских исследований, как визуальная антропология, предметом которой является картирование городской среды [6]. К нему примыкает теория городского пространства К. Линча, который выделяет в пространственной структуре города узлы и ориентиры, формирующие образ города [7]. Факторы и проблемы трансформации городской среды нашли отражение в работах М. Мюллера, анализирующего влияние мегасобытий на изменение урбанистических пространств [8, 9].

Все более разнообразными становятся и методы исследования городской среды, появляются новые методические решения и источники информации. Примером может служить применение технологии трансекта [10] – это ключевой метод диагностики ландшафтно-биологического разнообразия территории. Он предполагает определение траектории следования и фиксацию вдоль этой траектории определенных элементов городской среды, а также деталей городского ландшафта или архитектуры. Данная методология, применяемая в географии, хорошо вписывается в логику городских исследований и позволяет делать выводы о структуре городской среды, о тенденциях ее развития.

Актуальным способом изучения городской среды является анализ пользовательского контента, размещенного в сети Интернет. В век цифровизации и диджитализации оставлять за рамками исследова-

ния указанный источник информации не представляется целесообразным: его изучение позволяет взглянуть на городскую среду глазами жителя либо гостя города [11].

Пользовательский контент, размещенный в социальных сетях (такой, как фото и видео, навигационные приложения, которые тегируются на предмет локации), является источниковой базой с высоким потенциалом для исследования городской среды и изучения ее восприятия пользователями.

ПОТЕНЦИАЛ ФОТОДОКУМЕНТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Перечисленные методы используются для характеристики городской среды «здесь и сейчас». При анализе городской среды в XIX–XX вв. ученые обращаются преимущественно к письменным источникам: описаниям городских пейзажей в воспоминаниях жителей города (так называемых очевидцев) и к материалам, опубликованным в прессе. К альтернативным источникам изучения городской среды относятся изобразительные источники – фотодокументы [12].

Основной функцией фотодокументов является регистрация, а также визуализация прошлого. Большинство исследовательских практик, связанных с изучением фотодокументов, получило наименование «визуальные исследования». Ученые, подчеркивая высокий потенциал технотронных документов, отмечают проблемы их использования, связанные с хранением фотодокументов преимущественно в виде негативов, невысоким качеством фотографий [13]. Большое количество фотодокументов, доступных для изучения, хранится в архивах. Фонды фотодокументов насчитывают десятки тысяч единиц, что выдвигает на передний план задачи их поиска и систематизации [14].

Цель статьи – на основе анализа фондов фотодокументов, имеющихся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), оценить их информационный потенциал для изучения развития городской среды Свердловска в 1920–1980-е гг.

ЭВОЛЮЦИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА – СВЕРДЛОВСКА

Екатеринбург–Свердловск представляет собой уникальный пример трансформации уездного города в крупный мегаполис, претендующий в настоящее время на статус третьей столицы. Эволюцию образа города, представлений горожан о нем, набор в нем культурных символов различных эпох, раскрыла в своей статье О.С. Поршнева [15]. Ею анализируются предпосылки становления уникальной траектории развития Екатеринбурга – Свердловска, а также формулируются основные этапы трансформации образа города: «город-завод», индустриальный «соцгород», современный «торговый город».

Изучению «соцгорода» как феномена советской эпохи посвящена монография К.Д. Бугрова «Соцгорода Большого Урала» [16]. Автор анализирует дискурс

о соцгороде, отмечая отражение в нем советской мифологии, а также градостроительные практики, выраженные в архитектуре конструктивизма. Причем источниковая база исследования несколько отличается от традиционной: автор черпает сведения о представлениях советских рабочих о своем быте и городе из локальной городской и заводской периодики, газетной графики и фотографии.

Учитывая особенности исторического пути Екатеринбурга, а также приближение трехсотлетнего юбилея города, попытки периодизации эволюции городского пространства предпринимает и культурная общественность города. Например, в рамках проекта Музея истории Екатеринбурга «Будущее – прошлое», который реализуется под руководством С.Ю. Каменского¹, осуществляется попытка осмыслить «прожитые жизни» города.

При этом активно используется потенциал фотодокументов, находящихся на хранении в ГАСО. В 2015–2019 г. А.В. Берковичем и О.А. Бухаркиной был опубликован в трех томах альбом архивных фотографий об Екатеринбурге-Свердловске (презентация т. 3 альбома состоялась в Ельцин-центре) [17; 18; 19].

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ СВЕРДЛОВСКА В ФОТОДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

В ГАСО в Ф-1 насчитывается около 46 546 ед. хр. (42 772 – негативы, 3340 – позитивы, 434 – альбома), из них 1021 ед. хр. – это фотодокументы досоветского периода. Потенциал фонда для изучения эволюции городских пространств достаточно велик. Автором были проанализированы сведения описей о 9791 фотографии с целью оценки релевантности результатов поиска тематическом запросу, ориентированного на изучение эволюции городской среды и ее отдельных элементов, а также разработку схемы классификации фотодокументов с учетом объекта фотографирования.

Релевантность поиска составила 47 %. Большинство фотографий сделано с 1937 по 1979 г., хотя в описях встречаются единичные фотодокументы более раннего периода. Из этой совокупности 34 % составили фотографии, документирующие непосредственно городское пространство и его благоустройство (здания и сооружения, улицы, площади, строительство и благоустройство различных районов города). Значительна также доля фотографий, фиксирующих городские промышленные объекты и их функционирование, – 17 %. Помимо этого, описаны документы, отражающие объекты сферы культуры, образования и здравоохранения, а также документы, запечатлевшие факты развития безопасной и комфортной городской среды (спорт, торговля, досуг, городские события).

Структура рассмотренного фонда документов представлена в табл. 1. Если применить данные репре-

Распределение фотодокументов в соответствии с зафиксированными элементами городской среды Свердловска, шт.*

The photo documents distribution among the defined groups of Sverdlovsk city environment elements, pcs.

Элемент городской среды City environment element	Количество фотодокументов, шт. Quantity of photo documents, pcs.
Городские события	950
Индустриальные объекты	816
Архитектура	802
Культура и досуг	590
Улицы города	319
Здания и сооружения	221
Спортивная инфраструктура	213
Образование	202
Публичные пространства	115
Социальные услуги	76
Благоустройство	75
СМИ и средства связи	70
Транспорт	53
Местное самоуправление	39
Торговля	33
Безопасность	18
Гостеприимство и общественное питание	12
Бытовые услуги	6

*Составлено по: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф-1. Книга учета и описания фотодокументов 1–8.

зентативной выборки ко всему фотофонду ГАСО, мы получим потенциальную источниковую базу из 21 876 фотодокументов, в которых зафиксирована городская среда Свердловска, а также 7 438 фотодокументов, запечатлевших различные фрагменты городского пространства в различные периоды истории города.

Группировка фотографий производилась, исходя из объекта фотографирования, вокруг которого формировался текст в колонке «содержание фотодокумента» в описи. Безусловно, при детальном изучении фотографии можно найти дополнительные элементы городской среды, снимать которые не входило в задачу или интенцию фотографа, но которые тем не менее запечатлены в кадре. Это значительно расширяет потенциал фотодокумента как источника сведений о городской среде.

В категорию «Бытовые услуги» попали фотографии бытового комбината «Рубин». В категории «гостеприимство» мы видим основные гостиницы Свердловска, две из них функционируют по сей день (гостиницы «Свердловск» и «Большой Урал»). Гостиница «Исеть» в настоящее время «оживает» лишь во время городских мероприятий: здание, как памятник конструктивизма, участвует в Ночи музеев и Ночи музыки в Екатеринбурге.

¹ Музей Екатеринбурга. Будущее прошлое: URL: <http://m-i-e.ru/#chitai> (дата обращения: 13.09.2019).

В сфере общественного питания представлены в основном столовые, которые были важной составляющей советского быта, в том числе детская столовая на Уралмашзаводе.

В категорию «безопасность» вошли фотографии штабов различных подразделений Красной / Советской армии, находившихся в Свердловске, а также смотры и учения указанных подразделений. Интересна серия фотографий, посвященных народному ополчению в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 г.)

Раздел «Местное самоуправление» представлен фотографиями зданий органов местного самоуправления, а также большим количеством фотодокументов, посвященных процедуре народного голосования, включая фотографии избирательных участков, избирателей различного возраста и с разным социальным статусом. Сохранилась, например, фотография депутата А.Ф. Головина с женой на избирательно участке.

В категорию «Информационная инфраструктура» были включены фотодокументы, презентующие средства массовой информации либо средства связи. Здесь встречаются снимки зданий, где находились СМИ (например, печатный цех типографии «Уральский рабочий», здание типографии «Уральский рабочий», редакция журнала «Уральский следопыт»), а также фотографии, фиксирующие рабочие и творческие процессы – сортировку и обработку писем на Главпочтамте, присутствие группы кинооператоров и фотокорреспондентов на демонстрации 1 мая 1947 г., обсуждение итогов научной экспедиции в редакции журнала «Уральский следопыт».

Фотодокументы в категории «Благоустройство» дают представление о действиях местной власти, направленных на развитие городской среды. Мероприятия по благоустройству предусматривали повышение безопасности и комфорта городской среды (освещение г. Свердловска, строительство теплотрассы, прокладка труб теплотрассы); повышение качества жизни горожан (благоустройство площади им. С.М. Кирова силами студентов УПИ им. Кирова и посадка деревьев, озеленение территории Верх-Исетского металлургического завода, ремонт плотины городского пруда, снос старых домов и т.п.).

В целом политика в сфере градостроительства в послевоенный период сравнима с современными программами развития городов в рамках концепции «умного города», что предполагает, помимо прочего, наличие публичных пространств. Им посвящены фотографии площади им. 1905 года, площади Труда, площади Первой пятилетки, а также мест отдыха и рекреации (фотографии сада им. Вайнера, сквера на углу проспекта Ленина, парка-дендрария, детской железной дороги в парке Маяковского).

Несмотря на доминирование в общем массиве фотографий, запечатлевших функционирование в городе промышленных предприятий, не осталась без внимания и сфера досуга и отдыха. В рассматриваемый период складывается образ Свердловска как крупного индустриального центра, где горожанам комфортно

и трудиться, и жить, где созданы все условия для организации быта и досуга. Это социально ориентированный образ, так как главным героем городских фотографий выступает рабочий и его семья.

Рабочий может активно заниматься спортом (фотографии спортивной инфраструктуры, Центрального стадиона, стадиона «Динамо», спортивных соревнований различных уровней), посещать кинотеатры (довольно часто в категории «Культура и досуг» встречаются фотографии кинотеатров, в том числе районных, фотографии строительства панорамного кинотеатра на ул. Дзержинского, кинотеатра «Южный» в районе Вторчермета, кинотеатра «Заря» на проспекте Космонавтов, кинотеатра «Темп» в соцгороде Уралмашзавода), театры (фотографии спектаклей, состоявшихся в Свердловском драматическом театре, Свердловском театре музыкальной комедии, Театре оперы и балета), заниматься художественной самодеятельностью (фотографии Дворца культуры завода «Уралэлектроаппарат») или посещать общественные бани (фотографии бани в поселке завода «Эльмаш»). Кроме того, показан досуг членов семьи рабочего (фотографии занятий детского вокального кружка в Свердловском доме учителя, занятий различных секций во Дворце пионеров).

Фотографии, представленные в категории «Образование», визуализируют всю систему образования советского периода от дошкольного до высшего. Задokumentирована как инфраструктура учреждений образования, так и процесс обучения. В фонде сохранилась коллекция фотодокументов, посвященная Уральскому политехническому институту им. С.М. Кирова: лекции ведущих профессоров, занятия студентов в лабораториях со станками и оборудованием.

«Социальные услуги» представлены фотографиями больниц и поликлиник (больница по улице Челюскинцев; первая клиника с поликлиническим отделением, открытая после войны в Свердловске (1946 г.)); имеются снимки детских домов, число которых возросло в результате войны (детский дом для сирот войны при Уралмаше. 1948 г.).

Торговая инфраструктура города отражена на фотографиях широкого спектра: имеются изображения центрального колхозного рынка в Свердловске (показаны торговля овощами, цветами, центральный павильон), комиссионного магазина по ул. Малышева; отражено строительство ЦУМа в Банковском переулке.

Фотодокументы визуализируют также статус Свердловска как крупного, растущего, благоустроенного центра, о чем свидетельствует большое количество фотографий улиц, новых жилых застроек, панорам и архитектурных сооружений города, находящихся за пределами его центра.

В категорию «Здания и сооружения» автором были выделены фотографии памятников и зданий, которые не включены в общую панораму, а стали объектами фотографирования сами по себе. Их можно назвать достопримечательностями города рассматриваемого периода. Часть из них и по сей день включены в основной пешеходный экскурсионный маршрут

по Екатеринбург «Красная линия»: например, это группа памятников в стиле конструктивизма, который играл важную роль в застройке Свердловска в 1920 – 1930-е гг. (Главпочтамт, Дом печати, жилой комбинат по улице Ленина). Кроме того, запечатлены Театр оперы и балета, здание Уральского политехнического института, Свердловский дворец пионеров и Харитоновский парк, здание Управления Свердловской железной дороги. Сохранились фотографии памятников Я.М. Свердлову, Г.К. Орджоникидзе на Уралмаше, В.И. Ленину на площади им. 1905 года, Комсомолу Урала.

Роль города во всесоюзном масштабе, его статус столицы Урала демонстрируют фотографии из категории «Городские события». В них запечатлено посещение Свердловска различными зарубежными делегациями и политическими деятелями – Иосипом Броз Тито (1965 г.), Фиделем Кастро (1963 г.), Т.П. Никсон – супругой вице-президента США Р. Никсона (1959 г.), Вальтером Ульбрихтом (1964 г.), шахиншахом Ирана Мухаммедом Реза Пехлеви с супругой (1965 г.), а также делегацией Республики Куба (1963 г.), венгерской делегацией (1959 г.), парламентской делегацией Великобритании (1954 г.), делегацией рабочих от предприятий Финляндии (1951 г.), чешскими путешественниками-журналистами Гержи Танзелкой и Мирославом Зикмундом (1964 г.).

Интерес представляет и анализ маршрутов различных делегаций в Свердловске, что вполне можно проследить, так как журналисты фиксировали каждый из посещаемых ими объектов. Например, сохранилось несколько фотографий гостей города в Уральском геологическом музее: его посетили Иосип Броз Тито, делегация из Финляндии. Визиты на промышленные предприятия также были частью программы посещения Свердловска, например Уралмаша, где побывали Фидель Кастро, венгерская и финская делегации. Объекты отбирались с целью демонстрации членам иностранных делегаций города как крупного горно-заводского и индустриального центра с развитой социальной сферой. Финская делегация посетила также детский сад Уралмаша, а также выставку юных натуралистов во Дворце пионеров; английские парламентарии беседовали со студентами Горного института, а госпожа Т.П. Никсон детально ознакомилась с досугом детей в пионерском лагере Уралмаша.

Кроме того, выделена категория «Городские события», куда отнесены фотографии традиционных праздничных мероприятий (парад войск на площади им. 1905 года в честь 9 мая; демонстрация, посвященная празднованию 1 мая; очередной юбилей Великой Октябрьской революции). Встречаются и фотографии политических событий: митинг в Свердловске в защиту мира, проводы военнопленных немцев в Германию. Сохранились фотографии, на которых запечатлены лагерь для военнопленных, их досуг, собрание по поводу возвращения на родину.

Самое большое количество фотодокументов относится к категории «Индустрия». Тема сохранения,

ревитализации и актуализации индустриального наследия Свердловской области в последнее десятилетие все чаще поднимается как исследователями [20], так и представителями властных структур. На фотодокументах зафиксированы моменты рождения новых предприятий (акт закладки Уральского завода тяжелого машиностроения/Уралмаша в 1928 г.), их инфраструктура, производственные процессы и изделия, которые они выпускали. Преимущественно речь идет о предприятиях тяжелой промышленности (УЗТМ, заводе «Уралэлектрораппарат», Свердловском механическом заводе «Главэкскаватор», Свердловском электровозоремонтном заводе, Свердловском заводе резинотехнических изделий, заводе «Пневмостроймашина»). Встречаются также фотографии предприятий легкой промышленности (например, фабрики «Уралобувь»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фотодокументы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Свердловской области, отражают путь Свердловска от города-завода и «соцгорода» до города-миллионника (1967 г.), крупного регионального индустриального, культурного и образовательного центра, который занял ведущее место во всесоюзном рейтинге.

В рамках изучаемого периода можно выделить основные этапы роста города. В 1930-е гг. Свердловск становится экспериментальной площадкой для внедрения новых технологий, градостроительных решений и образцов быта. Фотодокументы этого периода раскрывают преимущественно тему реновации и индустриализации города. Документов, относящихся к периоду Великой Отечественной войны, сравнительно немного, вероятно, потому, что все внимание тогда было устремлено на поля сражений. Несколько больше фотографий по послевоенному периоду. Документируются чаще всего сюжеты политического характера: организация процесса выборов, визиты официальных делегаций, отправка бывших военнопленных немцев в Германию и т.п.

Тема благоустройства и быта начинает доминировать на фотографиях второй половины 1940-х – 1950-е гг. Отражаются процессы модернизации городской среды и городского образа жизни, строительства новых предприятий, жилых домов и кварталов, учреждений, спортивных объектов и т.п.

Кроме того, фиксируются эпизоды культурной жизни города: показано, как строятся новые учреждения культуры, проходят спектакли в драматическом и кукольном театрах, Театре юного зрителя, Театре музыкальной комедии, в филармонии. Город становится студенческой столицей региона, большое внимание уделяется Уральскому университету.

На фотографиях этого периода показан комплексный подход к застройке городской территории. Так, заводской поселок воспринимается как важный структурный элемент городской среды со всей его инфраструктурой (номинация «поселок» встречается

и в описании содержания фотодокументов). Подробно документируется и реконструкция центра города, показаны новые городские ориентиры – достопримечательности. Изменяется и сам характер фотодокументирования, в подходе к съемке объектов – четко прослеживается показ эстетической составляющей архитектуры. Одной из значимых достопримечательностей в городе становится Уральский геологический музей, позволяющий получить представление о природных богатствах Уральских гор.

Образ Свердловска 1930 – 1950х гг. – это образ молодого, прогрессивного, динамично развивающегося индустриального города, способного обеспечить разноуровневые потребности горожан, прежде всего советского рабочего.

Среди изученных фотодокументов наиболее велика доля фотографий, сделанных в середине 1960-х – 1970-е гг. Следует отметить, что в середине 1960-х гг. население города начинает приближаться к миллиону, поэтому трендом фотодокументирования становится новый статус города. Подчеркивается его международный статус как одного из ведущих центров страны. Свердловск – это город, который посещают политические лидеры дружественных стран; продукция его заводов отправляется за рубеж; в городе проходят соревнования международного уровня, выступают знаменитые артисты.

Демонстрируется высокий уровень комфорта и благоустройства города: например, имеются фотографии прокладки теплотрасс, строительства гостиниц, бытового комбината «Рубин», первого в городе универмага (ЦУМ), сравнимого со столичным. Открываются кинотеатры, осуществляется освещение улиц, строятся дома нового образца с кухнями и индивидуальными санузлами (получившие позже название хрущевки). На фотографиях отражена сфера здравоохранения: здания поликлиник, районных больниц. Меняется цель документирования – важнее показать не уникальность объектов, а скорее их количество. Интересно, что именно в 1960–1970-е гг. на фотографиях отражена деятельность предприятий легкой промышленности, хотя по-прежнему превалирует пропаганда тяжелой промышленности и ее достижений.

В целом фотографии позволяют проследить, как образ Свердловска в рассматриваемый период переживает существенную эволюцию: к концу 1970-х гг. усиливается его статус в качестве промышленного центра Урала.

Среди факторов трансформации города следует назвать политику Центра, выбравшего Свердловск в качестве экспериментальной площадки для возведения «города будущего»; реализацию комплексного подхода градостроителей к развитию города; и, безусловно, индустриализацию, роль которой в преобразовании города трудно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова А.Ю. Трансформация городского пространства: от индустриального прошлого к центру культуры и туризма

(кейсы города Лодзь) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11, № 2. С. 47–60.

2. Soja E. Postmetropolis. N.Y.: Blackwell Publishing, 2000. 462 p.

3. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 137–150.

4. Трубина Е.Г. Вовлеченная урбанистическая антропология: соединяя исследования и жизнь сообществ // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 174–180.

5. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: НЛЮ, 2011. 520 с.

6. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 67–81.

7. Lynch K. Good City Form. Cambridge, Massachusetts, and London: The MIT Press, 1981. 514 p.

8. Müller M., Gaffney C. Comparing the Urban Impacts of the FIFA World Cup and Olympic Games from 2010 to 2016 // Journal of Sport and Social Issues. 2018. Vol. 42, N 4. P. 247–269.

9. Müller M. How Mega-Events Capture Their Hosts: Event Seizure and the World Cup 2018 in Russia // Urban Geography. 2017. N 38 (8). P. 1113–1132.

10. Krebs M., Pilz M. Anthropological Urban Transect. A Methodology to Study Urban Environment // Working papers des Sonderforschungsbereiches 640. 2013. N 1. P. 3–22.

11. Tu W., Li Q.Q., Zhang Y.T., Yue Y. User-Generated Content and Its applications in Urban Studies // Urban Informatics. 2019. P. 1–17.

12. Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. N 3. С. 160–178.

13. Главацкая Е.М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.

14. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 36 с.

15. Журавлева Н.И., Мельникова С.В., Поринева О.С. Трансформация статуса и имиджа Екатеринбурга-Свердловска в исторической динамике (XVIII–XXI вв.) // Культурологические чтения – 2016: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–19 марта). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 234–243.

16. Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.

17. Екатеринбург. История города в фотографиях: в 3 т. / сост. А.В. Беркович, О.А. Бухаркина. Екатеринбург: Фонд развития фотографии, 2015. Т. 1: Вторая половина XIX – начало XX веков. 208 с.

18. Екатеринбург. История города в фотографиях: в 3 т. / сост. А.В. Беркович, О.А. Бухаркина. Екатеринбург: Фонд развития фотографии, 2015. Т. 2: 1914–1950-е годы. 208 с.

19. Екатеринбург. История города в фотографиях: в 3 т. / сост. А.В. Беркович, О.А. Бухаркина. Екатеринбург: Фонд развития фотографии, 2019. Т. 3: 1960-е – 1991 годы. 208 с.

20. Зайцева Е.В., Запарий В.В. Индустриальное наследие как важнейшая составляющая имиджа промышленного региона (социологический анализ) // Экономическая история. 2017. № 1 (36). С. 31–35.

REFERENCES

1. Aleksandrova A.Yu. The urban space transformation: from industrial past to cultural and tourism centre (the case of Lodz'). *Sovremennye problemy servisa i turizma*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 47–60. (In Russ.)

2. Soja E. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. New York, Wiley – Blackwell Publ., 2000, 462 p. (In Russ.)

3. Bourdieu P. Social space and symbolic power. *Thesis: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*, 1993, no. 2, pp. 137–150. (In Russ.)

4. Trubina E.G. Engaged urban anthropology: bringing research and community life together. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 174–180. (In Russ.)
5. Trubina E.G. City in theory: experience in understanding of space. Moscow, NLO, 2011, 520 p. (In Russ.)
6. Semenova V. Urban space mapping: basic approaches to visual analysis. *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati*. Moscow, 2009, pp. 67–81. (In Russ.)
7. Lynch K. Good city form. Cambridge, Massachusetts, London, MIT Press, 1981, 514 p.
8. Müller M., Gaffney C. Comparing the urban impacts of the FIFA world cup and Olympic Games from 2010 to 2016. *Journal of Sport and Social Issues*, 2018, vol. 42, no. 4, pp. 247–269.
9. Müller M. How mega-events capture their hosts: event seizure and the World Cup 2018 in Russia. *Urban Geography*, 2017, no. 38, pp. 1113–1132.
10. Krebs M., Pilz M. Anthropological urban transect. A methodology to study urban environment. *Working papers des Sonderforschungsbereiches*, 640, Berlin, 2013, no. 1. 22 p.
11. Tu W., Li Q.Q., Zhang Y.T., Yue Y. User-generated content and its applications in urban studies. *Urban Informatics*. S. l., 2019, pp. 1–17.
12. Mazur L.N. The visualization of history: a new turn in the development of historical cognition. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 3, pp. 160–178. (In Russ.)
13. Glavatskaya E.M. Photographic documents as a historic source: on attribution, critical analysis and citation. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 1, pp. 217–225. (In Russ.)
14. Magidov V.M. Cinema and photo documents: problems of historiography, archival studies and source studies: diss. abstract. Moscow, 1993, 36 p. (In Russ.)
15. Mel'nikova S.V., Porshneva O.S. Transformation of the status and image of Ekaterinburg-Sverdlovsk in historical dynamics (the XVIII–XXI centuries). *Kul'turologicheskie chteniya – 2016: materialy mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy (Ekaterinburg, UrFU, 16–19 marta)*. Ekaterinburg, 2016, pp. 234–243. (In Russ.)
16. Bugrov K.D. Socialist cities of Greater Urals. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2018, 472 p. (In Russ.)
17. Berkovich A.V., Bukharkina O.A. (comps.) Ekaterinburg. The history of the city in photographs Vol. 1: Second half of the XIX – early XX centuries. Ekaterinburg, Fond razvitiya fotografii, 2015, 208 p. (In Russ.)
18. Berkovich A.V., Bukharkina O.A. (comps.) Ekaterinburg. The history of the city in photographs. Vol. 2: 1914–1950s. Ekaterinburg, Fond razvitiya fotografii, 2015, 208 p. (In Russ.)
19. Berkovich A.V., Bukharkina O.A. (comps.) Ekaterinburg. The history of the city in photographs. Vol. 3: 1960–1991. Ekaterinburg, Fond razvitiya fotografii, 2015, 208 p. (In Russ.)
20. Zaitseva E.V., Zapariy V.V. Industrial heritage as an important component of the industrial region image (sociological analysis). *Ekonomicheskaya istoriya*, 2017, no. 1, pp. 31–35. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.02.2020

Дата рецензирования 26.02.2020

Статья принята к публикации 09.04.2020

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ

DOI: 10.15372/HSS20200214
УДК 069+94(100)

HILDEGARD K. VIEREGG¹, O.N. TRUEVTSEVA²

TANGIBLE AND INTANGIBLE HERITAGE ALONG THE ANCIENT SILK ROADS

¹University for Philosophy,
Munich, Germany

²Altay State Pedagogical University,
55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031, Russian Federation

The article focuses on the Museums along the ancient Silk Road that runs from Southeast Asia to Central Asia and then to Europe. Since early times there was always the movement of peoples from West to East. The ancient caravan routes promoted development of numerous cultures of the existing ethnical groups and their specific skills and creativities. In this concern we should think first about the equivalence of each of the cultures. Besides the vice versa migration, each of them participated the international exchange connected with material and immaterial acquisitions. On one hand, there was a lively trade of valuable goods as silk, gold, silver, glass, ceramics, tools and artifacts. On the other hand, there were influence of immaterial enrichment such as the living conditions, the inner spirit, customs, rituals and rites. A very important highlight is the interchange of life-philosophies as well as world religions. When we think about the most important cities like Chang'an, the ancient capital, we are convinced of the internationality, cross-culturality and especially religious influences that have inspired and motivated the whole life and communication. Without these inspirations, the capital of Chang'an would have never produced such an extraordinary level of skill, artifacts, and a high standard and pattern in creating art and culture. Related to contemporaneous conditions the high-developed Silk Roads are still important ways for the international, even global trade and exchange, as well as for further cultural developments. In the future, the Museum-landscape has more opportunities to consider the museological possibilities in the international cooperation along the Silk Roads than in the past. One of these forms is the Tea-Culture, well known since the Tang-Dynasty, China (618–907 AD), and as a component of culture and civilization. There were lots of tea houses in Japan already in the XV century. They were regarded as particular sites for discussing issues of philosophy, religions, aesthetics, literature, ethics, and, arts of course. The tea-house social role contributed the private communication through tea. For many historical periods the idea of tea and tea-house has acquired a transnational quality and become the object of study by scientists from different countries.

Key words: ancient Silk Road, tea-ceremony, conception, flower arrangement, ancient capital Chang'an.

ХИЛЬДЕГАРД К. ВИЕРЕГГ¹, О.Н. ТРУЕВЦЕВА²

МАТЕРИАЛЬНОЕ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

¹Университета философии, г. Мюнхен, Германия

²Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, Барнаул, ул. Молодежная, 53

Hildegard K. Vieregk – Doctor, Professor for Museology of University for Philosophy, Munich, Germany, research@dr-vieregg.global; <https://orcid.org/0000-0001-9317-1797>

Olga N. Truevtseva – Doctor of History, Professor, Altay State Pedagogical University, e-mail: truevtseva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0319-1992>

Хильдегард К. Виерегг – доктор, профессор музеологии Университета философии, г. Мюнхен, Германия.

Ольга Николаевна Труевцева – д-р ист. наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет.

Основное внимание в статье уделяется музеям Шелкового пути, проходящего из стран Юго-Восточной Азии в Центральную Азию и, далее, в Европу. Уже древние караванные пути способствовали развитию культур многочисленных этнических групп на этом пути, развитию их материальной культуры и творческих способностей. Каждая из них участвовала в международном обмене и была связана с материальными и нематериальными приобретениями. С одной стороны, была развита оживленная торговля ценными товарами, такими как шелк, золото, серебро, стекло, керамика, инструменты др. С другой стороны, происходило и нематериальное обогащение культуры: изменение условий жизни, духовное развитие, взаимовлияние обычаев, ритуалов и обрядов.

В современных условиях высоко развитые магистрали Шелкового пути до сих пор являются важными каналами для международной (и даже глобальной) торговли и обмена, а также для дальнейшего развития культуры. Важное значение имеет взаимовлияние философских и мировых религиозных систем. Когда мы думаем об одном из самых важных городов на Шелковом пути – Чанъане (древней столице нескольких китайских государств), мы убеждаемся в интернациональности, межкультурности таких влияний, особенно религиозных, которые вдохновляли и мотивировали всю жизнь этого городского социума. Без такого вдохновения столица Чанъань никогда не достигла бы столь экстраординарно высокого уровня мастерства, высоких стандартов и образцов в создании искусства и культуры. Сегодня, как никогда, возросла роль музея-ландшафта, открывающего больше возможностей, чем в прошлом, для изучения международных связей на примере Шелкового пути.

Одним из форумов транснационального значения стала чайная культура, идея чайного дома, что хорошо известно со времен династии Тан / Китай (618–907 гг. н. э.) и является компонентом мировой культуры и цивилизации. Так, в Японии в XV в. существовало множество чайных домов. Они рассматривались как особые площадки для обсуждения вопросов философии, религии, эстетики, литературы, этики. Чайные дома, чайханы, несомненно способствовали активизации частного общения в течение многих исторических периодов. Идея чая и чайного дома не случайно является объектом изучения ученых разных стран.

Ключевые слова: Шелковый путь, чайная церемония, музей-ландшафт, цветочная композиция, древняя столица Чанъань.

PROLOGUE – SHORT REMARKS TO THE ANCIENT SILK ROADS

This article focuses on the importance of the Silk Roads which originated already in ancient times and are now under debate internationally with the title: 'One Belt – One Road'. This means cultural and economic co-operation, tourism and international exchange. The focus will be on Tang-Dynasty, the aspects of tangible and intangible heritages, as well as the preservation and conditions of museology nowadays.

The 'Decades of Archaeology' with many excavations by the end of the 19th/the beginning of 20th centuries focused on the great history of the Silk RoA.D.s and their treasures – as tangible and intangible goods.

In this concern we can find an interesting remark of one of the researchers: '*... We discovered that everywhere along the Silk Roads until to the middle of 8th century A.D. peoples from different countries lived. There are indo-German languages, Persian peoples, Indian Peoples sometimes even Europeans. Their languages which were partially totally unknown were found in numerous manuscripts*'.

When we go to experience these treasures we have to study on the one hand the kinds and works of art as tangible heritage, and on the other hand particularly the religions and the spiritual life as intangible heritage. Both fields have to be preserved, and their importance for museums of the 21st century examined.

'Buddhist Art of Central Asia' means as 'Tangible': The Art of the Cave Temples and monasteries situated along the extent through-Roads and cross-Roads in the North and South of China – East Turkistan and through the valleys of Afghanistan. The kinds of these type of the Arts include wall-paintings, figures made from clay, wood or bronze, paintings on textiles, silk, wood and paper and Additionally a multitude of smaller works of art. [1, p. 96] The earliest works of art arose from Chinese Dynasties more than 2000 years BC.

The first highlights were established from 221 to 206 BC (Qin-Dynasty) and 206 BC to 9 A.D. (West Han-Dynasty). The main focus of the creation is represented by the period among 500 and 900 A.D. In the famous Tang-Dynasty (618–906 A.D.), a period of specific prosperity on the arts with important trade-contacts to Sri Lanka, Korea, Vietnam, Persia, Indonesia, Samarkand/Usbekistan e.a. There were also great influences of different religions as Nestorian Christianity, and Chinese influences which reached also Japan on the way passing Korea.

The 'Intangible' was defined by UNESCO in its 'Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage' as the practices, representations, expressions, as well as the knowledge and skills, that communities, groups and sometimes individuals recognize as a part of their heritage.¹

The expert Heinrich Gerhard Franz (1916–2006), a former professor at the University of Graz/Austria, talks about the Arts along the Silk Roads (North and South) which originated from Buddhist countries and touched different territories. Franz is also convinced that one can re-act the peregrinations (walking tours) which were undertaken by the arts in the service of Buddhism, fine arts, sculptures and paintings. While in the early centuries A.D. the peregrination of the religions and the arts was in the direction from West to East very significantly, the Emperors of the Tang- Dynasty changed this situation to the benefit of Chinese examples [2, p. 141].

The main topic of this article is devoted to the extraordinary tea-culture that was included that was far-reaching to all levels and social groups of society. It was included in the general communication and social life since the 12th century in Japan.

¹ Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage' UNESCO, 2003. <https://ich.unesco.org/en/convention> (checked: 23.04.2020).

**“TEA AND FLOWERS” – TEA-HOUSE, TEA-CULT
AND ARTIFACTS**

*“The most beautiful street in our city
was that with the Tea-Houses”* [3, p. 16]

(Bernhard Kellermann about the small
Japanese city of Miyazu, 1907)

The Ancient Silk-Roads since the Tang Dynasty started firstly from the front orient, led to India and Persia – to Chang’an (modern: Xian) the ancient capital of China, and then continued to Korea and Japan. There were different routes on the North and the South of the Tarim Basin between East and West. Particularly the dangerous Taklamakan Desert had to be traversed. These deserts were the biggest obstacles on the traverse of the Asian continent. They had to be overcome by the trading caravans [2, p. 15]. One of the routes also touched Kazakhstan. There were also different maritime ways. Already in the 7th century Chang’an – situated in the Eastern part of China, North of the Yangtze-river was a metropolis with more than thirty thousand inhabitants. In this concern this city was esteemed to be an imitation of the universe. It was the ideal capital “surrounded on all sides by mountains, providing a useful obstacle to invading armies, and was close to the Yellow and Wei Rivers.”²

There is an interesting description in the History of the Han Dynasty: “In abundance of flowering plants and fruit, it is the most fertile of the Nine Provinces, in Natural barriers for protection and defense. It is the most impregnable refuge in Heaven and Earth.” As the capital of the Western Han-Dynasty it was also a melting pot of cultures in a material and immaterial meaning, and additionally a place for the exchange of Western and Eastern philosophies. Numerous nationalities met in Chang’an and finally lived in Chang’an as e.g. merchants who became very rich. According to the imagination of Chinese people basic elements belonged to a city: these were the walls and the markets. The Eastern market and the Western market were the most important establishments for the citizens. During the Tang-Dynasty there were merchants from Turkey, Persia, Arab countries, Mongolia, India, Korea and Japan. All of the languages of the orient were used for the trading exchange. Persian people were particularly appreciated because of their extraordinary skills. As representative trade goods for the numerous foreign people served the famous sancai ceramics from the Tang Dynasty (618–907). Imports from other countries improved the life of the nobles: as e.g. in the tea-houses [4].

The numerous trade-caravans with traders and craftsmen opened branches in the capital city of Chang’an. Mark Cartwright, a political philosopher from the University of York who is particularly interested in art, architecture, and ancient pottery, describes the trade goods included: *from East to West*: Silk, tea, dyes, ceramics, plates, textiles, bronzes, bowls, cups, vases/porcelain,

medicine, gold artifacts, ivory, rice, paper gun-powder and perfumes, spices (cinnamon and ginger); *from West to East*: Horses, saddles and riding tracks, grapes, dogs and other animals both exotic and domestic, animal furs and skins, honey, fruit, glassware, woolen blankets, rugs, carpets, textiles, gold and silver, camels, weapons and armor.³ Many enterprises and the international trade – for example with “Silk Road Trade Porcelain” became of great importance. More than 400 monasteries in the surroundings contributed additionally to the economic and spiritual bloom. In this concern the tea and the building up of tea-houses became trendy. Starting from these points developed the idea for an international exhibition.

THE IDEA FOR THE EXHIBITION

The idea to develop a concept for an international exhibition to the topic “Heritage Along the Silk Roads – Tea and Flowers” started in Japan and in Taiwan after I had visited a Tea-House of very good friends in the center of Taipei. This Tea-House has like the most of those buildings an interesting name: It is described “The 1930’s Tea-House” that combines the decorative arts with the tea-culture of that time in Taiwan, Japan, China, Korea and Russia. When we think over we can confirm that in the different Central Asian and South East Asian countries the tea-culture was influenced each a special component in the way of life. The Taipei-Tea-House had been working for many years. Citizens from Taipei came here on the one hand to enjoy the great Tea-culture, sitting surrounded by artifacts, and at the same time to cultivate social contacts.

Generally, Tea-Houses in China, Taiwan and Japan were characterized by a very special environment. The reality with each of the characteristic, customs and sites of a traditional Tea-House scarcely changed since centuries. Nevertheless, modern Tea-Houses, as in Taiwan, are expressions of the modes of contemporary architecture and design, and situated in marvelous regions as e.g. on the mountains. The exhibition is starting from the idea of the Unity of “Tea and Flowers” in the Taiwanese and Japanese Aesthetics.

THE TEA-HOUSE

In South East Asian countries the Tea-House plays an extraordinary role in the culture and civilization. Already in the 15th century existed many teahouses in Japan. They were regarded as particular sites: Philosophy, Aesthetics, Literature and ethical questions were discussed. The ethics related to the central terms of Confucianism [4, p. 91]. The Tea-House served also the private communication by the medium of the tea. Only people who were invited became allowed to pass the entrance to a tea-house – this is the case until now. There were also a philosophical and religious context and additionally aesthetic and spiritual principles.

The Tea-House – in Japan often named as a tea-cabin, a tea-pavilion or a tea-room – made from wood – followed certain rituals or principles as harmony, respect, purity and

² By Mark Cartwright, 2017, 12 July. URL: <https://www.ancient.eu/Cghang'an/published> (checked: 23.03.2019).

³ Ibid (checked: 23.03.2019).

silence. Each of them served the tea-ceremony [5, p. 492] In this concern developed ideal conceptions for a Tea-House [6, p. 115].

THE SOCIAL ROLE OF A TEA-HOUSE

The Tea-House is a place of culture, architecture, design and aesthetics. It was firstly defined as a wooden building of understated elegance for the Japanese tea-ceremony. Therefore, it was built up according to the rituals and principles of harmony, respect, purity and silence. The creation was from the beginning in a close relationship to the tea-ceremony. In Japan it was in the 15th century mostly situated close to a temple-environment of the Zen-Buddhism – a religious, philosophical and meditative background.

As contemporaneous sources describe, the Buddhist elites at the court or in the monasteries as well as merchants maintained the custom of drinking tea together with the ceremonies [7, p. 166]. Usually, the tea-house was connected with a tea-garden, a water-basin which served to the cleaning of mouth and hands before entering and a fireplace. Other characteristic are an asymmetric ground-plan, varied types of entrances for the host and for the guests and windows as well as the avoiding of the repetition of any elements. Other essentials are the tatami-mats which covered the floors. Recently built up Tea-Houses in Taipei/Taiwan are known for their extraordinary architecture and design. They are situated at particular places – for example in the mountains above the capital.

The Tea-House was even and is sometimes a place for the personal life of children. They were playing in the *tokonoma*, the “picture niche” where the scroll was hanging and a simple flower arrangement found its place [8, p. 23].

TEA-GARDEN- TEA-PATH

Since the beginning a garden is belonging to the area of a tea-house. The Tea-Garden is a place intended to open the experience-horizon, as this was done in the early Tea-House-periods. The path through is a symbol of the whole teaching about tea. Therefore, already the tea-master Rikyū focused the design. The basis-position was the love to the universe in all of facets and simple beauty [9, p. 105].

This idea was in contemporary times again developed by Hugo Kükelhaus (1900–1984) who transferred this imagination to the design of museum-exhibitions principally. The Japanese Tea-Garden should appeal to the senses: by listening, looking, smelling and feeling.⁴ This is until now a museological approach on museum-experiences.

The art of garden-cultivation developed already since the Kamakura-period (1185–1333) in Japan when the Zen-Buddhism was introduced. Together with the spread of the Zen-Buddhism the spiritual aspects of the

tea extended. The garden should imitate the nature and become included into the environment as a characteristic in order to promote the intentions of a Tea-House [10]. It was thought as a kind of hermitage in the middle of the respective city or world in which everybody could withdraw. Therefore, in comparison to other representative buildings in the Japanese architecture, the tea-room focuses to the transience. In this concern is to understand that the tea and the tea-room are connected with the monastic life in the Zen- monasteries [9, p. 97]. Probably from this starting-point the Master Ashikaga Yoshimasa developed an independent free-standing tea-house.-very small – only 3 to 3 meters – altogether 9 square meters.

In order to achieve these goals, four principles were incorporated in the path-conception which is equipped with stones, bushes, stone-lanterns, a water-basin, a fireplace and others.

Harmony (Wa) means on the one hand the harmony among the people, the host and the guests, and on the other hand also the harmony among the equipment and artifacts in a tea-house in the widest sense. It is also an expression of the spiritual harmony between the nature, the seasons and the weather.

Respect (Kei) means the attention to our next human being, but also to the objects in use. This involves not only the attention to valuable objects, but also to those of the everyday life.

Purity (Sei) means to keep things tidy in different ways: cleanness and purity are the basis for an inner virtue and concentration. Above that, purity relates to the reduction to the essential things, may be in the architecture of a tea-house or on the preparation of a tea-ceremony.

Silence (Jaku). Through the continuous practice of the three principles described, gradually quietness is going to be adjusted. In this concern silence is not only the lack of noise, rather more the “inner silence” and tranquility⁵. Besides, in Japan so-called “Dry-Gardens” or “Stone-Sand-Gardens” were very developed as very unique [6, p. 95].

TEA-HOUSE EQUIPMENT

Different types of tea-houses are distinguished by their ground-space according to the size of tatami-mats. Above that the paper sliding doors enable the changing of the room-sizes. A very important component of the tea-house is the “picture-niche” that is usually made from other wood than the other construction of the tea-house. Like in the tea-garden also here shouldn't any repetition [9, p. 104].

In the course of time the equipment of this niche developed. Nowadays those niches are furnished with different kinds of objects: role-pictures, ceramics, porcelain, bronze vessels – and also flowers. Usually, the niche was equipped with a role-picture according to the season or the occasion of a visit. Pictures with religious motives were also presented. There was also a bookshelf

⁴ Erfahrungsfeld zur Entfaltung der Sinne. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Erfahrungsfeld_zur_Entfaltung_der_Sinne (checked: 23.12.2018).

⁵ Gesellschaft der Freunde des Teeweges der Bundesrepublik Deutschland e.V. 2014.

for the storage of artifacts or scrolls. The sliding-doors with a wooden frame and a paper-surface were the opening to the garden. Above that there were spaces for decorative art, and incense burners. Flower arrangements played also a very important role.

**TEA CEREMONY, ARTS AND CRAFTS
(ARTISAN CRAFTWORK) [6, P. 92].**

According to the preference for tea developed a collecting passion for arts and crafts as tea-tools [9, p. 101]. A tea-ceremony is consisting of preparation methods and the belonging tools. For drinking tea it is firstly the tea-cooking, secondly the brewing tea and thirdly infusing tea. The one were the methods, the other the tea-tools. The tea-meetings firstly introduced at the period of Tang-Dynasty (618–906) in order to use tea as a medicine were widely appreciated by ‘tea-societies’ which step by step developed an aesthetic ceremony. Particularly, the observatory of both, the equipment for tea and the artifacts in a spiritual niche played an important role. This custom continued through centuries.

In Japan the Zen-Buddhism with its dissemination since 1191 became significant for the acceptance and further development of the tea-ceremony while it was a little forgotten in China [11, p. 216]. Actually, the tea-ceremony (Cha-no-yu) was developed during the 15th century (1427–1502). This was not only devoted to the tools for the ceremony, rather more above that, the Japanese ceramics and other objects of the applied arts [6].

The festivity of the “Kitano – Tea – Community” (1587) supported the spreading of the tea-ceremony (Cha-no-yu). Nevertheless, Murata Jukō (1422–1502) the son of a blind priest who was educated in a rich merchants-family is regarded to be the founder of the tea-ceremony. He was devoted to Japanese ceramics and other objects and tools for the ceremony and also to other kind of craftwork.

The pleasure on tea-ceremonies changed and came over from the palace of the Shogun more and more to the houses of rich merchants in Kyoto and Sakai. In this concern the presentation of foreign trade goods played an important role. Now it became usual to study both the poetry and the tea-ceremony. One of the most famous tea-masters became Sen-no-Rikyū (1521–1591) whose father ran a department-store in Sakai. In his period the Art of Tea developed to a highlight. Together with other tea-masters he led the “Tee-association” of Kitano close to Tokyo. He also tried to find the beauty in unpretentious utensils. - Sen-no-Rikyū was it also who decided the regulations for the tea-cult. Instead of the cult of the Shoguns more popular customs were developed which characterize the Japanese every-day-life until now. Nevertheless in the Chinese Qin-Dynasty the tea-cult reached a kind of peak (high point). This was really a “Golden Age”. Particularly the Emperor Qianlong (1711–1799) enjoyed the tea-ceremony. The current and later fashion trends were influenced by him. Already the emperors and the nobles of the Tang-Dynasty, and in a similar way the Emperor Qianlong of the Qing Dynasty combined ancient bronzes with the requisites for

the porcelain and tea ceremony: Furnishing, arrangements, design, tea-cabinets and tea-sets (ancient to modern times styles). There is a contemporaneous consideration: “*Just like the Emperors and nobles of the Tang Dynasty the Emperor Qianlong of the Qing Dynasty (1644–1911) they combined the ancient bronzes with the props related to porcelain an tea-ceremony, the ancient artifacts of the crafts such as teapots at the time. Emperor Qianlong enjoyed the tea-ceremony with nobles from all over the world. The interest has caused the current and later fashion trends.*” [12, p. 5]. For the arising tea-ceremony in Japan, the dark ceramics from the Song Dynasty (960–1279) were of great importance. The “Temmoku-ware”, a Japanese designation, was a kind of dark-colored bowls which were esteemed as the ideal vessels for the tea ceremony. They influenced the craftsmanship of ceramics in a high degree. Up to now the “Temmoku-ware” – Chinese tea-bowls and small pots for tea-powder belong to the treasures of Japanese temples. Tea-bowls were worked out in different materials and colors, and the focus was on the aesthetic and simplicity. Some of them are even registered as state-treasures and cultural heritage and therefore are not allowed to be exported [13, p. 316].

Sakai is originally a city in the prefecture of Osaka and Honshū, the most important island of Japan. There met very rich merchants as well as the aristocracy and also warriors. The merchants themselves brought a lot of merchandise from the continent. Besides, in those times, the taste of the Chinese society focused on foreign goods. At the first place were bowls for tea. Chinese bowls created by light-green Seladon-porcelain (Province Zejiang/ Chekiang) or bowls manufactured of a kind of ‘ceramics’ with dark-brown or almost black colors (Province Fujian) – the “Temmoku-ware” were appreciated very much. Only dark glazes guaranteed the wonderful appearance of the color of the tea.

The Japanese workshops produced and inspired very soon the need of tea-equipment. In the tea-cultivation the un-glazed ceramics played a more important role. Actually, the coarser ones were produced for the ‘farmer households’. In a similar way the iron boilers (a kind of vessels) for water were shaped by forms of clay. Finally, also the lacquerware was included into the ceremonies for tea [6, p. 100–102].

In Japan the crafts was defined by the tea-societies. From here developed part by part a more aesthetic tea-culture. In this relationship the consideration of the tea-tools and the artifacts in the picture-niche played a significant role. In this period of time of a Chinese sense of taste the foreign wares played an important role. They were exhibited on book-shelves. There were not only tea-bowls and tea-tools but much more also the Japanese lacquerware and vessels for water or vases. On this way was an amalgamation between Chinese impulses and the Japanese tradition in the Momoyama-period (1573–1615) [6, p. 102].

After the Kamakura Period (1185–1333) only the Zen-Buddhism survived. Following its ideas particularly

in the Momoyama Period (1573–1615) a new style-direction was developing with a tendency to simplicity and severity, the so-called “pavilion-style”. The followers were particularly priests and rich merchants. This kind of pavilions were in former times overtaken from the Chinese continent. It opened many possibilities to be placed into Japanese gardens, and was mainly used for tea-houses [6, p. 113].

TEA-CULT AND ARTIFACTS – THE PHILOSOPHY BEHIND

The Zen-Buddhism plays an important role in the relationship between Tea-Cult, artifacts and the philosophy behind. As a Zen-Buddhism-teaching tradition (doctrine/theory) the Rinzai-shū, became of great importance. Firstly, it was 1191 introduced by Myōan Eisei (1141–1215), a Buddhist priest. This School dates back to the great School of Chan in China. Firstly, the monks used the tea because it was very effective against the fatigue after meditation exercises. After given sermons Eisai distributed tea to the people, particularly to the poor of ill persons and to pilgrims.

The Japanese culture was in a great extent characterized by the Zen-aesthetic. The “tea-path” for example is expressing the “culture of silence”. Rinzai-temples are also estimated as the origin for the garden-design. They link architecture, garden landscaping and art in the most exciting way. Eisei is also to be considered as the priest who conveyed the tea-plant to Japan. His students brought tea-utensils from China. In his monastery-rules are also advices to the preparation of tea and procedures of tea-ceremonies.

Finally, Rinzai was linked to various disciplines which are well known as “Ways of Zen”. These are

- Sadō (Chado) – the way of tea-ceremony
- Shodō – the way of flower-arrangement
- Suizen – the artificial playing of a bamboo-flute
- Zen Garden – the art of garden design
- Budō – the way of a warrior.

Connected with these spiritual contexts the artifacts for the Tea-House had been considered. They should support these great ideas. There was an immense fresh impetus for handicraft products, artifacts, creative art-work, ... Influenced by the rich merchants this led to a promotion in quantitative and qualitative concerns: textiles, ceramics, porcelain, lacquer, role-pictures, ... decorative richness – and on the other hand .a kind of simplicity related to all the gadgets of the tea-cult. The dealing with the beautiful artifacts was an important goal. Firstly, the nobles used the tea-houses and the cult for showing the artifacts to their guests and to demonstrate power and wealth. Merchants and other rich citizens built also tea-houses and imitated on the one hand the customs of the nobles, and on the other hand the having to do with and to show the beautiful objects. Concerning ceramics the “Golden Age” was coming into existence with numerous vessels, ceramic bowls or water ewers. Japanese manufactures now became more independent and improved the aesthetic shape. In former

times the tea-cult was often carried out with Chinese or Korean artifacts and tools.

Nevertheless, the Japanese tea-ceramics was developed by the support of most experienced Korean potters who had been deported to Japan after the Korean-Japanese War. Many of them were living on the site of the city of Kyushu. Here came particularly vessels into existence which had white-brown glazes. In another province the so-called Shino-vessels were developed. They were elaborated from white clay. Many of the Shino-ceramics were decorated with paintings and different motives. The Shino-vessels were usually formed by hand in order to support the nature of the tea-cult. The tea-masters, of course, used also ceramics from other manufactures – according to their personal preferences [6, p. 117–118].

TEA-UTENSILS

Utensils for tea from China were very much appreciated. At the courts valuable collections were created. Those served the splendid tea-meetings. This appearance was characterized as “aestheticization of Chinese Import Wares”⁶ The tea that had in former times its importance by the ceremonial use in monasteries and at the Emperors’ courts was finally spread to all levels of society and developed to a rank of an aesthetic action. Flower arrangements belonged to necessarily. On this way everybody was invited despite a high or low social position. This led to a social and political importance of the cult of the tea.

FLOWER ARRANGEMENTS

Since more than 1500 years Flower arranging is one of the most important expressive forms of the Chinese art. On the Chinese consideration flower arrangements belong to the daily life, and it is a symbol to improve the daily life and to beautify the social life. In the course of a year are many occasions to create flower arrangements – the New Year, the Lantern Festival, the Dragon Boat Festival, the Thanksgiving to Buddha, family festivities as Weddings etc. In the Japanese life the art of flower arranging occupies an important position. The ancient schools for Flower Art go back to the prince Shōtoku (572–621) [9, p. 109]. The flower arranging the famous expert Hwang Yen-chiao describes this extraordinary kind of the arts: “Flower arranging shares an extremely important position with literati, religious and court forms. The creative motifs and concepts include giving thanks, praying for good fortune, celebration, making offerings, decoration, condolences, and warding off malevolent forces. ... A wide variety of materials are used, and the colors of the flowers are very complex. ... The vessels are also straightforward, with a variety of decorations. ... emphasizing the color function is one of the special features of Chinese flower

⁶ Japanischer Tee im Überblick: Kultur, Unterschiede und Anbau
URL: <https://Japan-Kyoto.de/japanischer-tee/chado/geschichte-chado/>
(checked: 2019.21.03.).

arranging.” [14 p. 11–13]. The flower arranging is also an important component in the religious life and in the veneration of Buddha. “The Believers used flowers to express respect and gratitude to Buddha. At the same time, they symbolized... acceptance of Buddha’s doctrine and Buddha’s instruction.” [14 p. 11]. Besides, flowers are associated with traditional festivities and celebrations, and with the changing of seasons. They play also an important role in the majority of the family life.

REFERENCES

1. Härtel H. (1985): Die Buddhistische Kunst Zentralasiens. Härtel H., Auboyer J. (Hg.). *Indien und Südostasien. Propyläen Kunstgeschichte*. Propyläen Verlag Berlin. Frankfurt, Berlin, Wien. 1985, Bd. 21, S. 96–102.
2. Franz H.G. (Hg.) Kunst und Kultur entlang der Seidenstrasse. Graz, Akademische Druck- und Verlagsanstalt. 1986.
3. Kellermann B. Das alte Japan. Reisen in Asien. Berlin, 1961/1975.
4. Richter/Baumann/Liebner: Die Seidenstraße. Mythos und Gegenwart. Hamburg, 1999.
5. Seidl E. (Hg.): Lexikon der Bautypen. Funktionen und Formen der Architektur. Stuttgart, 2006.
6. Violet R.: Einführung in die Kunst Japans. Seemann-Beiträge zur Kunstwissenschaft. Leipzig, Seemann Verlag, 1982.
7. Schlombs A./Museum für Ostasiatische Kunst. Köln, 1995.
8. Soshitsu S.: Chado der Teeweg. 2. überarbeitete Aufl. Berlin, 1998.
9. Hammitzsch H. Zen in der Kunst des Tee-Weges. Bern, München, Wien, 1958, 1977, 2000.
10. Watanabe-Rögner, Yoshiko. Bildwörterbuch zur Einführung in die japanische Kultur. Hamburg, 2008.
11. Richtsfeld B.J. Buddhistische Kunst in China und Tibet. Müller Claudius (Hg. und Projektleitung)/Staatliches Museum für Völkerkunde: *Weiter als der Horizont. Kunst der Welt*. München, 213. Kat. 128–153.
12. Chung-Huang Chen. The use of tea-tools. Taipei, 2019.
13. Goeppe R. Kunst und Kunsthandwerk Ostasiens. Ein Handbuch für Sammler und Liebhaber. München, 1968.
14. Hwang/ Yen-Chiao (td.) Sentiment-Filled Folk Flower Arranging through the Seasons. An Exhibition of the Folk Arranging. Hwang, Yen-Chiao (chief ed.) *The Art of Traditional Chinese Flower Arranging. Folk Arranging. Selected Exhibits*. Taipei, 1996.

Статья поступила в редакцию 17.02.2020

Дата рецензирования 24.02.2020

Статья принята к публикации 06.04.2020

DOI: 10.15372/HSS20200215
УДК 94(571-17)"15/1917"

Е.В. КОМЛЕВА

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматриваются социокультурные практики сибирского купечества в области освоения отдаленных и труднодоступных территорий Северной Азии. Купцы проявили себя и как первооткрыватели, и землепроходцы, и как активные участники хозяйственной колонизации новых районов, и как щедрые благотворители, при содействии и непосредственном участии которых происходило ментальное освоение региона – его включение в единое культурное и духовное пространство страны. В значительной степени именно за счет купеческих пожертвований развивалось народное образование, учреждались просветительные учреждения, проводились научные исследования, велось храмовое строительство. Большое значение имела деятельность купцов по поддержке миссионерской деятельности Русской православной церкви. Краткий обзор всей этой многосторонней активности купечества показывает, что ее можно рассматривать как комплексную систему действий по инкорпорации региона в Российскую империю.

Ключевые слова: Северная Азия, освоение региона, инкорпорация, сибирское купечество, социокультурные практики, просветительская и благотворительная деятельность.

E.V. KOMLEVA

THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN ASIA AS A SPHERE OF REALIZATION OF SIBERIAN MERCHANTRY'S SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES

Institute of history SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article deals with the socio-cultural practices of Siberian merchants to develop remote and hard-to-reach territories of North Asia. Merchants proved themselves both as discoverers and explorers, active participants in the economic colonization of new areas, and generous benefactors, with the assistance and direct participation of which the region's mental development took place, i.e. its inclusion into the country's unified cultural and spiritual space. To a large extent, development of public education, establishment of educational institutions, scientific researches, and church construction were carried out thanks to merchant donations. The merchants' support of the Russian Orthodox Church's missionary activities was of great importance. The ethnic and religious composition of merchantry, upbringing of merchant youth, along with changes taking place over time in the cultural and educational level of the Siberian merchants influenced their socio-cultural practices. In particular, expanding intellectual horizons stimulated the activity of merchants in the field of public education, scientific research, accumulation and promotion of information about the region's nature and population. It is interesting, that since the late XVIII century merchants had highly valued their professional activities to develop the state, considered themselves useful members of society, whose efforts led to spreading civilization and progress. A brief overview of all multilateral activity of merchants shows that it should be considered as a complex system of actions to incorporate the region into the Russian Empire. Moreover, this result was achieved regardless of what goals were pursued by individual representatives of the merchant class and how consciously they sought to help the state in developing new, inaccessible and sparsely populated territories. Largely thanks to their efforts, these areas were secured as part of the state being included in its economy and entering a single Imperial mental space.

Key words: North Asia, region's development, incorporation, Siberian merchants, socio-cultural practices, educational and charitable activities.

Евгения Владиславовна Комлева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: feodal@history.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

Evgeniya V. Komleva – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Освоение Северной Азии, под которой в современной историографии понимается территория Сибири и Дальнего Востока России [1; 2], представляло собой сложный процесс, включавший открытие, научное изучение и хозяйственное использование новых земель [3, с. 3; 4, с. 30]. Можно говорить также о ментальном освоении – термин, который употребляют в своих работах Е.В. Головнева, М.А. Жигунова [5], Н.П. Матханова [6] и другие исследователи и под которым подразумевается деятельность по распространению неких единых базовых культурных и духовных ценностей, связанных с традициями, мировоззрением, общественно-политическими идеалами, художественными вкусами, хозяйственной практикой, образом жизни, сплачивающих население страны, лежащих в основе формирования нации. Во всем этом принимали участие представители самых разных категорий населения, но, пожалуй, одними из тех, чья деятельность отличалась наибольшей разносторонностью, охватывая и открытие, и изучение, и хозяйственную колонизацию, и ментальное освоение отдаленных и труднодоступных районов, были сибирские купцы. Их участие в освоении Северной Азии можно рассматривать как сферу реализации целого комплекса распространенных в купеческой среде социокультурных практик, трансформировавшихся с течением времени и приводивших к одной цели – включению региона в единое социально-экономическое и культурное пространство Российской империи.

ПОНЯТИЕ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ»

«Практико-ориентированные подходы к пониманию социальной жизни» [7, р. 4] были выдвинуты в работах французского социолога Пьера Бурдьё во второй половине XX в. [8]. Что касается современной отечественной историографии, то категория «социокультурная практика», как и тесно связанные с ней понятия «социокультурная деятельность», «социокультурное пространство», в последние годы активно используются преимущественно в культурологии и педагогике, реже – в исторических исследованиях. Последние два из этих терминов сводятся в большинстве случаев к области культуры (созданию, распространению и использованию культурных ценностей) [9], первый – «социокультурная практика» – трактуется гораздо шире. Несмотря на то, что четкого и общепринятого определения термина «социокультурная практика» до сих пор не выработано, обычно под этим понятием подразумевается любая созидательная деятельность человека, при которой изменяется и окружающая действительность, и сам человек. Вот одно из определений, которое можно встретить в современной научной литературе: социокультурные практики – это система «целенаправленных действий личности по освоению и воспроизводству культурозначимого культуросозидающего социального опыта» [10, с. 281].

Что касается применения этого термина к истории российского купечества, то автор работ о купцах Поволжья Е.А. Рядченко, ссылаясь на статью О.Н. Астафьевой [11], рассматривает социокультурные практики в рамках пяти направлений: поддержание здоровья, социальные отношения, социализация и образование, трудовая активность, отдых и развлечения [12, с. 668]. Таким образом, социокультурная практика / социокультурные практики – всеохватывающее и широкое понятие, включающее самые разные сферы жизни и деятельности людей; его использование позволяет рассматривать социокультурный облик и существенные характеристики купечества не просто как некую статичную данность, но и сделать акцент на происшедших с течением времени изменениях в мировоззрении, ценностных установках, образе жизни и поведении купцов. Это особенно важно, принимая во внимание ту быструю трансформацию сознания и социокультурных практик населения, которая произошла в России с конца XVIII до начала XX в. [13], т.е. в тот период, на который пришлось становление, функционирование, разложение и ликвидация института гильдейского купечества. Среди всего многообразия социокультурных практик, присущих такому важному и, бесспорно, обладавшему определенной спецификой региональному отряду российских предпринимателей, как сибирское купечество, на наш взгляд, были особенно важны именно те формы активности, в которых проявлялось участие его представителей в освоении Северной Азии: изучение новых территорий, их хозяйственная колонизация, развитие благотворительности, народного просвещения и миссионерства. Все это следует рассматривать не просто как отдельные направления деятельности, но и как комплексную систему действий, осознанно или неосознанно приводившую к одному результату – инкорпорации региона в Российскую империю, и отражающую ментальные установки и ценностные ориентиры, присущие купечеству как социальному слою.

Акцентирование внимания на взаимосвязи и взаимообусловленности деятельности человека и его мировосприятия, т.е. на том, что «социокультурная практика выражает специфику человеческого отношения [...] к миру и способов [...] бытия в мире» [14, с. 143], представляется правомерным при трактовке культуры как сложного, динамичного и многомерного процесса, в основе которого лежит то, как «люди осмысливают свое существование и свои действия» [7, р. 133]. Приведем удачное, на наш взгляд, высказывание Ф.С. Герасимова, который, рассуждая об эволюции рационализма, указывает на связь мировоззренческих представлений и образа мышления «с типами деятельности, с практиками, которые осуществляет человек и в которые он включен», поскольку «каждая сфера человеческой деятельности, каждая практика или совокупность практик формируют свои нормы и правила, свои критерии возможного, допустимого и недопустимого, образцы постановки и решения тех или иных задач...» [15, с. 24].

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ
НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ
СИБИРСКОГО КУПЧЕСТВА**

Учитывая вышесказанное, при рассмотрении социокультурных практик сибирского купечества важно иметь в виду его неоднородность по этническому и вероисповедальному составу. Как показывают фигурирующие в источниках и литературе данные, среди купцов встречались представители более двух десятков национальностей, исповадовавших разные религии. Конечно, большинство сибирских купцов были русскими православного вероисповедания, однако ситуация в разных районах Сибири в разные временные периоды могла быть не столь однозначной. Например, во второй половине XIX в. в Забайкалье большой удельный вес и ведущая экономическая роль принадлежали еврейскому купечеству [16]. И все же, несмотря на разницу в мировоззрении и нюансах поведения купцов разного этнического происхождения и конфессиональной принадлежности, конечные результаты их деятельности с точки зрения освоения новых территорий были во многом схожи. Для всех купцов было характерно стремление к обогащению, постановке своего дела на максимально практичные и выгодные рельсы, поиск новых рынков сбыта и источников сырья; все они занимались просветительской и благотворительной деятельностью, поддерживали как членов своих национальных и религиозных общин, так и других нуждающихся, откликались на призывы властных структур и участвовали в инициированных ими благотворительных акциях. Все это позволяет говорить о неких общих для всего сибирского купечества в целом подходах к тому, как входившие в его состав люди воспринимали свое значение для развития не только конкретного регионального сообщества, но и всего Российского государства.

Эти взгляды, как и распространённые в купеческой среде социокультурные практики, в значительной мере определялись культурно-образовательным уровнем купцов и традициями воспитания купеческой молодежи. Вспомним П. Бурдые, который указывал на существование неких приобретаемых в процессе воспитания человеком схем, определяющих впоследствии его восприятие и оценку реальности, а также предпринимаемые им действия [8].

В современном гуманитарном знании распространено представление о том, что «в социально-культурных практиках доминантами становятся воспитание человека, наполненного духовно-нравственными ценностями, преобразующего среду функционирования, осознающего культуротворческий характер активности, ориентированного на расширение знаний, вовлеченного в значимые для социума события» [10, с. 281]. Именно таких неравнодушных, стремящихся сделать что-нибудь полезное для «родного угла» [17, с. 67], патриотически настроенных и по-настоящему ярких личностей было немало среди сибирских купцов разной этнической принадлежности и вероисповедания.

Н.М. Чукмалдин, Нерпины, Сибиряковы, Баснины, Айтыкины, Поклевские-Козелл, Я.Д. Фризер и многие другие купцы заботились не только о собственном процветании, но и о нуждах своих сограждан. Недаром в купеческой среде уже на рубеже XVIII–XIX вв. сложилось устойчивое мнение о купцах как о полезных членах общества и восприятие коммерции как главной движущей силы развития цивилизации. Те же Баснины называли купцов «почетным сословием», добрыми и полезными гражданами¹.

С течением времени таких людей среди сибирских купцов становилось все больше. С одной стороны, их мировоззрение формировалось под воздействием домашнего воспитания и тех культурных и нравственных ценностей, которые стремились передать подрастающему поколению люди зрелого возраста. В распространенном в купеческом кругу Иркутска рукописном наставлении сыну, созданном в XVII в. неким устюжским купцом, содержалось одиннадцать правил, в которых говорилось «о необходимости непременно трудиться, читать божественное писание, стыдиться лгать и не быть жадным; искать всегда совета у “просвещенных науками, добрых, благомыслящих и достаточно разумных людей”»; не быть гордым, завистливым, пьяницей и пр.; избегать клеветников и помнить: “чужих пороков не обличай, и как вверенную тебе по должности тайну и своей собственной никому отнюдь не открывай”; “предпочитай справедливое ложному”, “возлагаемые на тебя от честных людей дела и должности всячески старайся исполнить с прилежным радением”; “берегись суеверия...”» [18, с. 31–32]. Эти отцовские наставления не были чем-то исключительным – они отражают настроения подавляющего большинства глав сибирских купеческих семейств дореформенного периода и подчеркивают, что в основе воспитания молодежи лежали ценности, характерные для традиционного общества: религиозное мировоззрение, почтение к старшим, трудолюбие.

Однако постепенно и в подходах к воспитанию детей, и в культурных ориентирах купечества происходили определенные трансформации. От элементарной грамотности и домашнего образования купцы переходят к систематическому приобретению знаний в казенных и частных учебных заведениях, к обучению в столичных и даже западноевропейских университетах. В значительной мере этот культурный сдвиг в купеческой среде был обусловлен быстрыми изменениями общественно-культурной жизни в стране, пик которых пришелся на середину XIX в. Но можно говорить и о таких вызвавших его причинах, как понимание купцами тех преимуществ, которые образование и эрудиция обеспечивали в предпринимательской деятельности, а также ориентация части богатого купечества на дворянскую культуру. Для Сибири вообще была характерна гораздо менее жесткая структура местного общества, активное

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 5 об., 42 об.

общение представителей различных социальных слоев между собой, в том числе тесные контакты купцов с административными служащими.

Повышение культурно-образовательного уровня сибирских купцов нельзя оценивать однозначно. Во-первых, оно не охватило все слои купечества: по данным первой всеобщей переписи населения, даже в конце XIX в. многие купцы не владели грамотой, особенно женщины из купеческой среды [19, с. 39]. Кроме того, оно в какой-то мере способствовало размыванию купечества, когда получившие высшее образование молодые люди не желали продолжать предпринимательскую деятельность своих отцов, отдавая предпочтение ранее совсем не престижным в кругу коммерсантов занятиям: науке, медицине, народному просвещению и другим. Наконец, можно констатировать и то, что вместе с расширением кругозора купеческая молодежь впитывала идеи атеистического, либерального и даже революционного толка, отходя, таким образом, от заветов предков. Интересные наблюдения в подобном ключе высказаны в монографии В.М. Боковой [20, с. 252].

В то же время несомненно, что сибирское купечество, отдельные представители которого еще со второй половины XVIII в. пользовались значительным влиянием и авторитетом среди сограждан, в результате произошедших изменений в уровне образования и культурных ориентирах приобрело еще большее значение не только как наиболее состоятельная в финансовом отношении страта, но и неотъемлемая часть культурной элиты сибирского социума.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ СИБИРСКИХ КУПЦОВ ПО ОСВОЕНИЮ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Бесспорно также, что общее повышение культурно-образовательного уровня купцов и, как следствие, расширение круга их интересов привели и к активизации их социокультурных практик в области освоения отдаленных и труднодоступных территорий. Если во второй половине XVIII – начале XIX в. основные направления деятельности купечества по освоению Северной Азии заключались преимущественно в открытии новых земель и их хозяйственной колонизации, то постепенно на лидирующие позиции стали выдвигаться распространение знаний, образования, культуры, всестороннее исследование природы, быта и традиций аборигенного населения региона. Первоначальный основной мотив деятельности купцов, связанный с удовлетворением своих личных целей – погоней за пушниной, поиском дешевого сырья и новых рынков сбыта, все больше сменяется бескорыстным стремлением к просветительной и научной деятельности. Во второй половине XIX в. купцы проявили себя в разных областях науки (географии, геологии, биологии, истории, археологии, этнографии), в становлении музейной, библиотечной и театральной сетей региона, в организации образовательных учреждений. Конечно, полностью отрицать наличие корыстных побуждений

было бы совершенно неверно: именно они прежде всего лежали в основе деятельности купцов по исследованию водных и сухопутных путей сообщения в регионе. Ярким примером может служить открытие и освоение Северного морского пути. Коммерческие интересы толкали купцов и на установление контактов и развитие сотрудничества с другими странами. Очевидно и то, что благодаря щедрым пожертвованиям можно было завоевать благорасположение начальства и уважение сограждан. И все же, что бы ни двигало купцами, развитие благотворительной и просветительской деятельности, приобретшее в пореформенный период особенно широкий размах, можно считать важнейшей составляющей социокультурных практик купечества в сфере освоения Северной Азии.

Одно из основных направлений социокультурной активности сибирского купечества – поддержка Русской православной церкви и православного миссионерства. Несмотря на утвердившееся в XIX в. восприятие имперского пространства как многонационального и многоконфессионального, православие в России сохраняло статус государственной религии, и распространение православного вероучения играло очень важную роль в процессе инкорпорации осваиваемых территорий в империю. Характерно, что на этой ниве проявили себя не только купцы-приверженцы официальной Русской православной церкви, но и члены других этноконфессиональных групп, для которых, конечно, важно было поддерживать и своих единомыслителей – иначе было просто невозможно сохранить этническую и культурную идентичность.

Еще раз подчеркнем, что благотворительностью занимались все купцы, независимо от национальной принадлежности и вероисповедания. Широкою известностью приобрели поляки Поклевские-Козелл [21, с. 176–198, 222–230], якут Н.О. Кривошапкин [22], немец Ф.А. Людорф [23, с. 116], евреи Фуксманы [24, с. 282–287], Я.Д. Фризер [25], купцы из «бухарцев» Айтыкины [26]. Нам не удалось обнаружить принципиальных отличий в характере просветительской и благотворительной деятельности купцов разной вероисповедальной принадлежности: все они выделяли средства для бедных и больных, поддерживали образовательные учреждения, помогали своим общинам, содержали культовые здания.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие современники весьма критически относились к купцам: это видно не только на примере обличительных фельетонов Н.М. Ядринцева [27], кстати, имевшего купеческие корни, но и при знакомстве с другими материалами, публиковавшимися в региональной периодике второй половины XIX в. Отмечая вклад отдельных купцов в освоение региона, корреспонденты, тем не менее, возлагали на купечество гораздо большие ожидания, формируя определенное общественное мнение и подталкивая представителей частного капитала к большей социальной ответственности и к большим материальным затратам на общественные нужды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сибирские купцы активно проявили себя в освоении Северной Азии: разнообразные в купеческой среде разнообразные социокультурные практики способствовали инкорпорации региона в Российскую империю. Социокультурные практики купцов, отражая ментальные установки купечества, формировались и осуществлялись под влиянием полученного купцами воспитания, образования, их культурных и духовных ориентиров. Как откликаясь на призывы властей, так и по своей собственной инициативе купцы щедро жертвовали на развитие здравоохранения, образования, благоустройство городов, поощряли сбор и пропаганду сведений о природе и жителях региона; активно поддерживали Русскую православную церковь и православное миссионерство. С течением времени все больший размах стали приобретать купеческая благотворительность в сфере народного просвещения и научных исследований. Все эти разнообразные социокультурные практики сибирского купечества в области освоения Северной Азии в совокупности можно рассматривать как комплексную систему действий, направленных на инкорпорацию региона в Российскую империю. Несмотря на присущее купцам чувство региональной идентичности и близость многих из них к областникам, большинство купцов осознавали себя гражданами империи и стремились распространять соответствующие взгляды и идеалы среди населения региона. Благодаря усилиям купцов новые, труднодоступные и малонаселенные территории закреплялись в составе государства, включались в его экономику, в единое имперское ментальное пространство. Среди местного населения распространялись и укоренялись базовые культурные ценности, транслировался социальный опыт, связанный с традициями и мировоззрением не только русского, но и других народов, что способствовало формированию полиэтнической и поликультурной общности империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из истории изучения и освоения Северной Азии: сб. ст. Томск, 2008. 139 с.
2. Дацышен В.Г., Зиновьев В.П., Лысенко Ю.А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск, 2019. 340 с.
3. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М., 1982. 288 с.
4. Галлямова Л.И. Дальний Восток в контексте государственной политики России на Тихом океане // Россия и АТР. 2012. № 4 (78). С. 29–41.
5. Головинёва Е.В., Жигонова М.А. Сибирь и сибиряки: ментальное освоение края в XIX в. // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск, 2016. С. 303–310.
6. Матханова Н.П. Социокультурные процессы среди русского и аборигенного населения // Россия в Арктике: государственная практика и проблемы освоения. Новосибирск, 2017. С. 96–125.
7. Watkins M., Noble G. Cultural Practices and Learning: Diversity, discipline and dispositions in schooling. Sydney, 2008. 144 p.
8. Бурдые П. Практический смысл / перевод с фр. / ред. перевода и послесловие Н.А. Шматко. СПб.: Алетей; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001. 562 с.

9. Велиховский Л.Н., Кандаурова Т.Н. Российские предприниматели в социокультурном пространстве России в XIX – начале XX века // Труды Исторического факультета СПб ун-та. 2012. № 9. С. 14–22.

10. Каминская Н.Д., Эртман Е.В., Кавера В.А. Особенности социокультурных практик в условиях вуза // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2018. № 4. С. 279–288.

11. Астафьева О.Н. Человеческий потенциал и социокультурные практики // Философские проблемы биологии и медицины. М., 2008. Вып. 2: Междисциплинарные аспекты биомедицины. С. 38–41.

12. Рядченко Е.А. Социокультурные практики и культура повседневности купечества уездных городов Самарского Поволжья в конце XIX – начале XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. мат-лов Четвертой междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2018. С. 668–674.

13. Пархоменко Т.А. Исторический опыт социокультурных практик в царской и советской России. URL: Культурологический журнал. 2018/3(33). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/450.html&j_id=36 (дата обращения: 15.12.2019).

14. Николина В.В., Фефелова О.Е. Социокультурная практика в современном образовании. URL: Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=24915> (дата обращения: 15.12.2019).

15. Герасимов Ф.С. Рациональность и практики Нового времени // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 23–32.

16. Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX в.: элита сословия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40.

17. Адрианов А.В. Томская старина. Томск, 1912. 83 с.

18. Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. Иркутск, 1965. 204 с.

19. Скубневский В.А. Грамотность городского населения Сибири (к истории вопроса) // Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: избр. ст. Барнаул, 2010. С. 36–44.

20. Бокова В.М. Честное слово дороже денег. Как воспитывались купеческие дети. М., 2013. 274, [3] с.

21. Микитюк В.П., Мосунова Т.П., Неклюдов Е.Г. Род Поклевских-Козелл. Екатеринбург, 2013. 368 с.

22. Петров П.П. Кривошапкин Николай Осипович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 374.

23. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.): в 2 т. / отв. ред. А. В. Телюк. Благовещенск-на-Амуре, 2013. Т. 2. 314 с.

24. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск, 2014. 336 с.

25. Гаврилова Н.И., Скубневский В.А. Фризер Яков Давидович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 363–364.

26. Валеев Ф.Т. Тарские предприниматели Айтыкины // Таре – 400. Проблемы социально-экономического освоения Сибири. Омск, 1994. Ч. I. С. 144–147.

27. Ядринцев Н.М. Кондрат благодетельствующий и Кондрат утопающий: (фельетон) // Ядринцев Н.М. «Я сын девственной и могучей страны...»: сб. статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск, 2004. С. 48–51.

REFERENCES

1. Chernyak E.I. (ed.) From the history of the study and development of North Asia: pap. collection. Tomsk, 2008, 139 p. (In Russ.)
2. Datsyshen V.G., Zinoviev V.P., Lysenko Yu.A. et al. Essays on the history of development and study of North Asia. Tomsk, 2019, 340 p. (In Russ.)
3. Alekseev A.I. Development of the Far East and Russian America by Russians (until the late XIX century). Moscow, 1982, 288 p. (In Russ.)

4. Gallyamova L.I. The Far East in the context of Russia's state policy in the Pacific. *Rossiya i ATR*, 2012, no. 4, pp. 29–41. (In Russ.)
5. Golovneva E.V., Zhigunova M.A. Siberia and Siberians: mental development of the region in the XIX century. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, 2016, pp. 303–310. (In Russ.)
6. Matkhanova N.P. Socio-cultural processes among the Russian and native population. *Rossia v Arktike: gosudarstvennaya praktika i problemy osvoeniya*. Novosibirsk, 2017, pp. 96–125. (In Russ.)
7. Watkins M., Noble G. Cultural practices and learning: diversity, discipline and dispositions in schooling. Sydney, 2008, 144 p.
8. Bourdieu P. Practical meaning. Saint Petersburg, Moscow, Aleteiya, 2001, 562 p. (In Russ.)
9. Velikhovskiy L.N., Kandaurova T.N. Russian entrepreneurs in the socio-cultural space of Russia in the XIX – early XX centuries. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012, no. 9, pp. 14–22. (In Russ.)
10. Kaminskaya N.D., Ertman E.V., Kavera V.A. Features of socio-cultural practices under the conditions of higher education. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2018, no. 4, pp. 279–288. (In Russ.)
11. Astafieva O.N. Human potential and socio-cultural practices. *Filosofskie problemy biologii i meditsiny*. Moscow, 2008, iss. 2, pp. 38–41. (In Russ.)
12. Ryadchenko E.A. Socio-cultural practices and culture of everyday life of merchants of the Samara Volga Region in the late XIX – early XX centuries. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: sb. materialov IV mezhdunar. nauch. konf.* Nizhniy Novgorod, 2018, pp. 668–674. (In Russ.)
13. Parkhomenko T.A. Historical experience of socio-cultural practices in tsarist and Soviet Russia. *Kul'turologicheskiy zhurnal*, 2018, no. 3. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/450.html&j_id=36 (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
14. Nikolina V.V., Fefelova O.E. Socio-cultural practice in modern education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 4. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=24915> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
15. Gerasimov F.S. Rationality and practices of the New time. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2009, no. 2, pp. 23–32. (In Russ.)
16. Kal'mina L.V. Jewish merchants of Transbaikalia Region in the late XIX – early XX centuries: the elite of the estate. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 21–40. (In Russ.)
17. Adrianov A.V. Tomsk antiquity. Tomsk, 1912, 83 p. (In Russ.)
18. Kungurov G.F. Siberia and literature. Irkutsk, 1965, 204 p. (In Russ.)
19. Skubnevskiy V.A. Literacy of the urban population of Siberia (to the history of the issue). *Skubnevskiy V.A. Urbanizatsionnye processy v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: izbrannye stat'i*. Barnaul, 2010, pp. C. 36–44. (In Russ.)
20. Bokova V.M. An honest word is more expensive than money. How merchant children were brought up. Moscow, 2013, 274, [3] p. (In Russ.)
21. Mikityuk V.P., Mosunova T.P., Neklyudov E.G. Poklevskys-Kozells' family. Ekaterinburg, 2013, 368 p. (In Russ.)
22. Petrov P.P. Krivoshapkin Nikolay Osipovich. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri*. Novosibirsk, 2012, vol. 1, p. 374. (In Russ.)
23. Telyuk A.V. (ed.) Business world of the Amur region (mid-XIX – early XX centuries). *Blagoveshchensk-na-Amure*, 2013, vol. 2, 314 p. (In Russ.)
24. Dmitrienko N.M. Tomsk merchants: biographical dictionary (the second half of the XVIII –early XX centuries). Tomsk, 2014, 336 p. (In Russ.)
25. Gavrilova N.I., Skubnevskiy V.A. Frizer Yakov Davidovich. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 363–364. (In Russ.)
26. Valeev F.T. Tara entrepreneurs Aitykins. *Tare – 400. Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo osvoeniya Sibiri*. Omsk, 1994, pt. 1, pp. 144–147. (In Russ.)
27. Yadrintsev N.M. Kondrat the complacent and Kondrat the drowning: (feuilleton). “Ya syn devstvennoy i moguhey strany...”: sb. statey, ocherkov, fel'etonov N. M. Yadrintseva. Omsk, 2004, pp. 48–51. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.02.2020

Дата рецензирования 03.03.2020

Статья принята к публикации 13.04.2020

DOI: 10.15372/HSS20200216
УДК 94(100+574)

С.К. ЖЕТПЫСБАЕВ

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ИЗ ИСТОРИИ В БУДУЩЕЕ КАЗАХСТАНА

Павлодарский государственный университет,
Республика Казахстан, 146000, г. Павлодар, ул. Ломова, 64.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью обобщения исторических этапов функционирования Великого Шелкового пути в связи с его возрождением в условиях глобализации. Выявлена важная роль этой трансконтинентальной торговой магистрали для развития международных связей народов Казахстана и государств Центральной Азии. Представлены инициативы и стратегии Казахстана, Китая, России по разработке и реализации перспективного для стран Азии проекта «Новый Шелковый путь». Дана характеристика его основных направлений по сотрудничеству в экономической и социокультурной сферах. Обращено внимание на популяризацию Великого Шелкового пути и его сибирской составляющей как самого протяженного объекта всемирного культурного наследия, значимого для развития туризма.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, караванный путь, торговля, Казахстан, Китай, дипломатические контакты, торгово-экономическая магистраль, Россия, Алтай, «Новый шелковый путь», интеграция, туризм.

S.K. ZHETPYSBAEV

THE GREAT SILK ROAD: FROM HISTORY TO THE FUTURE OF KAZAKHSTAN

Pavlodar State University
64 Lomova str., Pavlodar, 146000, Republic of Kazakhstan

The article relevance is due to the necessity to generalize historical stages of functioning of the Great Silk Road in relation to its revival in the context of globalization. It reveals the important role of this transcontinental trade route for the international relations development of the peoples in Kazakhstan and Central Asia states. The author represents initiatives and strategies of Kazakhstan, China, and Russia on the development and implementation of promising for Asian countries project “New Silk Road”; gives the characteristic of its main areas of cooperation in the economic and sociocultural spheres; pays attention to popularization of the Great Silk Road and its Siberian component as the longest object of world cultural heritage significant for tourism development.

Key words: Great Silk Road, caravan route, trade, Kazakhstan, China, diplomatic contacts, trade and economic highway, Russia, Altay, “New Silk Road”, integration, tourism.

Обращение к истории Великого Шелкового пути актуализируется в связи с разработкой и реализацией новационного глобального проекта «Новый шелковый путь». Сегодня мы становимся свидетелями и непосредственными участниками возрождения усилиями многих государств мира былой значимости древней транснациональной торговой магистрали. Объекты материального и нематериального наследия на всем его протяжении являются особенно яркими и значимыми из достижений человечества в мировой истории. Восстановление и приумножение в современных услови-

ях многофункциональной роли Шелкового пути будет способствовать созданию эффективных экономических и социокультурных мостов между странами Азии и Европы, расширению межкультурного диалога.

История Великого Шелкового пути, обеспечивавшего торгово-экономические, политико-дипломатические и культурные контакты Востока и Запада, насчитывает несколько тысяч лет. Его общая протяженность составляла около 7 тыс. км, он проходил по территории 21 современного государства. Чтобы преодолеть это расстояние караванам требовалось три года [1,

Сейсембай Калижанович Жетпысбаев – канд. экон. наук, ассоциированный профессор кафедры управления и политологии, Павлодарский государственный университет, e-mail: zhetpysbayevs@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-2249-1256>

Seyssembay K. Zhetpysbaev – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Management and Political Science, Pavlodar State University.

с. 4]. Великий Шелковый путь в греческих источниках с 120 г. до н.э. по 330 г. назван самым стратегически выгодным караванным путем [2, с. 144]. В середине II в. до н.э. Шелковый путь начинает функционировать как регулярная дипломатическая и торговая артерия [3, с. 49]. Венецианский купец и путешественник Марко Поло в своей «Книге о разнообразии мира» [4] назвал длинный путь «Шелковым». Главным товаром на всем его протяжении был шелк, который пользовался большим спросом и ввиду его легкости, а главное дороговизне идеально подходил для перевозок на дальние расстояния [5, с. 17]. В 1877 г. в работе «Китай. Результаты собственных путешествий» Ф. фон Рихтгофен, немецкий географ, первым использовал понятие «Шелковый путь» для описания дороги, предназначенной в основном для торговли шелком между южной и западной частью Центральной Азии, Индии и Китая в период династии Хань [6, с. 113].

Можно считать, что начало Шелковому пути (после протошелкового этапа) положил китайский путешественник и дипломат Чжан Цзянь. В 138 г. из ханьской столицы вышел посольский караван, насчитывающий более 100 чел., для сопровождения Чжан Цзяна – посланника императора У Ди, отправленного в неведомые страны Запада. Через тринадцать лет он вернулся назад. Преодолев Алтайские горы, отряд спустился в Ферганскую долину, смог добраться до районов современного Афганистана и первым прошел прямым путем из внутренних районов Китая в Центральную Азию. Им были установлены культурные и торговые связи с 36 странами Запада [7, с. 50]. Вслед за Чжан Цзяном по этому пути прошли купцы с караванами товаров; так зародился великий трансконтинентальный путь, на котором появлялись новые города, переплетались разные культуры, соединялись цивилизационными узлами народы и страны Евразии.

В функционировании Великого Шелкового пути можно выделить два этапа. Первый этап – «Протошелковый путь» – хронологически связан с формированием в Средней Азии и Казахстане первых государств (Бактрия, Хорезм, государства саков Жетысу и Приаралья). Китайский шелк и иранские ковры представлены в материалах из раскопок широко известных «царских» курганов Алтая. Данный этап датируется VI – первой половиной II в. до н.э. Второй этап Шелкового пути начинается с поездки Чжан Цзяня в 138 г. и заканчивается с приходом к власти династии Мин в 1405 г., когда сухопутный отрезок Великого Шелкового пути пришел в упадок из-за самоизоляции Китая и бурного развития морского пути.

На основе археологических открытий, анализа письменных источников установлено, что в середине I тыс. до н.э. функционировал «Степной путь», который начинался с Причерноморья, вел к берегам Дона, а затем в земли савроматов в Южное Приуралье, к Иртышу и далее на Алтай. Караванные пути связывали западную часть Казахстана с Дальним Востоком и Приамурьем. Известна так называемая Соболя дорога, по которой осуществлялись связи Византии, Ира-

на, тюркских каганатов и согдийских княжеств с государствами Бохай и Японией [8, с. 59]. В VI–VII вв. наиболее оживленным становится путь, который проходил из Китая на запад через Семиречье и Южный Казахстан [9, с. 60]. Именно в это время отмечается оживление участка Шелкового пути, который сыграл важную роль в развитии городской феодальной культуры Семиречья и Южного Казахстана. Объем торговли был настолько велик, что торговый путь являлся предметом раздоров и войн. Например, одной из причин экспансии империи Чингисхана (XIII в.) было стремление господствовать на этом пути. Вследствие монгольских завоеваний города Центрально-Азиатского региона были опустошены, но это не остановило движение караванов. Шелковый путь проходил по территории казахской степи до монгольского вторжения. В XIV в. караванная торговля по степи была восстановлена, это была важная и быстрая (для своего времени) линия распространения информации через купцов, путешественников, дипломатов.

Основная трасса Великого Шелкового пути по территории Казахстана пролегла через юг страны. От границы Китая торговые караваны двигались через города Сайрам, Яссы, Отрар, Тараз далее в Центральную Азию, Персию, на Кавказ и оттуда в Европу. А.Н. Нысанбаев и Г.Г. Барлыбаева считают: «Казахи, являющиеся наследниками великой кочевой культуры, на протяжении тысячелетий демонстрировали свои адаптационные возможности при постоянно меняющихся внешних условиях. Большую роль сыграл здесь Великий Шелковый путь, наиболее протяженный участок которого проходил через территорию Средней Азии и Казахстана. Караванные пути, с постоянно циркулирующими идеями, знаниями, вероисповеданиями и товарами, на протяжении тысячелетий влияли на менталитет народа древнего Казахстана» [10, с. 71]. Анализ природных ландшафтов, расположение основных мест кочевков, пастбищ, а затем и городищ казахов показывают их тесную связь с трассой Великого Шелкового пути на территории Казахстана. [8, с. 62].

Шелковый путь, или «Жибек жолы» (каз.), как торговая магистраль представляет собой уникальный комплекс исторических, археологических и архитектурных памятников, включая опыт планирования и строительства городов. Такие города, как Отрар (узел многих караванных путей), Сайрам, Сыгнак, Сауран, Сузак являлись центрами не только торговли, но также науки и культуры. В жизни средневековых городов Тараза, Испиджаба, Кулана, стоявших на Великом Шелковом пути, немаловажную роль играли купеческие колонии [11, с. 5].

За тысячелетия своего функционирования Великий Шелковый путь приобрел особое логистическое значение. Эта система дорог связывала в древности и раннем Средневековье, вплоть до Великих географических открытий XVI в., главные центры Китая, Индии, Среднего и Ближнего Востока [12, с. 166].

Перспективность идеи восстановления Шелкового пути была актуализирована Президентом Казахста-

на еще в середине 1990-х гг. Н.А. Назарбаев предлагал возродить Шелковый путь, полагая, что именно наземные транспортные маршруты между Китаем и Европой могут обеспечить экономическое развитие всем странам, находящимся на этом маршруте, сплотить страны Азиатско-Тихоокеанского региона. На 25-м пленарном заседании Совета иностранных инвесторов в 2012 г. Н.А. Назарбаев объявил о начале реализации проекта «Новый Шелковый путь»: «... Казахстан должен возродить свою историческую роль и стать крупнейшим деловым транзитным хабом Центрально-Азиатского региона, своеобразным мостом между Европой и Азией» [13, с. 30]. Год спустя Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин одобрил концепции развития континентального и морского Шелковых путей.

При возрождении Шелкового пути важное значение имеет, во-первых, то обстоятельство, что он может рассматриваться как многовекторная сеть для сотрудничества. Во-вторых, на древнем Шелковом пути не доминировала ни одна из стран, этот путь был совместно построен государствами и другими участниками, находящимися вдоль него. В-третьих, Шелковый путь был не только торговым маршрутом, но и сетью культурных коммуникаций, взаимовлияний [6, с. 114]. Глобальный проект «Новый Шелковый путь» будет охватывать такие сферы, как экономика, торговля, транспорт, инвестиции, финансы и культура.

Провозглашение континентальной программы «Экономического пояса Шелкового пути» состоялось в столице Казахстана Астане в сентябре 2013 г. [14, с. 128]. Казахстан является ключевым звеном в осуществлении инициативы «Пояса и пути». Путь Китая на Запад проходит главным образом через Казахстан. Весьма символично, что первым лауреатом премии мира «Шелковый путь» стал первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев [13, с. 31]. В сентябре 2014 г. из Китая в Казахстан стартовал первый за многие годы караван из 136 верблюдов, 8 конных повозок, 25 автомашин и более 100 караванщиков. Караван вез чай и за 10 месяцев пути преодолел более 5 тыс. км пути [15, с. 10]. Старт каравана был посвящен реализации проекта «Экономическая зона Шелкового пути».

Для Казахстана, не имеющего выхода к морю, но обладающего уникальным географическим положением на стыке Европы и Азии, создание такого комплексного евразийского трансконтинентального моста стало вопросом стратегической важности. В настоящее время реализуется около 200 различных инициатив, связанных с модернизацией транспортной инфраструктуры. Созданная на границе с Китаем Специальная экономическая зона (СЭЗ) «Хоргос–Восточные ворота» является первым крупным прорывным проектом Казахстана в сфере развития транспортной логистики, которая работает по принципу «сухого порта» [13, с. 31]. Эксперты прогнозируют, что уже к 2020 г. транзитные перевозки через Казахстан возрастут в 2 раза,

в соответствии со «Стратегией-2050» Казахстан станет крупнейшим деловым транзитным хабом (узлом).

Согласно проекту, предложенному Китаем маршрут нового Шелкового пути будет проходить через весь Евразийский континент и соединит его крупнейшие экономические районы – Азиатско-Тихоокеанский, Западноевропейский и Ближневосточный. Одним из основных узлов данного проекта будет Казахстан. Кроме дорожного проекта Китаем предлагается проект морского Шелкового пути. Объединенные вместе сухопутная и морская траектории пути образуют новую стратегию Китая – «Один пояс-один путь». В соответствии с ней один из путей – Северный маршрут – пройдет из Центрального Китая через Казахстан и Россию в Западную Европу. Южный маршрут, начинающийся в Центральном Китае, через Казахстан, центрально-азиатские страны, Иран и Кавказ достигнет Черного моря, а оттуда Южной Европы [16, с. 64].

На современном этапе инициативы возрождения Великого Шелкового пути находят широкую поддержку и в международном сообществе. Так, решение о возрождении Шелкового пути, как важного канала международного сотрудничества в области дипломатии, культуры, науки, торговли и туризма, было одобрено Генеральной Ассамблеей ООН и ЮНЕСКО. Предусматривается организация широкомасштабных историко-археологических исследований на маршрутах Шелкового пути [7, с. 53].

Важнейшими составляющими современного этапа развития Шелкового пути стали транспортные связи и туризм. Разработаны и действуют сотни маршрутов на одном из самых привлекательных в мире и протяженных путей (до 12 800 км), являющимся культурным наследием человечества.

На сегодняшний день ведущую роль в возрождении древней магистрали играет Всемирная туристская организация (ВТО), выполняющая долгосрочный проект «Туризм на Великом Шелковом пути». Создана единая концепция трансконтинентального туризма, над которой работают туристские организации из 19 стран, входящих в регион Великого Шелкового пути [1, с. 4]. В связи с этим в мире значительно возрос интерес к развитию туризма в Казахстане, к культурному наследию казахского народа. Наибольший приток туристов прибывает из России, Германии, Великобритании, Японии, Кореи, Китая и других стран. [17, с. 37].

В период глобализации именно развитие международных транспортных связей может стать катализатором развития межрегиональных и трансконтинентальных торгового-экономических и социокультурных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Садыков Н. Великий Шелковый путь в миниатюре // Мысль. 2008. №10. С. 4–7.
2. Баумер К. Наследие Шелкового пути // Гео. М., 2009. Февраль. С. 130–151.
3. Манзул Г.Ж. Великий Шелковый путь на территории Казахстана // История Казахстана: преподавание в школах и вузах. 2009. № 4. С. 49–52.

4. Поло М. Книга о разнообразии мира. М.: ЭКСМО, 2005. 480 с.
5. Кыдырали Д. Диалог цивилизации на Шелковом пути // Мысль. 2016. № 5. С. 16–26.
6. Цзян Фэн, Ян Чэн. Экономический пояс Шелкового пути: региональное сообщество совместных интересов, совместной ответственности и совместного будущего // Дипломатия жаршысы. Вестник дипломатии. 2008. № 13. С. 110–118.
7. Султанова А.Т. Великий Шелковый путь и город Ош // Саясат Policy. 2012. № 7. С. 50–54.
8. Сарымсакова А. Домбровая музыка Великого Шелкового пути // Мысль. 2011. №1. С. 58–62.
9. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1971. 210 с.
10. Нысанбаев А.Н., Барлыбаева Г.Г. Этика как ядро казахской философской мысли // Вопр. философии. 2012. № 10. С. 64–74.
11. Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1990. 208 с.
12. Евразийская идея Н.А. Назарбаева и тюркское пространство / под. общ. ред. Ш.И. Ибраева. Астана: Сарыарка, 2011. 404 с.
13. Чжоу Лин, Казбеков Б.К. Казахстан – новый Шелковый путь // Саясат Policy. 2015. № 5. С. 30–32.
14. Амребаев А. Национальное региональное и глобальные измерения китайской инициативы «Пояса и пути» // Дипломатия жаршысы. Вестник дипломатии. 2018. №3. С. 128–135.
15. Потехина О. Возрождение древнего пути: караван Китай – Казахстан // Достык. Дружба. 2018. № 4. С. 10–17.
16. Бугаенко А. Экономический пояс Шелкового пути: цели и перспективы // Казахстан в глобальных процессах. 2015. №1. С. 64–73.
17. Болевских Е. Казахстан – страна величественной природы, богатой духовности и стремительного экономического развития // Вестник промышленности и торговли. 2011. № 4. С. 37–39.

REFERENCES

1. Sadykov N. The Great Silk Road in miniature. *Mysl'*, 2008, no. 10, pp. 4–7. (In Russ.)
2. Vaumer C. The heritage of the Silk Road. *Geo*. Moscow, 2009, february, pp. 130–151. (In Russ.)

3. Manzul G. Zh. The Great Silk Road in the territory of Kazakhstan. *Istoriya Kazakhstana: prepodavanie v shkolakh i vuzakh*, 2009, no. 4, pp.49–52. (In Russ.)
4. Polo M. The book about the world diversity. Moscow, EKSMO, 2005, 480 p. (In Russ.)
5. Kydyrali D. Dialogue of civilization on the Silk Road. *Mysl'*, 2016, no. 5, Almaty, pp. 16–26. (In Russ.)
6. Feng J., Cheng Ya. The Silk Road economic belt: regional community of shared interests, shared responsibility and shared future. *Vestnik diplomatii*, 2008, no. 13, pp. 110–118. (In Russ.)
7. Sultanova A. T. The Great Silk Road and Osh city. *Sayasat Policy*, 2012, no. 7, pp. 50–54. (In Russ.)
8. Sarymsakov A. Dombra music of the Great Silk Road. *Mysl'*. 2011. №1. pp. 58–62 (In Russ.)
9. Baypakov K. M., Erzakovich L. B. The ancient cities of Kazakhstan. Alma-Ata, Science, 1971, 210 p. (In Russ.)
10. Nysanbaev A. N., Barlybaeva G. G. Ethics as the core of Kazakh philosophical thought. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 10, pp. 64–74. (In Russ.)
11. Baypakov K. M. In the footsteps of ancient cities of Kazakhstan. Alma-Ata: Science, 1990, 208 p. (In Russ.)
12. Ibraev Sh. I. (ed.) The Eurasian idea of N. Nazarbayev and the Turkic space. Astana, Saryarka, 2011, 404 p. (In Russ.)
13. Zhou Lin, Kazbekov B. K. Kazakhstan – new Silk Road. *Sayasat Policy*, 2015, no. 5, pp. 30–32. (In Russ.)
14. Amrebaev A. National regional and global dimensions of the Chinese initiative “Belts and ways”. *Vestnik diplomatii*, 2018, no. 3, pp.128–135. (In Russ.)
15. Potekhina O. Revival of the ancient way: the caravan of China-Kazakhstan. *Dostyk. Druzhiba*, 2015, no. 4, pp. 10–17. (In Russ.)
16. Bugayenko A. The Silk road economic belt: goals and prospects. *Kazakhstan v global'nykh protsessakh*, 2015, no. 1, pp. 64–73. (In Russ.)
17. Boletskikh E. Kazakhstan is a country of majestic nature, rich spirituality and rapid economic development. *Vestnik promyshlennosti i trgovli*, 2011, no. 4, pp. 37–39. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2020

Дата рецензирования 24.01.2020

Статья принята к публикации 30.03.2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 91(06)

«РОЛЬ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»: ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КУРГАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (20–21 марта 2020 г.)

20–21 марта 2020 г. в Курганском государственном университете (КГУ) прошла Всероссийская научная конференция «Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки». Она была организована совместно с Институтом истории СО РАН, Российским обществом интеллектуальной истории, Ассоциацией «История и компьютер» и Курганским отделением Российского исторического общества в рамках проекта «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки»¹. Информационными партнерами конференции являлись журналы «Гуманитарные науки в Сибири», «Диалог со временем», «Историческая информатика». Председателем оргкомитета конференции выступил директор Гуманитарного института КГУ Д.Н. Маслюженко. На открытии конференции и пленарном заседании участников приветствовали С.Н. Щербич – первый проректор КГУ, Е.И. Сорогин – начальник управления правовой, организационной и информационно-аналитической работы Департамента образования и науки Курганской области.

Участниками конференции стали специалисты в области истории, археологии, этнографии, культурологии и музеелогии, которые в рамках междисциплинарного дискурса рассмотрели потенциал вещественных источников как синкретичных носителей информации трех типов: визуальной – о зримом образе вещи, тактильной – об ее материале и пространственной, передающей трехмерность объекта. В круг таких источников было предложено включить не только конкретные предметы или их собрания и коллекции (с учетом корректной классификации), но и здания, памятники архитектуры. Знаковая символика, репрезентация и расшифровка контекста таких источников в тесной связи с иными, особенно письменными, документами часто позволяют по-другому воспринимать отраженный в них социальный опыт и дополнять информацию об исторических событиях и процессах. Особенно велика роль этой категории источников в процессе популяризации и визуализации исторического знания и опы-

та, в том числе в рамках различных концептов исторического образования.

С учетом сложившейся в стране эпидемиологической ситуации конференция проходила в адаптированном варианте. Для очных участников, представителей высших учебных заведений, научных и музейных организаций из Барнаула, Кургана, Москвы, Новосибирска, Сургута, Улан-Удэ, Челябинска и Петропавловска (Республика Казахстан), проводилось пленарное и общие заседания, заочное участие предусматривало представление членами оргкомитета конференции присланных докладов-презентаций и стендовых докладов.

В первом пленарном докладе – президента Ассоциации «История и компьютер» В.Н. Владимирова (Алтайский государственный университет) – была отражена роль исторической информатики в изучении вещественных источников. О.Н. Шелегина (Институт истории СО РАН) проанализировала исследовательские и социокультурные практики в изучении вещественных источников, характеризующие этнокультурное наследие Сибири, показала перспективность их развития в актуальном тренде освоения наследия. И.В. Андреева (Челябинский государственный институт культуры) поставила вопрос об историко-философской рефлексии в использовании вещественных источников как документов в контексте обновления эпистемологических оснований исторической науки. По ее мнению, в фокусе исследования документов вещественной природы оказывается текстура материальных образов – система знаков, кодировок, репрезентаций, полифония контекстов, связей с письменными источниками и свидетельствами, расшифровка которых открывает для «прочтения» социальный опыт и перспективу моделирования множественной истории.

В докладе Д.Н. Маслюженко (КГУ) акцентировалось внимание на проблемах интерпретации найденной в Курганской области западноевропейской (германской) чаши рубежа XII–XIII вв. как источника информации о торговых связях населения Приоболжья. Исследователь подчеркнул уникальность данной находки на юге Западной Сибири, осветил вопрос о возможности использования находок из частных

¹ Автор проекта – канд. ист. наук, заведующая сектором издательских проектов ГМИРЛИ им. В.И. Даля Е.А. Воронцова.

коллекций. Несомненно, любой археологический артефакт становится историческим источником не в момент его нахождения, а только после публикации и введения в научный оборот. При этом чрезвычайно важное значение имеет контекст его обнаружения, особенно в условиях участвовавших грабежей самих памятников и трудностей в определении региона и контекста такой находки. Вместе с тем отказ от работы с уникальными для какой-либо территории предметами чреват утратой части исторической информации.

Вопросы изучения, использования и популяризации вещественных источников из музейных коллекций обсуждались под председательством И.В. Родина и Л.Г. Свитич. Ученые Челябинского государственного университета Е.А. Чайко, О.В. Новикова и О.Ю. Мальцева отразили процессы и результаты формирования интегрированной электронной базы данных по этнографии Южного Урала, включающие разные типы источников, с преобладанием материальных остатков традиционных культур. В работе для определения позиции предмета в культурном контексте использовались способы фотофиксации и графической прорисовки вещей в среде бытования или в собраниях музеев, привлекались фото- и видеоматериалы, информация носителей традиции.

Р.В. Артеменко и А.Н. Никитин (мультимедийный исторический парк «Россия – моя история», Сургут) в своих докладах осветили вопросы актуализации вещественных источников с помощью современных цифровых технологий. Следует отметить особенности данного подхода – ориентированность на «клиповое мышление» современного человека, а также интерактивность в репрезентации исторического опыта, взаимодействие элементов системы (музыка, цветовые оттенки, 3D модели, пространственное решение). Оба доклада вызвали дискуссию в связи с актуальностью использования цифровых технологий в целом и проблемами, встающими при наполнении информацией и федерального, и регионального компонентов мультимедийных исторических парков.

В центре внимания Л.Г. Свитич (Московский государственный университет им М.В. Ломоносова) находились проблемы коммуникации коллекционеров и сообществ исследователей-гуманитариев в процессе сохранения, изучения и репрезентации вещественных источников. Особое внимание они обратили на производство, продажу и коллекционирование продукции традиционных народных промыслов России, которые испытывают большие трудности в новых условиях и остро нуждаются в государственной поддержке и помощи сообщества историков. Специфика комплектования и репрезентации вещевых источников с целью формирования исторического сознания детей была показана в докладе И.Ю. Банниковой и И.В. Мазовой на основе опыта работы Детского музея – структурного подразделения Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск).

Вопросы археологического вещеведения на заседании обсуждались под руководством Д.Н. Маслюженко и И.К. Новикова. Проблемы выявления археологических коллекций Бурятии и формирования самой дефиниции «археологическая коллекция» были подняты Я.В. Диким (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), отметившим различия в подходах археологов и музейных работников. До-

клад И.К. Новикова и Ю.В. Савельевой (КГУ) был посвящен анализу фаянсовых бус позднего бронзового века лесостепного Притоболья как исторического источника, для изучения которого требуется привлечение данных химического анализа. Впервые в отношении этих артефактов было применено понятие «фаянс», маркирующее распространение соответствующих технологий изготовления украшений.

М.С. Петров (Курганский областной краеведческий музей) представил результаты типологического анализа фрагментов гончарной посуды, обнаруженной при археологическом исследовании участка «Культурного слоя города Кургана» на пересечении улиц Советская и Пичугина. Автор выделил наиболее распространенные типы гончарной посуды, бытовавшей в г. Кургане на протяжении XIX – начала XX в., поднял проблему атрибуции фрагментов гончарной посуды и наметил направления дальнейшего изучения гончарного производства на территории Курганского округа Тобольской губернии в XIX – начале XX в. Доклад К.Н. Мергеновой и Г.Н. Саукова (КГУ) продолжил обсуждение темы артефактов, полученных при раскопках в Кургане. Ими были рассмотрены информационные возможности такого источника, как фрагменты фаянсовой посуды уральских производителей XIX – начала XX в., найденные в раскопах одной из городских усадеб. Авторами атрибутированы клейма уральских фаянсовых заводов XIX в., уточнены датировки клейм фаянсовых заводов Симона Афонина, братьев Чекановых, братьев Пермьяковых и Глафиры Катаевой. Эта работа подтвердила факт сбыта фаянсовой посуды производителями из Пермской губернии в г. Кургане, а также факты покупки курганцами такой посуды на ярмарках – Ирбитской, Ишимской, Крестовской и др. Кроме того, выявлены истоки фаянсового производства на Урале, а также созданы культурные, социальные и экономические портреты хозяев данных усадеб. И.К. Новиков (КГУ) посвятил доклад итогам изучения погребений конца XVIII – начала XIX в. в храме с. Карачельское Курганской области. Обнаружение костяка женщины с фрагментами прически и головного убора, интерпретированного учеными как шамшура, позволило впервые на территории Зауралья зафиксировать эти элементы материальной культуры XVIII – начала XIX в.

Сообщения по археологии нового времени вызвали дискуссию о соотношении полученных артефактов с предметами из музейных коллекций и с данными архивных документов, об информационном потенциале этих вещественных источников. Был поднят вопрос о том, нужно ли для таких артефактов разрабатывать именно археологические классификации или же следует использовать имеющиеся в исторической и этнографической литературе.

Заседание конференции под председательством В.В. Менщикова и Т.В. Козельчук было открыто выступлением Е.В. и А.Е. Усачевых (Правительство Курганской области; гимназия № 32 г. Кургана), посвященным систематизации данных о донных клеймах на гильзах от патронов к стрелковому оружию, использовавшихся в ходе Тобольско-Петропавловской операции (20 августа – 30 ноября 1919 г.) на территории современной Курганской области. Авторы пришли к выводу о том, что без поставок импортных боеприпасов ведение полноценных боевых действий в рамках этой операции было бы невозможно.

В докладе И.В. Родина (Московский государственный институт культуры) предметы из коллекции МГИК рассматривались как вещественные источники по истории вуза. Они анализировались с учетом их роли в представлении основных вех и знаковых событий через призму повседневной жизни института. Докладчик констатировал: феномен вещественного источника снабжает исследователя уникальной информацией о различных сторонах жизни МГИК, а посетителю недавно созданной экспозиции предоставляет возможность для оригинального «прочтения» всего массива экспонатов.

Н.Ю. Соколова (ИНИОН РАН, Москва) рассмотрела архитектурное сооружение как источник информации о научной библиотеке – центре научных и культурных коммуникаций, прежде всего коммуникаций исследователей-обществоведов и работников библиотек. В историческом контексте ею представлена отечественная информационно-библиотечная система по общественным наукам, на протяжении полувека (1918–1969) вписанная в определенное пространство (здание по адресу: Москва, ул. Знаменка, д. 11), которое выступало одним из связующих звеньев этой системы и обеспечивало преемственность поколений ученых.

Интерес в плане развития концепта публичной памяти в научной сфере представил доклад-презентация Г.М. Запороженко, О.Н. Шелегиной, Н.Н. Покровского «Исследовательские и музейные практики в освоении научного и научно-технического наследия СО РАН» (Институт истории СО РАН).

А.В. Лушникова (Челябинский государственный институт культуры) рассмотрела ведомственные, корпоративные, общественные музеи как форму общественной инициативы в деле собирания и сохранения объектов материальной культуры. Ею был проанализирован опыт шестилетней работы Ассоциации работников общественных музеев г. Челябинска, подчеркнута необходимость создания профессионального музейного сообщества, открытого для представителей негосударственных музеев.

Оценку потенциала вещественных источников государственных и муниципальных музеев Курганской области дала Е.В. Тершукова (Курганский областной художественный музей), обозначив их долю в общем объеме основного фонда Музейного фонда Курганской области. Она подняла актуальную проблему комплектования вещественными источниками музеев в условиях государственного и муниципального недофинансирования музейной сферы и нехватки квалифицированных музейных кадров.

Р.Н. Солдатенко и А.А. Плешакова (Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Республика Казахстан) представили видеодоклад о задачах, проблемах и возможностях реконструкции предметов женского костюма эпохи бронзы по археологическим материалам с территории Урало-Иртышского междуречья и об использовании таких реконструкций как источника информации, прежде всего для формирования представлений у обучающихся различного возраста о бесписьменном этапе истории.

Инициатор проведения конференции Е.А. Воронцова подвела некоторые итоги работы по проблеме «исторический источник – информация – информационное обеспечение исторической науки» и обозначила главную задачу 2020 г. – выявить потенциал вещественных источников как источников синкретичных носителей информации трех типов: визуальной, тактильной и пространственной.

Участники конференции отметили пользу совместной работы сотрудников высших учебных, научных и музейных организаций – историков, музеологов, этнографов и археологов, подчеркнув, что именно междисциплинарный подход придал конференции интеграционную значимость, продемонстрировал адаптацию к работе в новых форматах, обусловленных внешними обстоятельствами, и выразили благодарность Курганскому государственному университету за высокий уровень организации мероприятия.

Публикация материалов конференции в сборнике «Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки» (2020 г.) – седьмом сборнике проекта «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки» (главный редактор серии – член-корреспондент РАН Л.П. Репина) – позволит расширить информационно-коммуникационное исследовательское пространство для совершенствования теоретических и научно-практических подходов к освоению историко-культурного наследия России.

*Маслюженко Денис Николаевич –
канд. ист. наук, доцент, директор Гуманитарного института,
Курганский государственный университет,
e-mail denmas13@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>*

*Denis N. Maslyuzhenko –
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm;
<http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.